Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 15 АВГУСТА № 15

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

„ПРАВДА“

Главлит № А—19843 Тираж 75.000

Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

VI конгресс Коминтерна.

Два момента, глубоко связанные между собой внутренне, наиболее ярко характеризуют обстановку в которой собрался VI конгресс Коминтерна.

Обострение классовой борьбы и революционного движения, распространение их на новые страны и материки и небывалое обострение военной опасности по отношению к СССР.

В самом недавнем прошлом мы пережили такие события, как всеобщая стачка в Англии и мощный под'ем китайской революции. Английская стачка была предана реформистскими вождями, китайская революция потерпела ряд жестоких поражений от буржуазии и иностранных империалистов. Но выборы в Германии, Франции, Польше в первой половине 1928 года, рост голосов за коммунистические партии, прежде всего бросающийся в глаза в рабочих районах, развитие стачечной борьбы, усиление коммунистического влияния в профсоюзах, особенно заметное в Германии, под'ем национально-революционного движения в Индии, брожение в целом ряде других колониальных стран,—все это показывает, что коммунистическая революция зреет и растет, несмотря на свои временные поражения, что стабилизация капитализма, переход уровня производства в ряде стран за довоенные нормы означает не притупление, а обострение классовых противоречий, не улучшение положения рабочего класса, а неслыханный рост его эксплоатации и угнетения, что эта стабилизация вводит нас не в период социальной гармонии и всеобщего успокоения, а в новую эпоху ожесточенных классовых боев. Еще никогда громкие фразы о смягчении общественных противоречий, о сотрудничестве классов, об эре мира и демократии не находились в таком кричащем противоречии с жизнью, как именно теперь.

Еще никогда террор господствующих классов против революционного движения и коммунистических партий не достигал таких ужасающих размеров. Достаточно вспомнить продолжающиеся массовые казни и пытки в Китае, осуждение на медленную смерть членов ЦК компартии Италии фашистским правительством Муссолини; аресты, зверские избиения, каторжные приговоры в фашистской Польше (только недавно закончились такими приговорами огромные процессы белорусской Громады в Вильне и членов коммунистической

партии Западной Белоруссии в Белостоке). Где классовая борьба достигает особенного напряжения, где возмущение трудящихся масс против господства буржуазии особенно велико, там буржуазия все чаще и чаще применяет фашистские методы прямого и грубого подавления рабочего движения, физической расправы над его участниками, превращения профсоюзов в непосредственные органы буржуазно-фашистского правительства и т. д. Буржуазная диктатура сбрасывает с себя пышный демократический покров и выступает в виде организации голого физического насилия над трудящимися массами.

Другая характерная особенность нынешнего момента, тесно связанная с первой, чрезвычайно реальная опасность внешнего нападения на СССР. В этом отношении обстановка VI конгресса радикально отличается от обстановки предыдущего V конгресса. Тогда СССР вступал в эру «всеобщего признания». За несколько месяцев до конгресса его признало английское «рабочее» правительство Макдональда. После победы левого блока во Франции было совершенно несомненно, что за Англией последует Франция. Еще меньше сомнений внушало поведение их европейских вассалов. Казалось, ничто не предвещало возможности нарушения мира на западной границе Советского Союза.

Как далеко мы стоим теперь от этой почти весенней идиллии! Приблизительно за год до VI конгресса английское правительство порвало дипломатические сношения с СССР и меньше всего думает сейчас об их возобновлении. Еще раньше в Польше образовалось фашистское правительство Пилсудского, консолидировавшее основные массы буржуазии на подготовке военных авантюр на Востоке. Быстро растущий послевоенный германский империализм, у которого заказаны пути к завоеванию заморских рынков, где слишком тесно Англии и Америке, все упорнее и пристальнее направляет свои алчные взоры на Восток. В атмосфере быстро растущих противоречий между основными империалистическими странами СССР, занимающий одну шестую часть земного шара с неизмеримыми естественными богатствами, становится лакомым куском, раздел которого мог бы хотя на время притупить эти необычайно разросшиеся и ежеминутно грозящие войной противоречия. Но дело, разумеется, не в одних противоречиях и не в одном недостатке рынков и источников сырья. Огромное значение имеет и другая сторона вопроса. Чем дальше подвигается вперед социалистическое строительство СССР, тем более грозную опасность для буржуазии представляет оно как притягательная сила для сотен миллионов рабочих, крестьян и угнетенных народов всего мира. Это особенно ясно бросается в глаза на примере соседней с нами Польши Пилсудского, где рабочий получает самую низкую заработную плату на всем европейском материке, где фашистский террор отнимает у него всякую возможность успешной борьбы за кусок хлеба, где тяжести капиталистической рационализации всей своей силой падают на плечи пролетариата, беспощадно расточая его рабочую силу, где бедняк и середняк крестьянин вынужден обрабатывать свой жалкий клочок земли рядом с огромными помещичьими латифундиями, где украинские и белорусские массы подвергаются невероятному национальному гнету. Несомненно, что для такой страны, как фашистская Польша, независимо от того, насколько нуждается во внешних рынках ее буржуазия, одно существование в непосредственном соседстве с ней СССР представляет огромную опасность.

Мы вступили в период, когда буржуазные правительства наперебой друг перед другом спешат выразить, и как можно более демонстративно, свои враждебные чувства по отношению к СССР. Стоит только вспомнить о признании Италией насильственной оккупации Бессарабии румынскими палочниками, о зверском убийстве наших дипломатических работников после Кантонского восстания, не говоря уже о всевозможных налетах; о недавних шагах германского правительства в связи с шахтинским процессом, о дикой травле СССР в японской печати по случаю массовых арестов коммунистов в Японии, о протесте французского государственного банка против привоза советского золота в Северную Америку, о демонстративном неприглашении СССР со стороны американского правительства к подписанию пресловутого пакта Келлога. Последнее выступление польского посланника Патека с протестом против речи т. Бухарина на конгрессе Коминтерна в длинном ряду враждебных актов буржуазной дипломатии против СССР является особенно показательным. За девять лет существования Коммунистического Интернационала буржуазные правительства, и в частности польское правительство, еще ни разу не решались из факта созыва конгрессов Коминтерна на советской территории и выступления на этих конгрессах деятелей ВКП создавать государственные конфликты. Нынешний акт польского правительства нельзя расценивать иначе, как дипломатическую подготовку к тому моменту, когда даже существование Коммунистического Интернационала за неимением других поводов может стать поводом для нападения международного империализма на первую в мире пролетарскую республику. Открытые приготовления правительства Пилсудского при явной поддержке английской и французской буржуазии к захвату Литвы также нельзя расценивать иначе, как прямой шаг к войне с СССР.

Бешеное наступление на рабочий класс собственных стран, враждебная политика по отношению к СССР, перерастающая в прямую подготовку к войне, становится главным содержанием внутренней и внешней политики империалистических государств. А международная социал-демократия становится все более активным фактором этой политики. Международная социал-демократия вместе с Амстердамским Интернационалом делается все более явным и открытым агитпропом международного империализма, обрабатывающим пролетарские массы, удерживающим их от революционной борьбы против капитала и капиталистической рационализации, заставляющим их помогать этой рационализации, т.-е. ковать свои собственные цепи, стремящимся

возбудить недоверие и неприязнь к СССР, не останавливаясь ни перед какой клеветой, чтобы империалистам в нужный момент было легче двинуть обрабатываемые социал-демократией массы на штурм цитадели международной пролетарской революции.

Какие задачи вытекают из создавшегося положения для Коммунистического Интернационала в целом и для входящих в его состав партий?

Всемерное содействие и направление в организованное русло стихийного движения масс против капитала, против капиталистической рационализации, против колониального и национального гнета, против подготовки войны с Советским Союзом, против социал-демократии, стремящейся превратить рабочие массы в активное орудие стабилизации капитализма и нападения на СССР.

Одной из особо важных задач, ударных для настоящего момента, когда опасность войны становится особенно реальной, является борьба за трудящуюся, в первую голову за пролетарскую, молодежь, которая явится главным ядром армий на случай войны.

Укрепление связей с массами рабочих, крестьян, порабощенных народов, поднятие их стихийного движения на высоту революционно-политической борьбы за свержение империализма, за диктатуру пролетариата.

Беспощаднейшая борьба с социал-демократией, как с активным фактором защиты капиталистического строя и подавления рабочего класса, как с активным фактором подготовки империалистической войны против СССР. Чем обостреннее становится классовая борьба, чем более реальные формы принимает военная опасность, чем более решительные меры принимает буржуазия против рабочего класса, тем откровеннее выступает социал-демократия в этой своей роли, тем ближе подходит она к фашизму и фашистским методам, тем основательнее разоблачает себя, как орудие укрепления господства буржуазии и порабощения пролетариата. Германская социал-демократия берет на себя проведение программы буржуазного блока, программы стабилизации капитализма, английская рабочая партия агитирует за сохранение господства британского империализма над Индией, ППС убивает польских рабочих-коммунистов теперь уже не только на улицах во время демонстраций, но и в домах. Такова сегодняшняя работа социал-демократии на службе капиталу.

Мы должны хорошо помнить, что во время и после мировой войны социал-демократическим партиям удалось удержать рабочий класс от революционного свержения капитализма и установления пролетарской диктатуры. Массовых коммунистических партий, которые могли бы стать во главе борьбы рабочего класса, тогда не было. Они выросли и окрепли, когда революционная ситуация в основном была уже позади. Однако, мы видели, как осенью 1923 года германский рабочий класс не использовал революционной ситуации, несмотря на существование массовой коммунистической партии, потому что руководство этой партией не оказалось на высоте задач, поплелось в решающий момент на буксире у левой социал-демократии, оказалось неспособным повести активную самостоятельную революционную политику.

Своеобразие процесса назревания революционной ситуации состоит сейчас в том (и это имеет чрезвычайно важное значение), что он протекает в условиях лихорадочной подготовки к войне против СССР, что в целом ряде стран совершенно нельзя отделить обострение наступления буржуазии на рабочий класс и усвоение социал-демократией методов фашизма от прямой подготовки войны. Чрезвычайная вероятность революционной ситуации именно в связи с войной и с неизбежным спутником ее крайним обострением террора против рабочего класса и коммунистических партий требует от наших партий беззаветной революционной решительности в борьбе с капиталистическим государством и с его социал-демократической агентурой. Огромной опасностью является в таких условиях разлагающее, расслабляющее и парализующее влияние социал-демократической идеологии и насквозь оппортунистической, предательской социал-демократической практики на коммунистические партии или хотя бы на отдельные элементы этих партий. Это есть опасность пассивного разложения, политической импотенции наших партий перед революционными задачами. Поэтому Коминтерн ведет четкую линию беспощадного разоблачения социал-демократии, как агентуры буржуазии и империализма. Поэтому компартия Франции на последних выборах, идя под лозунгом: «класс против класса», отказалась поддерживать на выборах социалистических кандидатов, как прислужников буржуазии. Поэтому английская компартия на ближайших выборах выставляет своих кандидатов против кандидатов английской рабочей партии. Поэтому коммунистическая партия Польши накануне выборов решительно отвергла всякие переговоры с изменнической полуфашистской ППС о блоке на выборах. Поэтому компартия Германии ведет такую решительную борьбу с теми незначительными группами товарищей, которые выступают против четкой борьбы с амстердамцами в профсоюзах, которые выставляют лозунг контроля буржуазно-демократического государства над производством, затушевывая таким образом классовую суть этого государства, которые недооценивают опасность войны. Поэтому Коминтерн во всех своих партиях сосредоточивает огонь по правой опасности, по тем элементам, которые еще не поняли и не усвоили огромной пропасти, отделяющей коммунизм от социал-демократии, которые еще не порвали последних идейных связей с социал-демократией, которые часто бессознательно, помимо своей воли становятся проводниками разлагающих и отравляющих социал-демократических идей в компартии, в рабочей массе, которые склонны брать на веру предательскую ложь социал-демократических изменников, будто опасность войны выдумывается и раздувается Коминтерном. Только полное преодоление этих элементов может максимально предохранить компартии

от опасности пассивности, нерешительности, выжидательного бездействия, хвостизма, убаюкивания себя левой фразой в той революционной ситуации, к которой мы чрезвычайно быстро приближаемся.

Вся работа конгресса—обсуждение доклада тов. Бухарина об общем экономическом и политическом положении и о задачах наших партий, докладов о войне и военной опасности, обсуждение программы в комиссии и на конгрессе—показывает, что представители коммунистических партий разных стран и материков, собравшиеся на конгрессе, отдают себе совершенно ясный отчет в нынешнем положении, что наши партии в общем и целом находятся на высоте тех задач, которые перед ними стоят.

Мы не сомневаемся, что столь же плодотворно будет обсуждение национально-колониального вопроса, вопроса о путях мобилизации тех огромных резервов, которые международная пролетарская революция в решительный момент должна будет двинуть против империализма, и вопросов внутреннего положения ВКП и СССР. Национально-колониальный вопрос впервые после II конгресса ставится с такой широтой на VI конгрессе. Учет и подытоживание грандиозного опыта первого периода великой китайской революции особенно необходимы в настоящий момент, ибо неизбежен в будущем новый под'ем этой революции, ибо вовлечение в революционную борьбу против империализма вслед за рабочими и крестьянами Китая сотен миллионов трудящихся Индии, Китая, Индонезии, Африки и Латинской Америки является важнейшим условием победы пролетариата над империализмом.

СССР находится на важнейшем этапе социалистического строительства, вступает в период грандиозного расширения об'ема этого строительства, интенсивнейшего роста социалистических элементов в сельском хозяйстве, создавая этим твердую почву для дальнейшей индустриализации нашего хозяйства во всем его об'еме. Неизбежные трудности, стоящие перед нашей партией на этом этапе, требуют от партии особой сплоченности, революционной решительности и максимальной ясности в оценке перспектив социалистического строительства. На предыдущем этапе борьбы с троцкистской оппозицией прикрывавшей свое социал-демократическое нутро левыми фразами, наша партия показала, что она располагает этими качествами. Давая оценку тактике ВКП и результатам социалистического строительства СССР, конгресс вобьет осиновый кол в могилу разложившейся и до конца разоблачившей себя, как агентуру буржуазии и социал-демократии, троцкистской оппозиции не только в союзном, но и в международном масштабе. Не будем здесь распространяться о том, какое грандиозное значение для мирового коммунистического движения, для его перспектив, для его ближайших успехов и конечной победы будет иметь принятие на VI конгрессе программы Коммунистического Интернационала, каким огромным фактором идейной консолидации коммунистического движения во всем мире будет эта программа.

Коммунистические партии, представленные на конгрессе, далеки от переоценки своих сил и от недооценки сил наших империалистических врагов и их социал-демократических помощников. Они отчетливо сознают, какая колоссальная работа еще лежит перед ними. Но они сознают также и свои огромные задачи и имеют достаточно революционной решимости для их выполнения.

Мы можем высказать твердую уверенность, что перед лицом этих задач VI конгресс Комунистического Интернационала сумеет стать могучим фактором организации, консолидации, идейной мобилизации революционных сил во всем мире накануне периода решительных боев, к которым мы приближаемся.

П. Шубин.

Борьба против войны и завоевание масс.

В основе решений VI конгресса Коминтерна лежит оценка современности, как периода подготовки новых империалистических войн и интервенций. Соответственно этому и центральная задача, стоящая перед Коминтерном, была формулирована, как задача увязки повседневной массовой работы с борьбой против войны. В прениях (особенно по докладу «О мерах борьбы с опасностью империалистических войн») выяснилось, как много еще остается сделать не только для разрешения этой задачи, но даже для более или менее правильной постановки ее. Причина—не только в организационной слабости ряда секций, но и в новизне этой проблемы для многих из них. Достигнутым до сих пор в этой области можно считать лишь преодоление предрассудка, будто борьба с войной—дело простое и сравнительно легкое, будто «ответ на войну» может быть с'импровизирован в последний момент. В частности необходимость создания нелегальной организации для длительной работы в армии, как показали прения, усвоена братскими партиями вполне. Другое дело—вопрос о том, **к а к** этого добиться. Правильной постановке этого вопроса лишь в **н е м н о г и х** случаях (поскольку можно судить по прениям) продолжают мешать неизжитые еще остатки «раболепства перед легальностью» (Чехо-Словакия), а также рецидивы в той или иной форме старых иллюзий о возможности бойкота хотя бы «добровольной» армии во время войны (отчасти у англичан). Главным же препятствием для организации систематической борьбы с войной является все же неумение увязать ее со всеми другими формами нашей работы на предприятиях, в профсоюзах и т. д.

Ниже мы остановимся на той раз'яснительной работе, которая должна быть проделана в секциях для устранения пробелов, относящихся ко второй категории вопросов.

В каком смысле можно говорить, что конгресс признал необходимым подчеркнуть связь между возникновением революционной ситуации в предстоящий период и империалистической войной? Не в том, конечно, чтобы он пытался определить, **г д е, к а к, в к а к о й м о м е н т и п о к а к о м у п о в о д у** возникнет ближайшая революция. Еще летом 1918 года, т.-е. за несколько месяцев до германской революции, тов. Ленин писал:

«Мы пережили за последние 12 лет две революции, мы знаем, что их нельзя делать ни по заказу, ни по соглашению, что они вырастают тогда, когда десятки миллионов людей приходят к выводу, что жить так дальше нельзя... Мы в своей стране... знаем и видим, что нельзя предсказать хода революции, что нельзя ее вызвать, можно только работать на пользу революции. Если работаешь последовательно, если работаешь беззаветно, если эта работа связана с интересами угнетенных

масс, составляющих большинство, то революция приходит, а где, как, в какой момент или по какому поводу, сказать нельзя. Поэтому ни в каком случае мы не позволим себе обманывать массы, говорить: немецкие рабочие помогут завтра, они взорвут своего кайзера послезавтра. Этого говорить нельзя» (том XV, стр. 350).

Было бы грубейшей ошибкой утверждать, что формулировка т. н. «третьего периода» в тезисах по докладу т. Бухарина может дать повод думать, будто возникновение революционной ситуации «откладывается» до **п о с л е т о г о**, как международные противоречия прорвутся в военном конфликте. О такой «отсрочке» для буржуазии не может быть и речи. Во-первых, потому, что непосредственная революционная ситуация возникла в Китае не в результате «перезрелости» капиталистической стабилизации, а в результате ослабления ее, подрыва империализма на одном из его важнейших участков. В Индии непосредственной революционной ситуации еще нет, но она уже назревает и может вырасти опять-таки не в результате стабилизационных, а, наоборот, распадочных элементов, продолжающих раз'едать английский империализм, в результате чего и заостряется его открыто-реакционная авантюристически-разбойная политика в Индии, поднимающая на восстание массы. Сказанное в той или иной степени относится и к другим колониям. Во-вторых, и в Европе капиталистическая стабилизация испещрена такими провалами, как, например, Балканы, и она может здесь быть взорвана революцией и до империалистической войны. В-третьих, и в основных империалистических странах Европы внутренние противоречия, заостряя внешние и в свою очередь заостряемые ими, могут привести к революционному кризису еще **д о** того, как конфликт между империалистами примет форму военного столкновения, сохраняя, скажем, характер, конфликта финансового (неизбежное обострение борьбы между Англией, С.-А. С. Ш. и Францией за золотые резервы) или экономического— за сферы влияния.

Можно сказать, что при всех возможных положениях предстоящая революция или революции **п р о р в у т с я в о б с т а н о в к е, н а с ы щ е н н о й э л е м е н т а м и л и б о у ж е п р о и с х о д я щ и х, л и б о е щ е н а з р е в а ю щ и х и м п е р и а л и с т и ч е с к и х в о й н и и н т е р в е н ц и й.**

Могут спросить, что нового даст такое определение по сравнению, скажем, с формулой Базельской резолюции, которая уже предусматривала (увы! на бумаге...) «превращение империалистической войны в гражданскую». Новое (не касаясь организационной стороны дела) в нынешней обстановке заключается с этой точки зрения в том, что империалистическая буржуазия, учитывая недешево ей доставшиеся уроки первой мировой войны и послевоенных революций, в особенности же считаясь с существованием Советского Союза, **р а с п р о с т р а н я е т п о л и т и к у и п р а к т и к у в о е н н о г о п о л о ж е н и я н а п е р и о д, п р е д ш е с т в у ю щ и й в о й н е, н а п е р и о д е е п о д г о т о в к и.** Тов. Бухарин охарактеризовал этот момент на конгрессе, указав, что «грядущая война уже отбрасывает из будущего свою зловещую тень на настоящее» (закон Бонкура, билль против трэд-юнионов в Англии, обязательный арбитраж для удушения забастовочного движения и т. д. и т. п.).

Первейшее условие успешной антивоенной борьбы наших братских секций заключается в том, чтобы помочь широким массам увидеть эту тень, отбрасываемую уже войной на их каждодневную борьбу, ибо тогда, и только тогда, опасность войны станет для них реальностью, несмотря на все разнообразие форм социал-демократической пацифистской лжи. «Широкие массы еще не верят в надвигающуюся военную катастрофу»,—говорили на конгрессе одни делегаты; «рабочие, находящиеся под реформистским влия-

нием, считают опасность войны преувеличенной»,—говорили другие; «социал-демократической и буржуазной печати до сих пор удается внушать массам, что в случае войны или интервенции против СССР правительство останется нейтральным»,—говорили третьи. Но, не рассеяв этой лжи, нам не удастся поднять бдительность и активность масс, сделать их доступными для действительного антивоенного агитационного и организационного воздействия. Но как рассеять, какими путями и средствами? Конечно, прежде всего раз'ясняя характер и размеры назревающих международных конфликтов, разоблачая тайны военных бюджетов, приводя примеры из подготовки первой империалистической войны и интервенции против СССР и т. д. и т. п., указывая, наконец (для ряда стран это имеет первостепенное значение), что буржуазия уже ведет открытую войну против китайской революции и подкопную войну за раздел Китая. Но ограничиться только кругом вопросов международного характера отнюдь не достаточно; при таком характере агитации война все же может остаться для части рабочих чем-то далеким, даже маловероятным. Надо повести раз'яснительную работу и в другом направлении: надо показать, что те явления и факты, на которые рабочий наталкивается в своей борьбе с предпринимателем и с государственным аппаратом, те факты, которые уже бьют его на каждом шагу, представляют собой в значительной степени элементы общей системы буржуазной подготовки к войне.

В области политической эти явления характеризуют усиливающееся наступление буржуазных государств на рабочие организации. Наступление ведется с целью либо разрушить эти организации в порядке административных репрессий, которые даже в «свободных» странах все больше принимают характер террора военного времени, либо их полного подчинения себе через реформистскую агентуру, практика которой опять-таки носит все черты законченного типичного социал-шовинизма и социал-империализма. Нет ни одной страны, где эти элементы военного положения не насыщали бы «мирную» политику буржуазии и в отношении к рабочему классу, и в отношении к крестьянству, и в отношении к порабощенным колониям. Наиболее ожесточенную форму этот террор принимает в преследовании компартий и красных профсоюзов,—наша задача показать рабочим, что эти преследования имеют целью обезглавить рабочий класс и тем самым отнять у него способность воспрепятствовать войне. Формы террора в различных странах различны в зависимости от того, как глубоко данная страна в'ехала в войну, насколько организован в ней рабочий класс, какие исторические разновидности имеет здесь реформизм и т. д. Но решающим остается то, что везде буржуазия уже начинает «стрелять первой» в рабочих.

В области экономической своеобразные черты нынешней формы капиталистического наступления, как наступления, связанного с войной, не так легко различимы, как в области политической. Но сделать их видимыми для рабочих масс именно здесь особенно важно. Рационализация в той бешеной форме, в которой она проводится сейчас, при незагруженности производственного аппарата, с одной стороны, при отсутствии компенсации рабочим за интенсификацию труда—с другой, является, с одной стороны, следствием обострения межимпериалистической борьбы за мировые рынки, а с другой — важнейшей частью общего плана технической подготовки к войне. В борьбе против понижения своего жизненного уровня рабочий сталкивается на предприятии с об'единенным в государственном масштабе трестовским капиталом, с его монопольными организациями, не только не зависящими от государственной власти, но и открыто командующими над ней. В Германии, скажем, наглядным доказательством военных планов буржуазии является не только рост фашистских организаций и стремление разрушить или обессилить Красный Союз Фронтовиков, но и специальные формы локаутной политики металлического картеля в конце 1927 г., сделавшие явным тот скрытый механизм, при помощи которого эта могущественная предпринимательская организация может, не стесняясь, диктовать свою волю буржуазному государству, настойчиво подготавливая его для разрешения военной задачи. Рабочим, скажем, химической промышленности на их собственном опыте может быть показано, что учащающиеся соглашения между химическими сверхтрестами отдельных стран ни в какой степени не уменьшают растущего соревнования в этой важнейшей, с точки зрения войны, отрасли промышленности, а следовательно, и бешеной игры в чехарду в области развития военной техники и что в то же время эти международные организации, если и об'единяют свои силы, то в первую очередь для наступления против рабочих, для взаимного страхования в национальном и международном масштабе в случае забастовок. Развитие в различных формах госкапитализма, характерного для военного периода, делает неизбежным превращение любой стачки на любом предприятии в борьбу против того или иного треста и синдиката, выступающих на защиту отдельного предпринимателя, а затем и в борьбу с милитаризированным государством, неизменно стоящим за спиной этих предпринимательских монополий. Открытое государственное насилие, ставящее вне закона всякую экономическую борьбу во время войны, уже является решающим фактором в нынешний довоенный период.

Именно в связи с изменившимися формами борьбы со стороны буржуазии и ее государства мы открыто должны поставить перед рабочим классом вопрос о необходимости дополнить и укрепить его легальные организации созданием нелегальных баз, нелегальных организаций, нелегальной коммунистической работы, не сдавая в то же время ни одной легальной позиции, неустанно, несмотря ни на какие жертвы, борясь за их расширение. Необходимость нелегальной организации должна стать ясной для рабочего-массовика, иначе она может оказаться изолированной от масс. Изучение этого вопроса у Ленина предохранит наши секции от опасности разрешить сложнейшие задачи, связанные с переходом от чистого легализма к комбинированным методам работы, упрощенным способом, ведущим к сектантству.

Необходимость нелегальных организаций в «свободных» странах топ. Ленин раз'ясняет осенью 1915 года, ссылаясь на опыт воюющих стран:

> «Стреляйте первыми, господа буржуа», писал Энгельс, намекая именно на гражданскую войну и на необходимость нарушения легальности нами после (подчеркнуто в подлиннике) того, как ее нарушит буржуазия. Кризис показал, что буржуазия нарушает ее во всех, даже самых свободных странах и что нельзя вести к революции массы, не создавая нелегальные организации для проповеди, обсуждения, оценки, подготовки революционных средств борьбы. В Германии, например, все, что делается честного социалистами, делается против подлого оппортунизма или лицемерного каутскианства и делается именно нелегально. В Англии посылают на каторгу за печатные призывы не итти в войско» (т. XIII, стр. 197).

Года через полтора, когда война бросила свою «зловещую тень» и на нейтральные страны, Ленин расширяет агитацию за нелегальные организации и для периода подготовки к войне. С этой стороны, чрезвычайно поучительна статья «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской соц.-дем. партии»,—статья, которая имеет особо важное значение для всех секций Коминтерна именно сейчас.

> «Малейшие шаги правительства перед войной или во время войны к отмене или стеснению политических свобод должны повести к образованию с.-д. рабочими нелегальных организаций, имеющих целью

систематическую, неустанную, не останавливающуюся перед жертвами пропаганду войны войне перед массами» (т. XIII, стр. 493).

Сейчас, в 1928 г., этот предвоенный «отрезок» превратился в целый подготовительный период к войне. Тов. Ленин видел это уже в 1922 г., и потому тогда же (в инструкции нашей делегации в Гааге), считал необходимым поставить первейшим условием действительной борьбы с войной «разъяснение единственно возможного способа... именно сохранение и образование нелегальной организации для длительной работы против войны всех участвующих в войне революционеров». И еще раньше в тезисах об основных задачах II конгресса т. Ленин посвятил целый пункт вопросу о «систематическом соединении легальной и нелегальной работы», поставив его тогда (лето 1920 г.) в связи с «периодом кануна пролетарской диктатуры».

То обстоятельство, что германская буржуазия дает в такой период соц.-демократу Герману Мюллеру «подержать» государственный руль, отнюдь не означает возможности «возрождения пацифистской эры», хотя бы в уродливой форме 1924 г. За Германом Мюллером числятся не малые услуги именно как за военным эмиссаром германского империализма. Известно, что в 1914 г. он выступил на сцену перед самым поднятием занавеса войны, совершив в последний момент перед разрывом дипломатических сношений свою таинственную поездку в Париж для переговоров с ЦК французской социалист. партии с миссией, которая по своим целям вполне соответствовала планам германского генерального штаба. Эта кратковременная дипломатическая поездка Мюллера 1914 г. разрастается сейчас в целую программу правительства, именно потому, что подготовка к войне требует сейчас от буржуазии более сложной и продолжительной предварительной работы. Мюллер, таким образом, своей особой воплощает процесс дальнейшего падения соц.-демократических вождей, превратившихся из попустителей реакционной войны в ее непосредственных участников и руководителей.

О том, что переход к нелегальным формам борьбы и к строительству нелегальной организации «ни в каком случае и ни при каких обстоятельствах» не означает отказа от использования «самомалейшей легальной возможности для организации масс и проповеди социализма», что этот переход «невозможно сделать иначе, как с величайшей энергией и решительностью, соединенными с целым рядом военных хитростей»... т. Ленин, как известно, повторял неустанно и во время и после войны. Мало того, в разных местах его сочинений рассеяны в форме иллюстраций описания отдельных конкретных форм нелегальной работы и их сочетания с легальной,—конкретные указания, которые при внимательном изучении в связи с тогдашней обстановкой значительно облегчат разрешение тех же задач в нынешних условиях.

Взять, например, одну из важнейших форм связи нелегальной или полулегальной организации с широкими массами, т.-е. печать. В каком отношении должны стоять друг к другу партийная нелегальная и массовая легальная печать в обстановке особенно свирепой цензуры? Опыт наших секций показывает, что уже сейчас обнаруживаются двоякого рода промахи и ошибки при разрешении этой задачи. С одной стороны, оппортунистическое, «толстовское» подчинение произволу цензуры, которая в «мирное» время и в «демократических» странах по сути дела уже начинает приближаться к цензуре военной (пример такого «толстовства»—компартия Чехо-Словакии, которая выпускает ЦО систематически с белыми колонками и полосами, ограничиваясь такой беспомощной «демонстрацией» цензурного зверства...). С другой стороны, в некоторых нелегальных партиях наблюдаются тенденции к тому, чтобы ограничиться подпольной литературой, отчасти вследствие

недооценки важности легальной печати при всяких условиях, отчасти вследствие трудностей нащупать такую форму легальной печати, которая не извратила бы партийную линию. В этом отношении очень поучительны указания, которые были сделаны тов. Лениным для самой тяжелой обстановки, для начала империалистической войны в Германии. Настаивая, что обязанность партии и в этих условиях заключалась в том, чтобы в числе других мер «организовать нелегальную литературу, проповедующую необходимость перехода к революционным действиям», тов. Ленин пишет:

> «Между прочим. Для этого вовсе не обязательно было закрыть все социал-демократические газеты в ответ на запрещение писать о классовой ненависти и классовой борьбе. Согласиться на условие не писать об этом, как сделал «Форвертс», было подлостью и трусостью. «Форвертс» политически умер, сделав это. Л. Мартов был прав, когда заявил это. Но можно бы сохранить легальные газеты, заявив, что они не партийные и не социал-демократические, а просто обслуживающие технические нужды части рабочих, т.-е. неполитические газеты. Нелегальная социал-демократическая литература с оценкой войны и легальная рабочая без такой оценки, не говорящая неправды, но молчащая о правде,—почему бы это было невозможно?» (Ленин, т. XIII, стр. 164—165).

Здесь важно указание—до какого максимума можно дойти в деле военных хитростей против цензуры в целях сохранения рабочей печати при том, конечно, непременном условии, чтобы ее пробелы восполнялись нелегальными газетами, листовками и т. д. Но, разумеется, было бы неправильно механически переносить этот максимум на нынешнюю обстановку по той простой причине, что нигде или почти нигде (за исключением, может быть, наиболее угнетенных колоний) цензура не достигла еще военного апогея. Отсюда обязанность бороться за сохранение политического характера и печатью, которая обслуживает массовые беспартийные организации. «Военная хитрость» должна заключаться в том, чтобы, не замалчивая правды, подыскивать для нее такие формы выражения, которые облегчали бы обход цензурных запретов. Образцом в этом отношении до сих пор остается, как известно, «Правда» 1912—1914 годов, опыт которой должен получить международное использование тем более, что в ряде стран мы идем быстро навстречу царистскому режиму довоенного периода.

С точки зрения формулировки широкой платформы, координирующей антивоенную работу с борьбой за частичные требования, а также для характеристики массовых форм этой борьбы, внимательнейшего изучения требует цитированная выше статья «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской социал-демократической партии» (т. XIII, стр. 491—501). Не только каждодневная борьба против дороговизны, но и критика с парламентской трибуны буржуазных проектов финансовой реформы связываются в этой платформе с подготовкой революционных действий против войны, с разоблачением попыток буржуазии свалить на рабочих и беднейших крестьян тяжести предвоенного периода и войны. Указание на растущие задачи и новые возможности революционного парламентаризма формулировано именно в связи с войной. В частности, такой «мирный» вопрос, как введение принудительного бесплатного перехода иностранцев в швейцарское подданство, подводится к вопросу о борьбе с войной («Политическое бесправие иностранных рабочих и отчужденность их усиливают и без того растущую политическую реакцию и ослабляют интернациональную солидарность пролетариата»).

Но особенно важно для нашей теперешней практики указание на необходимость разнообразнейших форм массовой работы именно в связи с антивоенной работой.

систематическую, неустанную, не останавливающуюся перед жертвами пропаганду войны войне перед массами» (т. XIII, стр. 493).

Сейчас, в 1928 г., этот предвоенный «отрезок» превратился в целый подготовительный период к войне. Тов. Ленин видел это уже в 1922 г., и потому тогда же (в инструкции нашей делегации в Гааге), считал необходимым поставить первейшим условием действительной борьбы с войной «разъяснение единственно возможного способа... именно сохранение и образование нелегальной организации для длительной работы против войны всех участвующих в войне революционеров». И еще раньше в тезисах об основных задачах II конгресса т. Ленин посвятил целый пункт вопросу о «систематическом соединении легальной и нелегальной работы», поставив его тогда (лето 1920 г.) в связи с «периодом кануна пролетарской диктатуры».

То обстоятельство, что германская буржуазия дает в такой период соц.-демократу Герману Мюллеру «подержать» государственный руль, отнюдь не означает возможности «возрождения пацифистской эры», хотя бы в уродливой форме 1924 г. За Германом Мюллером числятся не малые услуги именно как за военным эмиссаром германского империализма. Известно, что в 1914 г. он выступил на сцену перед самым поднятием занавеса войны, совершив в последний момент перед разрывом дипломатических сношений свою таинственную поездку в Париж для переговоров с ЦК французской социалист. партии с миссией, которая по своим целям вполне соответствовала планам германского генерального штаба. Эта кратковременная дипломатическая поездка Мюллера 1914 г. разрастается сейчас в целую программу правительства, именно потому, что подготовка к войне требует сейчас от буржуазии более сложной и продолжительной предварительной работы. Мюллер, таким образом, своей особой воплощает процесс дальнейшего падения соц.-демократических вождей, превратившихся из попустителей реакционной войны в ее непосредственных участников и руководителей.

О том, что переход к нелегальным формам борьбы и к строительству нелегальной организации «ни в каком случае и ни при каких обстоятельствах» не означает отказа от использования «самомалейшей легальной возможности для организации масс и проповеди социализма», что этот переход «невозможно сделать иначе, как с величайшей энергией и решительностью, соединенными с целым рядом военных хитростей»... т. Ленин, как известно, повторял неустанно и во время и после войны. Мало того, в разных местах его сочинений рассеяны в форме иллюстраций описания отдельных конкретных форм нелегальной работы и их сочетания с легальной,—конкретные указания, которые при внимательном изучении в связи с тогдашней обстановкой значительно облегчат разрешение тех же задач в нынешних условиях.

Взять, например, одну из важнейших форм связи нелегальной или полулегальной организации с широкими массами, т.-е. печать. В каком отношении должны стоять друг к другу партийная нелегальная и массовая легальная печать в обстановке особенно свирепой цензуры? Опыт наших секций показывает, что уже сейчас обнаруживаются двоякого рода промахи и ошибки при разрешении этой задачи. С одной стороны, оппортунистическое, «толстовское» подчинение произволу цензуры, которая в «мирное» время и в «демократических» странах по сути дела уже начинает приближаться к цензуре военной (пример такого «толстовства»—компартия Чехо-Словакии, которая выпускает ЦО систематически с белыми колонками и полосами, ограничиваясь такой беспомощной «демонстрацией» цензурного зверства...). С другой стороны, в некоторых нелегальных партиях наблюдаются тенденции к тому, чтобы ограничиться подпольной литературой, отчасти вследствие недооценки важности легальной печати при всяких условиях, отчасти вследствие трудностей нащупать такую форму легальной печати, которая не извратила бы партийную линию. В этом отношении очень поучительны указания, которые были сделаны тов. Лениным для самой тяжелой обстановки, для начала империалистической войны в Германии. Настаивая, что обязанность партии и в этих условиях заключалась в том, чтобы в числе других мер «организовать нелегальную литературу, проповедующую необходимость перехода к революционным действиям», тов. Ленин пишет:

> «Между прочим. Для этого вовсе не обязательно было закрыть все социал-демократические газеты в ответ на запрещение писать о классовой ненависти и классовой борьбе. Согласиться на условие не писать об этом, как сделал «Форвертс», было подлостью и трусостью. «Форвертс» политически умер, сделав это. Л. Мартов был прав, когда заявил это. Но можно бы сохранить легальные газеты, заявив, что они не партийные и не социал-демократические, а просто обслуживающие технические нужды части рабочих, т.-е. неполитические газеты. Нелегальная социал-демократическая литература с оценкой войны и легальная рабочая без такой оценки, не говорящая неправды, но молчащая о правде,—почему бы это было невозможно?» (Ленин, т. XIII, стр. 164—165).

Здесь важно указание—до какого максимума можно дойти в деле военных хитростей против цензуры в целях сохранения рабочей печати при том, конечно, непременном условии, чтобы ее пробелы восполнялись нелегальными газетами, листовками и т. д. Но, разумеется, было бы неправильно механически переносить этот максимум на нынешнюю обстановку по той простой причине, что нигде или почти нигде (за исключением, может быть, наиболее угнетенных колоний) цензура не достигла еще военного апогея. Отсюда обязанность бороться за сохранение политического характера и печатью, которая обслуживает массовые беспартийные организации. «Военная хитрость» должна заключаться в том, чтобы, не замалчивая правды, подыскивать для нее такие формы выражения, которые облегчали бы обход цензурных запретов. Образцом в этом отношении до сих пор остается, как известно, «Правда» 1912—1914 годов, опыт которой должен получить международное использование тем более, что в ряде стран мы идем быстро навстречу царистскому режиму довоенного периода.

С точки зрения формулировки широкой платформы, координирующей антивоенную работу с борьбой за частичные требования, а также для характеристики массовых форм этой борьбы, внимательнейшего изучения требует цитированная выше статья «Задачи левых циммервальдистов в швейцарской социал-демократической партии» (т. XIII, стр. 491—501). Не только каждодневная борьба против дороговизны, но и критика с парламентской трибуны буржуазных проектов финансовой реформы связываются в этой платформе с подготовкой революционных действий против войны, с разоблачением попыток буржуазии свалить на рабочих и беднейших крестьян тяжести предвоенного периода и войны. Указание на растущие задачи и новые возможности революционного парламентаризма формулировано именно в связи с войной. В частности, такой «мирный» вопрос, как введение принудительного бесплатного перехода иностранцев в швейцарское подданство, подводится к вопросу о борьбе с войной («Политическое бесправие иностранных рабочих и отчужденность их усиливают и без того растущую политическую реакцию и ослабляют интернациональную солидарность пролетариата»).

Но особенно важно для нашей теперешней практики указание на необходимость разнообразнейших форм массовой работы именно в связи с антивоенной работой.

«Действительное проведение в жизнь Аарауского решения о революционной борьбе масс невозможно без систематической и упорной работы над расширением с.-д. воздействия на массы, без вовлечения новых слоев трудящейся и эксплоатируемой массы в движение. Пропаганда и агитация за социальную революцию должны вестись более конкретно, наглядно, непосредственно-практически, так, чтобы быть понятными не только для организованных рабочих, которые всегда останутся при капитализме меньшинством пролетариата и угнетенных классов вообще, но и для большинства эксплоатируемых, неспособных в силу ужасного гнета капитализма к систематической организации» (т. XIII, стр. 496).

С точки зрения требований, формулированных выше т. Лениным, фактическое состояние антивоенной работы в секциях, насколько она отразилась в прениях на конгрессе, заставляет безотлагательно удесятерить внимание к этому вопросу. Есть основание опасаться, что между провозглашаемыми лозунгами последовательной революционной борьбы против войны и нынешним состоянием организационной работы в массах, которая не может не быть связана с повседневными нуждами, не может не учитывать «мелочей», существует значительный разрыв. В той же статье т. Ленин дает наглядный пример того, как надо относиться и в агитационной и в организационной работе к этим «мелочам». Пропаганда высоких ставок налога связывается с тем, что мы «воспользуемся каждой даже малейшей уступкой для неуклонной борьбы за полную экспроприацию буржуазии». Специально отмечается даже такая организационная «мелочь», как «открытое соревнование всех секций партии и особенно организаций молодежи в деле распространения летучих листков..., раз'ясняющих, что революционный пролетариат борется за социалистическое преобразование Швейцарии»; «партия должна перейти к более систематическому изданию раздаваемых даром листков»... Парламентские представители должны использовать свое особо выгодное политическое положение «для проповеди социальной революции среди наиболее отсталых (подчеркнуто в подлиннике) слоев пролетариата и полупролетариата в городе и особенно в деревне».

Период ожесточающейся борьбы, в который вступают все секции Коминтерна, требует большей однородности, большей закаленности партий; правый уклон в такой обстановке может сыграть особенно вредную, дезорганизующую роль.

Конгресс в принятых по докладу т. Бухарина тезисах считал необходимым подчеркнуть, что в настоящее время главная линия уклонов внутри коммунистических партий идет вправо от правильной политической позиции. Борьба с этими правыми уклонами должна быть поставлена на первый план, что предполагает и систематическую борьбу с примиренческим отношением к ним внутри компартий.

Не может быть, разумеется, и речи о том, чтобы эта борьба в какой бы то ни было степени означала ослабление борьбы за завоевание масс, в том числе и тех слоев, которые находятся под влиянием реформизма. Вопрос только в том, чтобы настойчивая, терпеливая работа по овладению добросовестно заблуждающимися, реформистски настроенными массами не скатывалась незаметно к терпимости по отношению к недостаточно устойчивым, не освободившимся от реформистских пережитков элементам внутри самой компартии.

И в этом отношении основная линия, за которой должна строго следить партия, отчетливо намечена т. Лениным. Одна из наиболее четких формулировок, относящихся к этому вопросу, дана в статье «Фальшивые речи о свободе», написанной после II конгресса и направленной против Серрати. Особую опасность «малейших колебаний» внутри партии в тот период, к которому относится эта статья, тов. Ленин связывает с тем, что в Италии назревает революционный кризис, что дело там идет к решающим битвам. Но столь же бесспорно, что в этот же период вопрос о завоевании масс приобретает особо важное жизненное значение. Обе задачи об'ективно не противоречат друг другу, хотя при неправильном подходе к их разрешению такое противоречие легко может возникнуть; и тогда оно бьет одновременно и по боеспособности партии и по ее влиянию в массах.

Нынешний период нельзя считать кануном (за исключением Китая) непосредственной борьбы пролетариата за власть. Но он является кануном военного кризиса, когда обострение классовых противоречий и международного и внутреннего характера еще не привело к возникновению революционной ситуации, но неизбежно должно привести к ней, когда партии должны вооружаться и перевооружаться в ожидании решительных боев, когда они должны менять приемы и методы борьбы сообразно новой все более насыщаемой элементами империалистических войн обстановке. Переход от легальных также и к нелегальным формам борьбы требует решительности, уверенности, твердой руки и железной дисциплины. С другой стороны, «это — новый вид организации борьбы, которому тоже надо научиться, а наука не дается без ошибок и поражений». Но ошибки и поражения могут быть с минимальным ущербом перенесены партией, если она освободилась от шатаний в своих собственных рядах, в первую очередь, разумеется, в своем руководстве. Вот почему и данному периоду соответствует то, что писал Ленин о необходимости гибкой тактики, но такой, которая в данных условиях гнется налево. «Если колеблющиеся вожди отходят прочь в такое время, это не ослабляет, а усиливает и партию, и рабочее движение, и революцию».

М. Рютин.

Руководящие кадры ВКП(б).

I.

Решения Центрального Комитета партии о смоленском нарыве, о состоянии артемовской окружной организации, а также и о шахтинском деле, имеют крупнейшее политическое значение.

Эти решения, как и самые факты, послужившие основанием для их принятия, ставят перед нами вопрос не только о подборе и работе руководящих кадров промышленности, но они требуют постановки вопроса о дальнейшем формировании, воспитании и подборе руководящих кадров партии для всех остальных областей социалистического строительства.

Необходимо констатировать, что до самого последнего времени изучение работы и состояния руководящих кадров партии у нас было поставлено далеко не удовлетворительно. Работа велась разрозненно, от случая к случаю, и мы в настоящее время не имеем пока-что никакого обобщающего материала, дающего картину современного состояния и динамики развития руководящих кадров партии за последние 5—6 лет.

Единственные опубликованные данные по затронутому нами вопросу можно найти в материалах, выпускавшихся к с'ездам партии, как-то: «Руководящие кадры РКП(б) и их распределение» — к XIII с'езду партии, «К XIV с'езду РКП(б)», «Партийные, профессиональные и кооперативные органы и госаппарат»—выпущены к XIV с'езду, и материалы «К XV с'езду ВКП(б)». Однако, статистические данные находящиеся в них, настолько противоречивы по отношению друг к другу, что пользоваться ими можно только с большими оговорками и осторожностью.

Даже в последнее время, когда по итогам Всесоюзной партпереписи поступило в продажу уже несколько выпусков, о руководящих кадрах партии мы опять-таки ничего не имеем. В дальнейшем этот пробел безусловно нужно устранить и изучение руководящих кадров партии производить систематически и всесторонне.

Наши руководящие кадры за годы революции гигантски выросли. И само собою разумеется, этот рост не совершался самотеком. Уже XI с'езд нашей партии поставил вопрос о подборе руководящих работников для гос. и хоз. аппарата. В резолюции XI с'езда по данному вопросу партийным организациям была дана следующая директива: «Парторганизации должны обеспечивать устойчивое руководство советскими учреждениями и хозорганами. Они подбирают всю массу членов партии, работающих в этих органах. Парторганизации дают лучших своих работников для непосредственной работы в хозорганах».

XII с'езд еще более обстоятельно останавливается на задаче комплектования руководящих кадров. Его решения по данному вопросу в основном сводятся к следующему: «1) Уточнить и оформить систему распределения и подбора работников так, чтобы обеспечить руководящее влияние партии в деле подбора госаппарата и охватить повседневную распределительную работу гос. и хоз. органов и важнейшие назначения в них. 2) Постепенно изучить и пересмотреть руководящий состав государственных и, в частности, хозорганов с точки зрения делового и политического соответствия. 3) Укрепить гос. и хоз. органы партийными силами и ответственными партработниками».

В результате директив XII с'езда в составе руководящих кадров партии у нас произошел огромный сдвиг: во-первых, в сторону орабочивания этих кадров и, во-вторых,—в сторону закрепления и усиления в их составе прослойки старых партийцев-большевиков.

XIV с'езд партии снова сюда обращает внимание, при чем к делу подбора широко привлекаются органы РКИ и КК. «Органы КК и РКИ,—говорится в резолюции XIV с'езда,—до сих пор работали в этом направлении главным образом путем очищения государственного аппарата от негодных элементов. Однако, обследование государственного аппарата, связь органов РКИ с производственными комиссиями фабзавкомов и с экономкомиссиями учреждений, участие органов РКИ в регулировании вопроса о выдвиженчестве,—все это дает органам КК и РКИ возможность оказывать содействие партийным органам в выполнении задачи подбора работников также и путем отбора тех из них, которые в своей деятельности обнаружили соответствующую подготовленность, добросовестность в работе, соответствующие знания и т. д.

В силу этого задачей ЦКК и РКИ в будущем в большей мере, чем это было до сих пор, должно являться активное содействие соответствующим партийным и советским органам в деле подбора работников в хозяйственные и государственные области».

Руководящая рука партии в комплектовании состава ответственных работников видна, таким образом, совершенно отчетливо. Общественно-политическая и хозяйственная зрелость всей основной массы руководящих кадров сильно повысилась, однако, удовлетвориться тем, что мы имеем, мы ни в какой мере не можем.

Это вытекает из той новой обстановки, в которую мы вступили. Из периода восстановления нашего хозяйства мы вступили в эпоху реконструкции, в эпоху индустриализации страны. На одной шестой части суши земного шара мы вплотную приступили к закладке экономического фундамента социалистической цивилизации. Н о в ы й с т р о я щ и й с я ф у н д а м е н т, н о в а я э к о н о м и ч е с к а я б а з а в л а с т н о н а ч и н а ю т т р е б о в а т ь и н о в ы х «н а д с т р о е к». О т с ю д а л о з у н г к у л ь т у р н о й р е в о л ю ц и и, з в у ч а щ и й в н а с т о я щ е е в р е м я с о в е р ш е н н о п о - н о в о м у, и н а ч е, ч е м ш е с т ь—с е м ь л е т н а з а д, о т с ю д а п р о б л е м а к а д р о в и т. д.

Острота проблемы кадров приводит некоторых товарищей в настоящее время к постановке вопроса о к р и з и с е к а д р о в. Такая постановка является безусловно ошибочной. Кризиса кадров мы не имеем. В общем и целом мы, несомненно, имеем рост и консолидацию руководящих кадров. Но в то же время на многих участках нашей великой социалистической стройки этот рост не идет в ногу с ростом требований по отношению к кадрам. Поэтому задача сводится к тому, чтобы форсировать этот рост, приспособить его к темпу и задачам реконструкции и роста социалистического хозяйства, как можно прочнее увязать со всем комплексом, суммой мероприятий, вытекающих из лозунга культурной революции.

Этот угол зрения остается правильным для всей массы руководящих кадров; его необходимо применять и при анализе работы и состояния той или иной группы руководящих работников.

II

Переходя к конкретному анализу современного состояния и динамики руководящих кадров по отдельным группам, в первую очередь посмотрим, как обстоит дело с работниками, находящимися на руководящей партийной работе.

Статистические данные дают нам здесь следующую картину:

К какому сроку	Социальное положение			Партстаж		
	Рабочих в %%	Крестьян в %%	Прочих в %%	Подп. в %%	17 г. в %%	18 г. и позже в %%
Секретари обкомов, губкомов и крайкомов						
К XI с'езду	24,7	3,6	41,7	48,3	18,0	33,7
„ XII „	44,6	0,9	54,5	62,5	20,5	17,0
„ XIII „	48,6	0,0	51,4	71,4	13,4	15,2
„ XIV „	43,5	1,2	55,3	75,3	14,1	10,6
„ XV „	48,7	0,0	51,3	71,1	14,5	14,4
Заворги губкомов, обкомов, крайкомов и Нац. Ц. К.						
К XI с'езду	50,0	7,1	42,9	41,0	25,0	34,0
„ XII „	35,2	5,5	59,3	27,4	34,1	38,5
„ XIII „	37,5	7,3	55,2	30,2	25,0	44,8
„ XIV „	52,7	3,6	43,7	18,5	21,5	56,9
„ XV „	44,4	3,7	51,9	25,9	26,0	48,1
Зав. агитпропами губкомов, обкомов, крайкомов и Нац. Ц. К.						
К XIII с'езду	20,3	1,4	78,3	20,3	24,6	55,1
„ XIV „	27,9	1,5	64,7	22,1	22,1	55,8
„ XV „	25,5	2,0	72,5	13,7	21,6	64,7
Секретари укомов						
К XIII с'езду	50,0	12,9	37,1	25,7	27,5	46,8
„ XIV „	56,2	10,9	31,5	18,0	33,1	48,9
„ XV „	—	—	—	21,3	19,1	59,6

Примечание: Таблица составлена на основании следующих материалов:
1) „Руководящие кадры РКП и их распределение“.
2) „Партийные, профессиональные и кооперативные органы и госаппарат“—к XIV с'езду РКП(б).
3) „К XIV с'езду РКП(б)“.
4) „К XV с'езду ВКП(б)“.
Эти статистические данные, как сказано выше, не могут претендовать на особую точность.

Из таблицы вытекают следующие выводы: среди секретарей обкомов, губкомов и крайкомов, начиная с XI с'езда, мы имеем рост подпольщиков, при чем к XIV с'езду % подпольщиков поднялся до 75,3 и к XV с'езду снизился до 71,1%; остальные две группы членов партии—с 1917 г. и позже—дают в общем и целом кривую на понижение. Это свидетельствует о том, что влияние старых большевистских кадров, прошедших школу подполья, в руководящей партийной работе ни в какой мере не ослабевало, а наоборот повышалось. С другой стороны, очевиден, и другой процесс—укрепление рабочего ядра в этой группе работников. С 24,7% рабочее ядро

к XV с'езду выросло до 48,7%. Процент крестьян дает понижение. Группа прочих остается в общем стабильной с тенденцией на понижение.

Укрепление рабочего ядра налицо также и в составе заворгов. С XI с'езда к XIII в составе заворгов мы имеем снижение рабочего ядра с 50% до 37%. К XV с'езду этот процент снова поднялся до 44,4. Группа крестьян и здесь несколько снизилась, а группа прочих остаётся в общем стабильной. Что касается партстажа, то здесь налицо снижение группы подпольщиков и одновременно значительный рост группы членов партии с 1918 г. и позже. Это свидетельствует о том, что сюда подтягиваются молодые растущие кадры партии, что обеспечивает дальнейший нормальный рост руководящего партийного ядра. Процент рабочих в составе зав. агитпропами все еще не обнаруживает сколько-нибудь заметных признаков дальнейшего роста, что обязывает нас к повышению теоретической подготовки рабочих-партийцев, могущих восполнить и устранить этот пробел. Процент подпольщиков в данной группе также невелик, и рассчитывать на его дальнейшее увеличение теперь на 11-м году пролетарской диктатуры едва ли приходится, так как с каждым годом значительные группы старых большевиков выходят из строя и партия их вынуждена заменять новыми, молодыми кадрами.

В составе секретарей укомов мы имеем совершенно отчетливый рост группы рабочих при одновременном снижении процента подпольщиков и увеличении группы секретарей укомов с партстажем с 1918 г. и позже.

То же самое явление там, где проведено районирование, мы наблюдаем в составе секретарей окружкомов, заворгов и завагитпропов: процент подпольщиков и здесь снижается. К XIV с'езду в составе секретарей окружкомов имелось 40,5% подпольщиков, к XV с'езду 28,3%. Одновременно растут группы секретарей окружкомов, имеющих стаж с 1917 г., а также с 1918 г. и позже.

По практическому стажу по данной работе в составе секретарей крайкомов и губкомов мы имеем 71,6% имеющих стаж до 1 года, 9,9%—от 1 до 2 лет, 8,6%—от 2 до 3 лет, 6,2%—от 3 до 5 лет, 7,3%—от 5 до 7 лет. Среди секретарей Нац. ЦК и обкомов мы имеем примерно то же самое. Группа работников, имеющих стаж по данной должности до 2-х лет, составляет 72,1%.

Цифры свидетельствуют о том, что процесс обновления в этой руководящей группе работников происходит в общем и целом нормально. Цифры из вышеприведенной таблицы говорят о том, что налицо имеется сохранение руководящей роли старой большевистской гвардии во всех основных звеньях партийной работы при одновременном подтягивании молодняка.

Эта здоровая линия в формировании руководящих партийных кадров отчетливо сказывается и на составе высших партийных органов, избранных XV партийным с'ездом. В настоящее время как в составе Центрального Комитета, так и в составе Центральной Контрольной Комиссии мы уже имеем членов партии с партийным стажем с 1917, 18, и даже 19 гг. Мы не анархисты, мы не отрицаем роли вождей, но вожди не падают готовыми с неба, они вырабатываются и отбираются всей обстановкой борьбы и социалистического строительства. Вожди вырастают путем накопления и обобщения, с помощью революционного марксизма-ленинизма, политического опыта руководства массами и практической работой. А это невозможно успешно выполнить без подтягивания молодых показавших себя на работе сил в руководящие партийные органы.

Однако, как же возможно при таком положении такое разложение, перерождение отдельных клеточек партийного организма, какое оказалось налицо в смоленской, артемовской и шахтинской организациях. Последние

наиболее глубокие причины этих явлений лежат в нашей некультурности. Своей социалистической культуры мы еще не создали и не скоро создадим. Переварить, переработать все лучшие и необходимые нам элементы буржуазной культуры мы также еще не смогли, хотя за это дело уже взялись вплотную.

Между тем, даже та непрочная, тепличная, рахитичная буржуазная культура, которая создалась в России, в том числе и прямо враждебные нам, не подлежащие перевариванию и переработке, обреченные на полное уничтожение элементы буржуазной культуры,—они давят с огромной силой на сознание, психику и даже на линию поведения многочисленных групп и прослоек рабочих и всех трудящихся.

Такое явление будет продолжаться еще довольно длительный период. Как же, спрашивается, при таком положении избежать всех опасностей разложения и перерождения? Почему в других организациях этого не случилось? Какие гарантии у партии при нашей некультурности имеются от разложения отдельных частей партийного организма в дальнейшем?

Таких основных гарантий у нас имеется две.

Первая гарантия, это—связь всей партии, и в особенности руководящих кадров, с рабочим классом, с массами. Рабочий класс при под'еме социалистического строительства, при его развертывании не может разложиться, переродиться. Он, наоборот, будет консолидироваться, сплачиваться, повышать свой культурный уровень и политическую зрелость. Кто отрывается от рабочего класса, от трудящихся масс, тот неминуемо должен разложиться, переродиться, перестать быть настоящим большевиком, тот в лучшем случае должен стать обывателем.

Если кто-либо отрывается от рабочего класса, от трудящихся масс, он неизбежно должен примкнуть к другому классу или к его остаткам, обломкам. Связь с рабочим классом, чувство ответственности перед ним и перед партией являются, таким образом, важнейшей, хотя не единственной и не полной гарантией, «прививкой» против болезни «разложения».

Вторая гарантия это—наша революционная теория, марксистско-ленинское мировоззрение, это систематическая проверка нашей повседневной практики с помощью учения Маркса—Энгельса—Ленина.

Отрыв теории от практики, как и наоборот—практики пролетарской революции от ее теории, в свою очередь приводит к опасности разложения отдельных клеток партийного организма и к извращению большевистской партийной линии.

Ленин со всей гениальностью своего ума вскрыл обе эти опасности. Он видел все отрицательные стороны разрыва теории, книжных знаний с практикой, он говорил: «Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, тот старый разрыв, который составлял самую отвратительную черту старого буржуазного общества». Буквоедство, догматизм, ученая схоластика, пусть даже она надевает на себя марксистско-ленинскую тогу, в лице ленинизма, как революционной теории для действия, всюду и везде заслуженно встречают беспощадный отпор.

Но в то же время Ленин предупреждал и о другой опасности—об опасности пренебрежения теорией, преклонения перед голым, ползучим эмпиризмом, беспринципным «делячеством». Еще 25 лет назад Лениным была брошена крылатая фраза: «Без революционной теории не может быть и революционного движения». Он подчеркивал, что «всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной».

Наша практика постоянно и систематически должна пронизываться, проверяться и освещаться марксистско-ленинской теорией, и, наоборот, наша теория должна постоянно обогащаться всемирно-историческим опытом революционного рабочего движения.

Это—вторая важнейшая, хотя и не единственная и не полная прививка против яда разложения отдельных клеточек партии.

В смоленской, артемовской и шахтинской организациях об обеих этих прививках в той или иной степени забыли. Каждая из них не занимала в этих организациях того места, какое им принадлежало, принадлежит и будет принадлежать в партии.

С одной стороны, оказался налицо отрыв от масс, забвение того элементарного положения, что партия не является самоцелью, с другой,—вместо принципиальной большевистской политики проводилось беспринципное «делячество», а в итоге—разложение. Совершенно очевидно, что эта беспринципная политика в руководстве вышеназванных организаций отражает, вместе с тем, в той или иной мере недостаточную теоретическую и политическую закалку руководящих кадров в этих организациях, недостаточный теоретический уровень и узкий политический кругозор этих кадров. Отсюда следует, что нам ни в какой мере не следует ослаблять теоретическое воспитание наших руководящих кадров, наоборот, нужно его всемерно улучшать и повышать.

Надо сказать, что еще и в настоящее время огромное большинство секретарей губкомов, обкомов, окружкомов, а также заворгов и агитпропов окружных и губернских организаций, пользуется только теми знаниями из учения Маркса—Ленина, которые они в далеко не совершенном виде почерпнули в кружках подполья или приобрели наспех, на ходу в самой практике пролетарской революции. Между тем, в настоящее время этого оказывается уже далеко не достаточно.

Одновременно с повышением теоретического уровня нам необходимо более упорно работать над расширением общего политического кругозора. В отношении общего политического кругозора значительная часть этих кадров находится в тисках, если можно так выразиться, провинциальной ограниченности. И совершенно естественно, что эта провинциальная ограниченность служит благоприятной почвой для всяких видов обрастания, артельности, семейственности и т. п.

Для расширения политического кругозора руководящих партийных работников совершенно необходимо, чтобы каждый из них прошел школу работы в каком-либо крупном промышленном и политическом центре Советского Союза. Желательно, чтобы как можно больше такого рода работников имели возможность окунуться даже в основной центр политической жизни—в Москву, поработать здесь, чтобы затем снова двинуться на работу в провинцию на ту или иную окраину.

Для расширения политического кругозора это будет иметь немаловажное значение. Мало того, в настоящее время все сильнее назревает потребность в непосредственном ознакомлении губернских, окружных, краевых партработников с жизнью важнейших капиталистических государств.

В самом деле, в настоящее время мы посылаем за границу рабочих, инженеров, директоров, председателей трестов, студентов. Спрашивается, а сколько же у нас было за границей секретарей губкомов, окружкомов, нац. ЦК и других руководящих партийных работников? Могут спросить, зачем им ехать? Рабочие, инженеры, студенты едут изучать достижения

капиталистической техники, для того, чтобы эти достижения перенести на советскую почву, тогда как в пересаживании буржуазной демократии и всех ее прелестей на советскую почву мы совсем не нуждаемся.

Во-первых, и для политических руководителей далеко не безразлично знакомство с достижениями капиталистической техники. А, во-вторых, руководители партийных организаций: секретари, заворги, завагитпропы и т. п.,—они должны своими глазами посмотреть в капиталистических странах жизнь и борьбу рабочего класса, его организации, должны пощупать своими руками механизм капиталистического господства и его приводные ремни для того, чтобы тем вернее оценивать и наши успехи и трудности дальнейшей борьбы Советского Союза, а также общее соотношение борющихся сил.

Коротко говоря, такие командировки за границу партийных работников должны преследовать цель выработки руководящих партийных кадров, обладающих более широким политическим кругозором, а отсюда и умением более успешно руководить массами в деле социалистического строительства.

III.

В отношении выковывания и дальнейшего роста профсоюзных кадров вопрос в настоящее время приобрел тоже значительную остроту. Причины этого те же, что отмечены нами выше. Со стороны количественного роста этих кадров, партийной прослойки и их обновления какие-либо крупные коррективы в дальнейшую практику в ближайшее время вносить нам едва ли придется. С фактической стороны в данной области дело представляется к XV с'езду партии в следующем виде: руководящие органы профдвижения (пленумы и президиумы ВЦСПС и ЦК союзов) почти на 100 процентов состоят из членов партии, в президиуме ВЦСПС коммунисты составляют 100%, в президиумах ЦК союзов составляли 99,5%, в пленуме ВЦСПС—99,6% и в пленумах ЦК союзов—86,3%. Вовлечение беспартийных, как видим, было недостаточное. Особенно мало беспартийных было в ЦК металлистов, железнодорожников, горняков и транспортников, где на 50—60 членов ЦК приходилось всего по 2—3 беспартийных.

Последние с'езды внесли сюда значительные изменения, и в настоящее время процент беспартийных в ЦК союзов значительно выше.

По партийному стажу—в руководящих органах профсоюзов к XV с'езду абсолютное количество подпольщиков уменьшилось всего на 2 человека; в президиуме ВЦСПС подпольщиков имелось 77%, в президиумах ЦК союзов—23,4%; среди представителей СПС—11%.

По социальному составу—в рядах руководящих профкадров огромное большинство рабочих: среди председателей СПС—60%, в президиуме ВЦСПС—82%. Обновление руководящих профкадров также проходит в общем и целом нормально. На ряду с этим мы видим накапливание опыта практической работы: в составе ВЦСПС 75% общего числа членов вели активную профработу не менее 8—9 лет, в президиуме ВЦСПС таких товарищей насчитывается—95%, в пленумах ЦК—53%, и в президиумах ЦК—73%. Что касается обновления, то в предыдущие перевыборы было переизбрано свыше 50% руководящих работников руководящих профорганов; в пленумах ЦК союзов эта цифра дошла даже до 68%. Надо полагать, что и при последних перевыборах профсоюзов процент обновления мы имеем достаточный.

Основной недостаток профорганов заключается в том, что при количественном росте своих кадров из рабочих они не уделяют достаточного внимания изучению качественного состава своих кадров, их подбору, выдвижению и воспитанию на практической работе. Поэтому Центральный

Комитет в последнем своем постановлении по вопросу о профкадрах дал следующую директиву фракциям профорганов: «Добиться решительного перелома в работе профорганов (начиная с ВЦСПС) по изучению качественного состава своих кадров, их правильного использования, выдвижения, а также систематической работы по поднятию их квалификации».

Так обстоит дело с руководящими кадрами профсоюзов. Несколько иное положение мы имеем в руководящей группе административно-советских работников. Вот краткая цифровая сводка о социальном положении и партийном стаже председателей ГИК, ОИК, ЦИК и СНК союзных и автономных республик.

Председатели ГИК, ОИК, ЦИК, и СНК, союзн. и автономных республик.

К какому времени	Социальное положение			Партстаж		
	Рабочих	Крестьян	Прочих	Подп.	1917 г.	18 г. и позже
К XII с'езду	30,1	4,9	65,0	49,1	17,0	33,9
„ XIII „	31,1	5,7	63,2	43,9	20,6	35,5
„ XIV „	29,8	6,6	63,6	37,2	21,5	41,3
„ XV „	45,8	—	—	35,0	17,0	48,0

Из таблицы видно, что процент рабочих в составе председателей ГИК, ОИК, ЦИК и СНК союзных и автономных республик значительно ниже, чем в составе председателей местных СПС, и почти равняется с процентом рабочих в составе секретарей губкомов и обкомов. При этом, как видно из цифр за все последние годы, количество рабочих в составе председателей ГИК продолжает неуклонно расти. По партийному стажу, наоборот, в составе председателей ГИК процент подпольщиков несравненно выше, чем в составе председателей советов профессиональных союзов (11% и 35%) и в то же время далеко ниже по отношению к секретарям губкомов и обкомов (35% и 71,1%). Молодые кадры подтягиваются к руководящей советской работе весьма сильно, что видно из того, что 48% председателей ГИК, ОИК, ЦИК и СНК союзных и автономных республик имеют партийный стаж с 1918 г. и позже. Этот плюс обязывает нас, однако, обратить исключительное внимание на политическую закалку этой группы работников, на повышение их идейно-политического и культурного уровня. В отношении практической работы эта группа работников накопила весьма значительный опыт, но этот опыт чрезвычайно нуждается в оплодотворении и обогащении общеполитическим развитием. Только при этом условии мы избавимся от того кустарничества в руководстве советской работой, которое у нас на местах все еще имеется.

Чрезвычайно серьезно по этой группе работников обстоит положение и в отношении текучести.

По продолжительности работы в данных должностях эта группа работников к XIV с'езду партии распределялась следующим образом:

Менее года	47,1%
От 1 до 2 лет	30,6%
От 2 до 3 лет	8,3%
3 года и более	14,0%

Почти половина всего числа председателей находилась, таким образом, на данной работе менее 1 года и 30%—только от 1 до 2 лет. После XIV с'езда, казалось бы, что мы должны были добиться ослабления этой текучести. В действительности же к XV с'езду положение почти не изменилось. В материалах «К XV с'езду ВКП(б)» по отмеченному вопросу мы находим следующие данные: «В составе руководителей советской работы на местах текучесть значительно большая. Среди 47 пред. ГИК, обл. и крайисполкомов 15 товарищей работают в последней должности менее года, 19 от 1 до 2 лет, 7 от 2 до 3 лет и 6 от 3 до 5 лет.

Таким образом, за отчетных 2 года сменилось 35 председателей из 47, т.-е. 72% всего состава («К XV с'езду ВКП(б)», стр. 73). В дальнейшем такая текучесть бесспорно должна быть устранена.

Говоря о руководящих кадрах партии, мы, понятно, ни на одну минуту не можем забывать той части этих кадров, которая работает на фронте хозяйственного и кооперативного строительства непосредственно.

Что мы имеем на этом важнейшем участке?

В кооперации за последние годы мы имеем укрепление руководящих партийных кадров. В кооперативных центрах партийцы составляют 75% всего руководящего состава (к XIV с'езду было 67%). Увеличение партийной прослойки происходит по всем видам кооперации. Но в распределении партийных сил по различным участкам кооперативного фронта имеется значительная неравномерность. В то время как в сельскохозяйственной кооперации их только 59%, в потребительской кооперации мы их имеем уже 83%. В губернских, окружных центрах партийная прослойка в кооперации уже значительно ниже.

Рабочее ядро даже в руководящих кооперативных органах равняется всего 26%, зато по отношению к кооперативному стажу в руководящих центрах кооперации почти ⅓ работников имеет кооперативный стаж больше 7 лет 32%, а работники с кооперативным стажем 3 года и выше составляют 72%. Это явление надо признать здоровым. Если крайне вредна частая смена, текучесть промкадров, то это же надо сказать и относительно руководящих работников кооперации. Опыт, знание данного дела в данной области, накапливается здесь годами, и всякие частые переброски с работы крайне отрицательно сказываются на экономическом эффекте работы. К тому же в кооперации среди беспартийных имеется значительное количество выходцев из других партий. Частая сменяемость работников с руководящей кооперативной работы при таком положении естественно может привести к ослаблению партийного влияния, несмотря на солидную партийную прослойку.

Что касается промышленных кадров, то тов. Васильевым в № 8 «Большевика» от 30 апреля текущего года этому вопросу уже дана общая оценка. Из цифр, приведенных в статье, явствует, что процент партийцев в правлениях трестов, синдикатов и акц. обществ неуклонно из года в год растет. Рабочая же прослойка в этих организациях в составе руководящих работников почти не обнаруживает роста. Это чрезвычайно показательно. Рост рабочей прослойки тут натыкается на нашу экономическую и техническую безграмотность. *Дальнейшее повышение рабочей прослойки в таких организациях, очевидно, в серьезнейшей степени будет зависеть от упорной работы по приобретению научно-технических и экономических знаний нашими хозяйственниками-рабочими.* Партия им в этом направлении должна оказать максимальную помощь и поддержку.

Что рост рабочей прослойки в составе хозяйственников в настоящее время, когда мы приступили к реконструкции хозяйства, связан с приобретением научно-технических знаний хозяйственниками-рабочими—это сказывается и на рабочей прослойке в составе директоров госпредприятий. Рост этой прослойки в составе директоров, начиная с 1926 года, тоже почти приостановился. Руководство заводом усложнилось, требования по отношению к директору гигантски выросли, и рабочему становится значительно труднее справиться с этими задачами. Это находит в настоящее время свое яркое отражение в огромной тяге директоров в Пром. Академию, на курсы директоров, в тяге к командировкам на заграничные заводы для повышения своей производственно-технической квалификации и к различным видам научно-технического самообразования.

Для того, чтобы уяснить себе серьезность задачи дальнейшего всемерного повышения качественного уровня директоров госпредприятий, достаточно взглянуть на нижепомещаемую таблицу:

Качественный состав директоров госпредприятий (в %%)[1].

Директорский состав по разным признакам:	Январь 1926 года			Январь 1928 годе		
	Парт.	Бесп.	Всего	Парт.	Бесп.	Всего
Партийность	78,3	21,7	100,0	89,3	10,7	100,0
Социальн. положен.						
Рабочих	70,8	10,2	57,7	70,3	4,9	63,3
Крестьян	7,6	7,2	7,4	4,0	—	3,5
Служащих и проч.	21,7	82,6	34,9	25,7	95,1	33,2
Итого . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Образование:						
Низшее	75,0	31,8	65,6	78,6	14,8	71,6
Домашнее	5,3	3,6	4,9	3,7	2,5	3,5
Среднее	16,6	24,5	18,3	14,9	24,7	16,0
Высшее	3,1	40,1	11,2	2,8	58,0	8,9
Итого . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В таблице обращают на себя внимание следующие цифры: рабочих, членов ВКП(б), в составе директоров в 1926 г. было 70,8%, а в 1928 г.—70,3%. На ряду с некоторым снижением рабочей прослойки в составе директоров, мы в то же время имеем рост процента директоров-партийцев с низшим образованием. Так, в 1926 г. мы с низшим образованием имели 75%, а в 1928 г. мы имеем 78,6%. В то же время со средним образованием в 1926 г. имелось 16,6%, а в 1928 г.—14,9% партийцев.

Совершенно очевидно, что мы не можем допустить, чтобы и в дальнейшем этот процесс шел в том же направлении. Наша задача заключается в том, что мы, не допуская снижения рабочей партийной прослойки в составе директоров, в то же время должны добиваться всемерного повышения уровня их образования, в особенности в своей специальной области. Иначе на почве нашей научно-технической безграмотности враждебные нам буржуазные специалисты и в дальнейшем будут захватывать в плен наших директоров, безнаказанно заниматься различными видами и формами вредительства на фронте хозяйственного строительства.

[1]) «Большевик» № 8, стр. 64.

Крупнейшие партийные организации на эту задачу уже обратили надлежащее внимание. Московский Комитет, подводя итоги проверки руководящих кадров промышленности Московской губернии, вынес по отмеченному вопросу специальную резолюцию. Эта резолюция гласит: «Основное и преобладающее ядро руководящих промышленных кадров прошло суровую школу революционной борьбы и партийной работы, а также получило на практике большой административно-хозяйственный опыт. Однако, задача вовлечения рабочих масс в организацию строительства промышленности, с одной стороны, и задачи культурной революции—с другой, требуют от наших руководящих кадров более высокого культурного общественного уровня. С этой точки зрения уровень руководящих хозяйственных кадров надо признать далеко не достаточным.

В особенности заметно общее несоответствие уровня наших руководящих хозяйственных кадров в производственно-техническом отношении требованиям реконструктивного периода нашей промышленности.

Между тем, осуществление задач социалистической рационализации промышленности, переустройство ее на более высокой технической базе, вовлечение рабочих масс в производство, необходимость руководить специалистами не формально, а по существу со всей остротой ставят очередную задачу—создание нового типа хозяйственника, умеющего не только хорошо администрировать и хозяйничать вообще, но обладающего необходимыми производственно-техническими знаниями, детально изучившего порученное ему дело и одновременно являющегося выдержанным политическим и общественным работником».

В связи с этим Московский Комитет наметил ряд практических задач, как-то: реорганизацию курсов красных директоров и создание при МСНХ Промакадемии, расширение системы специального заочного обучения с производственно-техническим уклоном по типу заочного обучения при Свердловском у-те, улучшение качества производственно-технической печати, устройство периодических консультаций силами высококвалифицированных специалистов и т. п. Эти же задачи в настоящее время выдвигаются и перед другими крупными организациями промышленных районов.

IV.

Еще более остро стоит перед нами проблема усиления партийных кадров в области научно-технической. В настоящее время в Советском Союзе насчитывается около 2.500 научных учреждений, в том числе 1.500 краеведческих организаций. Общее количество научных работников достигает 20.000, из них около 40% работает в области естествознания и математики, 30%—в области общественных наук, 15%—по медицине, 10%—в области техники и производства и только 5%—в области сельского хозяйства. (См. «Революция и Культура» № 2, 1927 г., ст. Ферсмана «Организация науки в СССР»).

Реконструктивный период уже со всей суровостью требует от нас крупнейшей передвижки в процентных соотношениях отдельных групп научных сил, которыми мы располагаем. В дальнейшем потребность такой передвижки станет еще более осязательной. При этой передвижке мы должны будем во что бы то ни стало добиться в этом секторе социалистического строительства серьезнейшего усиления наших руководящих партийных кадров. Между тем еще и в настоящее время сюда нами порой не обращается достаточного внимания.

Кадры научных работников партийцев, которыми мы располагаем, очень невелики. Среди научных работников процент коммунистов составляет примерно 6—8%, при чем в этот процент включены все коммунисты, зачисленные по секции научных работников союза Рабпрос и по ЦЕКУБУ. Из этих процентов лишь некоторая часть научных работников коммунистов имеет настоящую научную подготовку и квалификацию. До пролетарской революции лишь редкие единицы из большевиков могли вести и вели систематическую научную работу. Все силы большевистской партии—и это было совершенно закономерно и целесообразно—до Октябрьской революции концентрировались вокруг задачи воспитания и мобилизации пролетариата и трудящихся масс для низвержения царизма и буржуазии. Разработка вопросов теории и чисто научных вопросов была увязана с этой основной целевой установкой. Период гражданской войны тоже не имел в наличности благоприятных условий для создания научных коммунистических кадров тем более, что для такого создания требуется продолжительный срок. Лишь за последние 4—5 лет начала развертываться работа по переквалификации старых научных партийных кадров и подготовке новых.

Однако, в настоящее время условия для их дальнейшего развития и роста еще нельзя считать вполне нормальными. Даже в настоящее время со стороны партийных организаций не всегда наблюдается необходимое внимание к вопросу о выращивании и подготовке партийных научных сил. Партнагрузка научных работников порою бывает так велика, что она приводит на деле к дисквалификации некоторых из них, как научных работников, между тем как задачи культурной революции требуют дальнейшего повышения их теоретического и научного уровня.

С другой стороны, и со стороны самих научных работников коммунистов к своим обязанностям порою встречается несерьезный подход. У отдельных товарищей можно встретить излишнюю самоуверенность, самовлюбленность, дилетантизм и «всезнайство», не могущие содействовать дальнейшему нормальному росту и повышению их научно-теоретической квалификации.

С дилетантизмом и «всезнайством» среди научных партийных кадров партия должна будет повести серьезную борьбу, ибо при поверхностном универсализме нельзя выработать солидных научных кадров партийцев-специалистов. Само собою разумеется, что специализация научных работников должна строиться на базе диалектического материализма, революционного марксизма. Но это еще не значит, что научный работник коммунист должен быть «и швец, и жнец, и в дуду игрец».

На этом участке нашей работы нам необходимы, таким образом, и дальнейший быстрый количественный рост партийных кадров и повышение их качества. Для того, чтобы наука полностью стала служить делу социалистического строительства и международной пролетарской революции, она должна быть завоевана диалектическим материализмом и его живым носителем в СССР—Всесоюзной Коммунистической Партией.

Потребность количественного и особенно качественного роста наших руководящих кадров вытекает из всего существа нашего социалистического строительства; она диктуется также и развитием всего Коммунистического Интернационала, ростом международной революционной пролетарской борьбы. Фронт борьбы Коммунистического Интернационала расширяется с каждым годом. На нашу партию, как на руководящую секцию Коммунистического Интернационала, в руководстве битвами международного революционного пролетариата выпадает важнейшая роль. Для этого руководства, для помощи и поддержки братских партий нам потребуется еще не мало сил, и рост наших руководящих кадров должен быть увязан с нашими дальнейшими международными революционными перспективами.

Наша партия эту свою обязанность перед Коммунистическим Интернационалом должна будет выполнить и выполнит с ленинской последовательностью и настойчивостью.

Капиталистический и социалистический путь развития крестьянского хозяйства и машинизация.

И марксистским научным анализом и итогами исторического развития сельского хозяйства целого ряда стран установлено, что далеко (по сравнению с деревней) ушедший в экономическом развитии город «по образу своему и подобию» определяет путь развития деревни, ведет ее за собой. Именно поэтому при господстве капитализма в данной стране невозможно социалистическое развитие крестьянского хозяйства, находящегося под всесторонним мощным воздействием капиталистического города. При наличии социалистического города (госпромышленность и другие командные высоты в руках пролетариата) последний всей своей мощью направляет—и чем дальше, тем сильнее—крестьянское хозяйство на социалистический путь развития (крупное коллективное хозяйство, производственные сел.-хоз. артели, предприятия переработки и проч.).

Своеобразие переживаемой нами переходной эпохи заключается в том, что классовая борьба в деревне является частью общей борьбы капитализма и социализма в стране, и действительно массовый переход крестьянского хозяйства на социалистический путь развития, к крупному общественному хозяйству предрешается результатом общей борьбы в городе. «Тот факт, что борьба в городе определенно склоняется в пользу социализма, должен найти и находит прямое отражение и в ходе этой борьбы в деревне, так как элементы социализма в деревне подпираются всей экономической мощью пролетарского города. Только при такой постановке вопроса можно говорить об успешной борьбе с растущим капитализмом в деревне» [1]).

Исходя из этой общей установки, мы должны сказать, что особую силу и значение борьба капиталистических и социалистических элементов приобретает на участке машинизации деревни. Дело в том, что крупная сел.-хоз. машина, кроме агротехнического, имеет большое экономическое и политическое значение в жизни деревни, являясь одним из важнейших факторов расслоения. После же Октябрьской революции, отменившей частную собственность на землю, значение сел.-хоз. инвентаря, значительно усилилось, и крупная сел.-хоз. машина, в зависимости от условий и форм ее использования, является либо мощным орудием кооперирования и обобществления крестьянского хозяйства, либо, попадая в руки единоличника-кулака—орудием безудержной эксплоатации бедноты, превращаясь в этом случае из технической базы социализма в орудие капиталистической эксплоатации бедноты, экономического (а потом и политического) подчинения

[1]) Из доклада т. Молотова на XV партс'езде.

последней кулаку. Общеизвестная и небезуспешная борьба кулака за крупную сел.-хоз. машину об'ясняется производственными нуждами его собственного хозяйства, стремлением получить не ему предназначенный кредит и подсчитанными наперед доходами от эксплоатации через эту машину окружающей его безынвентарной бедноты. А доходы эти бывают внушительны до неожиданности.

Укажем наиболее яркие факты. При обследовании 1926 г. в Омском округе зарегистрирован случай, когда главный пайщик машинного товарищества «Серп и Молот» (название-то какое!) на молотьбе в 1925 г. (на тракторе) заработал 1.312 пудов пшеницы. Т-во «Хуторок» (Сам. г.) заработало тоже на молотьбе 717 пудов пшеницы и 388 пудов ржи и т. п.

Но, кроме бесспорной рентабельности эксплоатации крупной сел.-хоз. машины, у кулака в данном случае есть и другие стимулы. При невозможности отложения своих накоплений в виде покупки земли, кулак ограничен и в других формах эксплоатации: профсоюзная защита батрака, противодействие ростовщичеству со стороны сел.-хоз. кредитной кооперации, преследование за него со стороны рабочего государства и т. д. Тем с большей энергией деревенская верхушка, к тому же технически более грамотная и растерявшая за годы революции сел.-хоз. инвентарь, стремится вложить имеющиеся у нее накопления в усовершенствованный инвентарь потому, что в современной экономической и политической обстановке деревни крупная сел.-хоз. машина—не только средство кооперирования, не только наиболее выгодная форма оседания накоплений внутри самого хозяйства, но и наиболее выгодная, а в то же время наименее заметная и опасная форма ограниченных возможностей эксплоататорской практики кулачества. О «благодатной» почве для этой эксплоатации говорят следующие данные об обеспечении отдельных групп крестьянства сел.-хоз. машинами в 1925 г.

Группы крестьянских хозяйств	% хозяйств без пахотн. орудий	На 100 хозяйств приходится: Плугов	Уборочных и сеялок
Беспосевные	95,0	2,1	—
С посевом до 2 д.	48,8	29,2	1,8
„ „ от 2,1 до 4 д.	23,3	49,7	6,8
„ „ „ 4,1 „ 6 „	14,6	52,4	17,3
„ „ „ 6,1 „ 10 „	9,0	70,2	39,0
„ „ „ 10,1 „ 16 „	6,5	104,1	94,4
„ „ „ 16,1 „ 25 „	2,4	137,0	161,3
Свыше 25 д.	3,0	193,1	241,7

Эти цифры вместе с имеющимися по Сев. Кавказу данными о хозяйствах, обрабатывающих землю наемным инвентарем (из гр. посевщ. до 1 дес.—72%, от 1 до 2—62,7%, от 2 до 3—54,6%, от 3 до 4—42,9% и проч.), обнаруживают, что:

1) аренда сел.-хоз. инвентаря в том или ином размере имеет место во всех группах деревни и эксплоатируются на этой почве в первую очередь низшие (по посевности) группы деревни;

2) даже такой сел.-хоз. инвентарь, как плуги (вторая таблица), распределен по группам очень неравномерно, а сеялки и жнейки дают явные признаки непропорциональной концентрации их в зажиточных слоях, представляя собою базу для эксплоататорских «подвигов».

О более конкретной форме отношений эксплоатации говорит ряд моментов. Экономя место, мы остановимся лишь на характере и форме оплаты аренды сел.-хоз. инвентаря. Формы платы за сел.-хоз. инвентарь практикуются следующие:

Арендуемые с.-х. машины	% случаев оплаты				
	Деньгами	Хлебом	Работой	Проч. и смешан.	Всего
Плуг	3,4	16,2	58,5	21,9	100
Сеялка	3,2	48,6	34,4	13,8	100
Молотилка	1,4	82,1	10,6	5,9	100
Веялка	2,1	52,7	32,9	12,3	100

Бросается в глаза незначительный процент оплаты деньгами и очень большой процент платы за арендуемый инвентарь хлебом (до 82%) и работой (до 58,5%), которая является одним из видов, так называемых «отработок», эксплоататорская сущность которых была вскрыта еще тов. Лениным.

По некоторым вычислениям [1]), при благоприятных условиях величина оплаты арендуемого инвентаря может дать около 14 пудов хлеба за 10-часовой рабочий день. Это ли не помощь меньшему брату-бедняку со стороны сердобольного, обычно, односельчанина-кулака!

Совокупность приведенных данных придает особое значение следующему месту из доклада тов. Молотова на XV партс'езде: «Если в нашем городе мы имеем то основное преимущество, что орудия производства крупного хозяйства (нашей промышленности) находятся в руках пролетариата и потому мы легко бьем остатки буржуазии, то в деревне экономическое положение как раз обратное». Владение значительным количеством крупного сел.-хоз. инвентаря дает, таким образом, зажиточной части основное преимущество в ее борьбе с социалистическими элементами деревни. И, следовательно, только резкое повышение производственно-технического уровня бедняцко-середняцких хозяйств (что возможно лишь при коллективном использовании инвентаря в крупном хозяйстве, т.-е. об'единении хозяйств) создает техническую базу, предпосылку для решительного перевеса, а затем и окончательной победы социалистических элементов деревни над капиталистическими.

Посмотрим, однако, что сама деревня противопоставляет капиталистическим элементам современной деревни в интересующей нас области.

Больше чутьем понимая, что «на стороне зажиточно-кулацкой части деревни лежит сейчас преимущество более крупного хозяйства и потому она экономически бьет маломощное и среднее хозяйство» [2]), бедняцко-середняцкая деревня пока в лице своей передовой, но уже значительной части приходит к сознанию преимуществ крупного общественного хозяйства по сравнению с его жалким индивидуальным. Экономический тупик последнего и явные выгоды коллективного использования инвентаря, с одной стороны, и государственная помощь и льготы коллективам—с другой, стихийно толкают эти слои на путь социалистического развития их хозяйства через совместную закупку и коллективное использование сел.-хоз. инвентаря к постепенному обобществлению элементов всего с.-х. производства. Бурное развитие машинных товариществ (на 1 октября 1925 г.—3.200, 1 октября 1926 г.—6.175, 1 октября 1927 г.—10.000) иначе ничем нельзя об'яснить: не имея сил единолично купить необходимый инвентарь, хозяйствующая в деревне беднота должна выбирать: либо аренда сел.-хоз. инвентаря на кабальных условиях у зажиточного соседа, либо кооперативное производственное об'единение с подобными себе бедняками для совместной покупки и использования необходимых средств производства. И не удивительно, что, увидевши после значительного революционного перерыва вновь беспощадное в эксплоатации лицо кулака, он идет в машинное товарищество и колхоз, в общем уже теперь представляя внушительную армию в полмиллиона крестьянских хозяйств. И это—несмотря на то, что до последнего времени сел.-хоз. кооперация работала главным образом над кооперированием оборота: совместный сбыт сел.-хоз. сырья для промышленности—совместная покупка средств производства для крестьянина. Тем с большей силой ставится теперь перед сел.-хоз. кооперацией задача более трудная, но и более важная: на основе имеющегося опыта и достижений, особенно в кооперировании обращения, со всей энергией перейти к кооперированию, коллективизации процесса сел.-хоз. производства (крупное коллективное хозяйство, кооперативные сел.-хоз. предприятия переработки и проч.). Требование активнейшей политики в деле коллективизации использования в первую очередь сложных машин категорически обусловливается и тем, что бедняцко-середняцкая часть не в состоянии единолично купить сложную машину и по бедности и потому, что выгодно применять сложную машину в хозяйстве можно лишь при наличии определенной величины земельной площади (для уборочных около 25—35 дес. и т. п.). Так как бедняцко-середняцкие хозяйства имеют не больше 10 десятин, то выгодное и нормальное использование той же уборочной машины в бедняцко-середняцком хозяйстве, не прибегая к эксплоатации, возможно лишь в том случае, если для приобретения ее и использования об'единятся не менее 6—10 дворов.

¹) А. Хрящева, «Группы и классы в крестьянстве», стр. 50.
²) Докл. т. Молотова на XV партс'езде.

Таким образом, и с этой стороны мы подходим к тому же машинному товариществу и другим видам коллективного использования сел.-хоз. машин. Что же собой представляют имеющиеся производственные об'единения вокруг машин, в первую очередь машинные товарищества? Ответом на этот вопрос могут служить основные выводы двух выборочных обследований (1926 и 1927 гг.) Сельскосоюза, охватывающих в совокупности до 300 товариществ.

Организуя крестьянина для совместного приобретения в первую очередь сложных машин, машинные товарищества являются первой простейшей ступенью с.-х. коллектива, ибо, как правило (на основании обследования), все жизненные машинные товарищества от коллективного приобретения неизбежно переходят к коллективному использованию машины, перерастая таким образом в следующий по сложности вид колхоза — товарищество по совместной обработке земли. В машинных товарищества кроется громадная потенциальная возможность обобществления с.-х. инвентаря, широкого под'ема технической базы крестьянского хозяйства (в частности, за счет более совершенного, без простоев, коллективного использования инвентаря), а значит, под'ема урожайности, ускорения землеустройства, обобществления запашек и пр. К сожалению, нормальному росту машинных т-в в эту сторону очень сильно мешает их неземлеустроенность: земельные клочки об'единившихся в машинные т-ва хозяйств, разбросанные в 30—100 и больше местах, делают невозможной совместную запашку, в частности, не дают возможности применять усовершенствованные и сберегающие труд машины: трактор, уборочные. Поэтому члены машинных т-в являются пионерами, бродилом деревни по вопросам землеустройства. По данным обследования 1926 года, на отсутствие землеустройства жаловалось подавляющее большинство обследованных машинных товариществ. Обследование 1927 г. отмечает здесь определенный сдвиг: из 71 обследованных машинных товариществ, землеустроено 39, т.-е. 56,2%, при чем землеустроенность в большей мере относится к Сибири и Уралу.

Одним из главных признаков отсталости нашего крестьянского хозяйства является его чрезвычайная техническая отсталость. Доморощенная,

почти первобытная соха еще господствует в целом ряде районов. Поэтому особенно приятно сопоставить следующие цифры обеспеченности с.-х. инвентарем: на 10 хозяйств приходилось (данные, собранные в 1926 г.):

Название с.-х. инвентаря	Урал		Омский округ (Сибирь)	
	У членов колхозов	У нечленов	У членов маш. т-в.	У нечленов
Орудий вспашки	9,2	8,6	7,0	3,7
Борон	15,8	9,6	7,6	4,6
Молотилок	2,4	0,3	0,7	0,5
Сеялок	—	—	1,3	0,4
Зерноочистителей	—	—	2,5	0,8

Как правило, у членов товариществ обеспеченность инвентарем значительно выше, т.-е. налицо технический прогресс кооперированных хозяйств по сравнению с некооперированными.

Обобществление пашни обычно является следствием успешного обобществления инвентаря и других элементов крестьянского хозяйства. Совместная запашка в обследованных за 1926 г. машинных товариществах достигает: по товариществам Урала — 11% посева членов товарищества, по товариществам Сибири — 19,5% посева членов товарищества и Поволжью — 31,8%. По сводным данным, этот вопрос характеризуется так:

	Количество		Имеется десятин пашни		
	Товариществ	В них членов	В единичн.	В общем	Итого
К моменту организации	60	629	6675	807	7482
В %%	—	—	89,2	10,8	100
К моменту обследования	68	816	11156	2154	13310
В %%	—	—	83,8	16,2	100

Если приведенные разрозненные данные рассматривать лишь как иллюстративный материал, то и в этом случае они выявляют очень хорошие признаки и направление правильно развивающихся машинных товариществ.

Освоение земли беднотой наталкивается на труднопреодолимое препятствие — отсутствие с.-х. инвентаря, что нередко приводит бедняка к сдаче своего надела в аренду.

Вступление в машинные товарищества, обеспечивающие до этого безинвентарные хозяйства основным инвентарем, дает им возможность не только полностью обработать свой надел, но и расширить запашку (за счет аренды) за пределы надела, что подтверждается следующими данными (в десятинах):

Район	До приобр. трактора	После приобр. трактора	Увеличение посев. площ. в %%
Сев. Кавказ (70 хоз.)	408	551	135,0
Балаш. район (72 хоз.)	601	702	116,6

По 70 хозяйствам (обследованным на Сев. Кавказе) до об'единения их в машинные товарищества в аренду сдавалось 78,5 га, после же приобретения трактора сдача в аренду снизилась до 33,8 га (первый год об'единения), и, кроме того, эти хозяйства заарендовали 81,7 га. Об'единение в товарищество и приобретение трактора дало, следовательно, возможность увеличить запашку в среднем на 1,6 га на хозяйство.

О влиянии членства в машинном товариществе на увеличение запашки говорят и следующие данные (обследов. 1927 г.):

Группировка по посевности	Сибирь		Урал		Воронеж		Самара.		Немреспуб		Сев. Кавк.	
	В момент		В момент		В момент		В момент		В момент		В момент	
	орг.	обсл.	орг.	обсл.	орг.	обсл.	орг.	обсл.	орг.	обсл.	орг.	обсл.
Колич. показан. (членов)	205	280	226	124	75	45	45	36	—	—	82	82
Б/пос. и до 6 д.	57,3	54,1	74,6	50,6	66,7	37,7	18,2	8,4	35,6	27,3	7,4	7, 3
От 6—16 дес.	40,9	40,4	16,6	31,3	33,3	62,3	53,4	41,6	52,2	57,2	63,4	62, 3
От 16 и выше	1,8	5,5	8,8	18,1	—	—	33,4	50,1	5,2	15,5	29,2	30,4
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Анализ таблицы показывает, что изменения в составе товариществ происходят во всех группах, при чем в I группе число членов идет на уменьшение во всех районах. Во II и III группах мы имеем наоборот, как правило, заметный рост пашни. Таким образом, изменения в составе членов внутри товариществ происходят по всем посевным группам, при чем в I группе мы имеем уменьшение, а во II и III гр. наблюдается рост пашни. При этом надо заметить, что, кроме Самарской губ. и Немреспублики, наблюдается и абсолютный рост членов в обследуемых товариществах на 10,8% за год с небольшим.

Анализируя причины отмеченных изменений, мы должны остановиться на двух весьма вероятных об'яснениях, приводимых обследователями: по товариществам Сибири, Урала и Сев. Кавказа отмечается передвижка социальных групп внутри товарищества; бедняки и середняки при большой обеспеченности с.-х машинами и коллективном их использовании, при интенсивном использовании рабсилы лошади значительно повышают доходность своего хозяйства и тем самым переходят соответственно в следующую социальную группу. В материалах о товариществах Поволжья причиной уменьшения процента бедноты в товариществах отмечается, кроме того, выход бедняка из товарищества — по Самарской губ. вышло 20%, по Немреспублике — 3,6%.

О повышении урожайности в хозяйствах членов машинных товариществ по сравнению с нечленами (по тем же районам) можно судить лишь по аналогии с колхозами, простейшие виды которых (товарищества по совместной обработке земли) вплотную подходят к машинным товариществам. Данные эти следующие:

Урожайность в тоннах с гектара на 1/VII—26 г.

Название хозяйств	Урал			Северный Кавказ		
	Число показан.	Рожь	Пшеница	Число показан.	Рожь	Пшеница
Колхозы	117	0,90	1,35	191	1,82	1,36
Крест. хоз. соотв. район. (д. ЦСУ)	—	0,95	1,13	—	1,25	1,27

Данные ЦСУ по культуре яровой пшеницы подтверждают приведенные данные, резче подчеркивая преимущества кооперированных хозяйств.

Средний урожай с гектара: колхозы—1,26 тонны, некооперированные хозяйства—0,93 т. Таким образом, кооперированные хозяйства имеют урожай на 26,3% выше, что нельзя не поставить в зависимость от лучшей обеспеченности их с.-х. инвентарем.

Изменения в составе с.-х. инвентаря кооперированных хозяйств. Рабочий скот и с.-х. инвентарь, особенно после

отмены собственности на землю, являются основными элементами, определяющими структуру и благополучие хозяйства.

Тем интереснее посмотреть, каким изменениям подвергаются эти элементы в крестьянском хозяйстве — члене машинного товарищества, особенно с покупкой трактора. Для этого приведем следующую табличку:

Район	Было инвентаря	Лошадей	Коров	С.-х. инвентаря: Обобществленного	В единол. пользовании
Балашовский уезд. . .	До покупки тракт..	73	59	3	120
„ „ . . .	После „ „ ..	62	57	7	114
Сев. Кавказ по 70 хоз. .	До покупки тракт..	71	57	—	—
„ „ „ „ .	После „ „ . .	45	54	—	—

Таблица обнаруживает резкое сокращение рабочего скота (после покупки трактора), увеличение с.-х. инвентаря общего пользования и убыль инвентаря отдельных членов товарищества.

Эти резкие изменения в структуре отдельных хозяйств об'ясняются, с одной стороны, большим финансовым напряжением членов товарищества, обязанных внести задаток за приобретаемый инвентарь (в связи с этим продажа рабочего скота), с другой стороны, трактор неизбежно приводит к покупке прицепных орудий, так как иначе он не дает ожидаемых от него результатов. За счет покупки прицепных орудий сокращается инвентарь необобществленный (в отдельных хозяйствах). Здесь уместно будет указать, что, продавая рабочий скот и не имея возможности обойтись в хозяйстве без лошади (вспашки огорода, транспорт мелких грузов), отдельные машинные товарищества выходят из затруднения покупкой общей лошади. Это тоже не плохое влияние кооператора-трактора.

О том, как успешно местами идет обобществление с.-х. инвентаря говорят следующие данные по машинным товариществам Бийского округа, где тракторы обобществлены на 100%, культиваторы — на 60%, сеялки — на 72%, жатки — на 49%, молотилки конные — на 80% и проч. [1]).

Показателем достижений производственного кооперирования вокруг с.-х. машин, таким образом, надо считать заметный экономический рост об'единяющихся вокруг машины хозяйств, полное освоение беднотой надельной земли и даже расширение землепользования за счет аренды, сильная тяга к землеустройству с требованием выдела земли членам товарищества в одном месте (борьба трактора с чересполосицей), повышение в силу сказанного урожайности, а в наиболее удачных товариществах — и переход от простейших к более сложным формам обобществления элементов крестьянского хозяйства.

Как идет расширение и усложнение процесса обобществления средств производства в отдельных видах колхозов, можно видеть из следующих данных [2]):

% обобществления живого и мертвого инвентаря и труда в колхозах

	Лошади	Плуги	Сеялки	Жатки	Тракт.	Процесс производства: Полев.	Процесс производства: Животн.
Товарищества.	18,0	11,8	50,0	27,0	100	77,1	12,7
Артели.	18,9	45,4	50,0	47,0	96,0	77,0	27,5
Коммуны. . . .	98,0	99,4	99,5	99,4	100	99,2	95,5

[1]) Материалы обследов. РКИ, под редакц. Я. Яковлева, стр. 304.
[2]) Там же, стр. 303.

Таблица ясно обнаруживает закономерный рост обобществления от товарищества через артель к коммуне по всем видам средств производства. Если к этому прибавить имеющиеся нередкие факты перехода машинных товариществ на устав товариществ по совместной обработке земли и неустанное перерастание машинных товариществ в колхозы — картина будет ясная: первичные производственные об'единения в виде машинных товариществ являются мостиком, по которому крестьянин-единоличник осторожно, часто незаметно для себя, переходит к коллективному, обобществленному хозяйству. Таким образом, самая схема развития простейших производственных об'единений, в частности, кривая развития машинных товариществ идет от совместной закупки крупной машины, через совместную запашку, частичное обобществление рабочего скота и других элементов хозяйства, к полному обобществлению с.-х. производства на определенном участке земли.

Из крупнейших недостатков, подчеркнутых обследованием товариществ 1927 г., надо прежде всего отметить неправильный уклон в их работе в сторону концентрации почти всех накоплений, получаемых через машинные товарищества, в индивидуальных хозяйствах членов и, следовательно, почти полное отсутствие обобществленных накоплений в форме запасного, амортизационного капитала и проч. фондов, хотя бы для возобновления с.-х. машин. Так, по сводному балансу 34 товариществ запасный капитал числится в сумме 95 руб., т.-е. 0,1% к балансу (запасный капитал есть лишь в одном товариществе).

Об'ясняется это очень просто: при отсутствии правильного руководства члены товариществ стремятся извлечь максимальные выгоды из своего членства для личного хозяйства, совсем не задумываясь над укреплением и развитием товарищества, нередко не подозревая всех выгод коллективного использования с.-х. инвентаря, смотря на товарищество, как на временную организацию, как на средство укрепления своего личного хозяйства. Отношение к машинному товариществу, как к первой ступени постепенного обобществления крестьянского хозяйства, можно воспитать лишь при наличии надлежащего руководства работой машинных товариществ и регулирования их социального состава.

К сожалению, с руководством дело обстоит очень плохо, что видно из следующей таблички [1]):

Районы	Колич. обслед. м/т-в (сельск.)	Из них совсем не обслужив.: Инструкт. союза	Из них совсем не обслужив.: Агрон.
Сибирь.	23	18	11
Урал.	13	15	6
Немреспублика	8	1	4
Сев. Кавказ.	8	1	2
Самарская губ.	7	1	5

Попутно нельзя не отметить, что материалы обследования отмечают наблюдавшиеся факты более внимательного отношения агрономов к товариществам с середняцко-зажиточным составом и подчас сознательно невнимательное отношение к бедняцким. Так, один агроном (Бийский округ) прямо заявил: «Хозяйство бедняка не поставить: нет почвы. Поставить (хорошо) можно хозяйство середняка, зажиточного, где есть почва». И он делает практические выводы из своей «идеологии»: помогает организовать два товарищества из зажиточных.

[1]) Обследование Сельскосоюза

В связи с плохим обслуживанием, безусловно, стоит вопрос о большом числе «диких», т.-е. не входящих в кооперативную систему, машинных товариществ, кстати сказать, дающих наибольший процент лжекооперативов.

Для ликвидации «беспризорности» машинных товариществ необходимо на деле привлечь к обслуживанию специальной машинной низовки, в том числе и простейших колхозов, всех районных инструкторов союзов и колхозсекций, а также участковых агрономов.

Наконец, к крупным недочетам относится и слабая постановка технического обслуживания машинных товариществ: отсутствие запчастей, острый недостаток технически грамотных инструкторов,—все это больно бьет по делу коллективного использования крупной машины. Поэтому проводимая уже системой с.-х. кооперации самодеятельная организация ремонтного дела (договорные об'единения т-в и тракторопользователей) является очень своевременным и важнейшим мероприятием.

Несколько особняком стоит вопрос о прокатных пунктах. XV с'езд партии придает последним большое значение в борьбе «за высвобождение маломощных, безынвентарных крестьянских хозяйств из-под зависимости от кулацких элементов, использующих свой инвентарь (с.-х. машины и проч.) для закабаления бедноты».

По данным НКЗ (за 1926 г.) было 6.266 прокатных пунктов, следовательно, в среднем 1 пункт приходится на 2.600 дворов и 8.900 десятин посева. Стоимость с.-х. инвентаря на прокатных пунктах—4.210 тыс. руб., т.-е. около 0,5% стоимости всего инвентаря в РСФСР. В среднем на 1 пункт приходится 2,4 плугов, 1,2 сеялки, 1 уборочная машина, 0,5 молотилки, всего на сумму около 600 рублей, при чем изношенность инвентаря достигает в среднем 44%.

Производственные возможности прокатных пунктов используются не полно: лишь пахотные и посевные орудия нагружены полностью, использование уборочных машин и молотилок не превышает ⅓—⅙ их нормального использования в сезон. При допущении фактического обслуживания машинными товариществами и прокатными пунктами 20 дворов в среднем охват и обслуживание безынвентарных хозяйств инвентарем составит около 7% от количества безынвентарных хозяйств республики.

Особый вид прокатных пунктов, имеющих особое агрикультурное значение, представляют зерноочистительные пункты, которых насчитывалось в 1926 г. около 13.500. Итог работы зерноочистительных пунктов за 1926 г.: очищено около 50 млн. пудов зерна—около 10% высеваемого за год зерна.

Поскольку кооперативная организация прокатного пункта предполагает в самой его внутренней организации и работе общественные методы, постольку кооперативные прокатные пункты при правильной и успешной их работе также являются одной из форм коллективного машиноиспользования—и во всяком случае организацией, которая на деле, показом должна доказать крестьянину всю выгоду коллективного машиноиспользования. До 1926 г. включительно за счет крестьянской самодеятельности (с.-х. кооперацией) организовано по республике около 60% общего числа прокатных пунктов.

Так как нужда в машине у бедноты, как мы видели, огромная, а колхозами и машинными товариществами она вся по ряду причин быстро охвачена не будет, то, по крайности, на ближайшие годы организация прокатных пунктов должна быть одной из важнейших практических задач машиноснабжения деревни.

Чтобы придать производственному кооперированию вокруг машины действительно массовый характер, прежде всего необходимо покончить с организационной путаницей, при которой машинными товариществами и близкими им производственными об'единениями занимаются все и никто. С этим

надо покончить, включивши их в систему Колхозцентра для систематического организационно-агрономического обслуживания, за универсальной системой оставивши обслуживание их по линии кредита, снабжения и техиообслуживания. В порядке руководства этим движением необходимо вменить в обязанность всем деревенским парторганизациям и отдельным коммунистам на деле и особенно личным примером поддерживать производственные коллективы.

В уставном порядке надо предусмотреть образование и систематическое накопление неделимых обобществленных капиталов с тем, чтобы успешное развитие коллектива укрепляло не только личные хозяйства членов, но и создавало материальные предпосылки (общественные средства производства) для коллективизации отдельных процессов с.-х. производства кооперированных хозяйств.

При составлении оперативно-хозяйственных планов машиноснабжения особой графой выделять спрос на с.-х. инвентарь со стороны производственных коллективов (в том числе и вновь организуемых), удовлетворяя их выявленные инструкторами на месте заявки в первую очередь, обеспечивая долгосрочным кредитом и другими возможными льготами.

Для массового кооперативного об'единения вокруг машины бедноты и близкого к ней середняка необходимо определенную часть фондов бедноты выделить для оплаты паев бедняков, вступающих в производственные коллективы, и в установленном порядке присвоить последним с бедняцко-середняцким составом членов, практикующим коллективную запашку (не менее 25% совокупной пашни), те же льготы по с.-х. налогу и землеустройству, коими пользуются колхозы, а затем другие льготы, предусмотренные постановлением СНК от 16/III—27 года.

Умышленно не касаясь здесь более сложных форм коллективного использования с.-х. машин (коммуны, артели), мы должны в заключение сказать, что самодеятельная передовая часть бедняцко-середняцкой деревни под руководством компартии в противовес капиталистически-хищническим формам использования с.-х. инвентаря выдвинула и довела до массовых размеров более элементарную по сравнению с колхозом, но растущую к нему форму производственного кооперирования, при чем опыт показывает, что машинное товарищество—наиболее доступная для бедноты форма овладения крупной машиной, а главное—не отпугивающая, популярная в деревне начальная форма длительного процесса перестройки крестьянского хозяйства, обнаруживающая огромное положительное влияние на входящие в т-во хозяйства, толкая последние на социалистический путь развития, на рельсы крупного обобществленного хозяйства.

Ю. Ларин.

Социальная структура еврейского населения СССР.

(К вопросу об антисемитизме).

Социальная структура еврейского населения СССР теперь совсем иная, чем это было до революции. Тогда основным занятием еврейского населения была торговля. Теперь основным занятием является уже работа по найму. Для дореволюционного времени у нас есть данные переписи 1897 г., для современного состояния—итоги переписи 1926 г. и данные специальных обследований (профсоюзов, ремесла и пр.).

Еврейскому населению царским правительством, как правило, было запрещено жить в деревнях и заниматься сельским хозяйством и крестьянством. Сохранялись только те немногие еврейские деревни, которые существовали уже в течение ряда десятков лет. Но таких было очень немного. Ко времени Октябрьской революции 1917 г. в этих еврейских деревнях жило всего 52 тысячи еврейских крестьян [1]), т.-е. всего около 2,2% тогдашнего еврейского населения. Еврейскому трудовому населению было запрещено заниматься сельским хозяйством и иметь землю, но еврейским помещикам иметь землю разрешалось. Далее, хотя трудовому еврейскому населению при царизме запрещено было жить в тех губерниях, где сосредоточены фабрики и заводы (Москва, Ленинград, Донбасс, Урал и т. д.), и тем самым было запрещено быть фабрично-заводскими рабочими (и специальным постановлением было запрещено принимать евреев в качестве рабочих на железные дороги, на почту, на военные заводы, на ряд горных и металлургических заводов и т. д.), но еврейским капиталистам разрешено было иметь фабрики, железные дороги, банки. Целый ряд крупных банков принадлежал еврейским банкирам в тех же самых городах: Москве, Ленинграде и др., где обыкновенным евреям и еврейским рабочим было запрещено жить. Мелким торговцам запрещено было жить в крупных городах, как Москва и Ленинград, и только крупные купцы, так называемые купцы первой гильдии (оптовики и подобные) имели право жить везде, где им угодно. Из всего еврейского населения на помещиков, банкиров, фабрикантов, заводчиков и купцов первой гильдии с их семьями приходился всего один процент.

Крестьянского населения среди евреев было, как сказано, около 2%. Чем занимались остальные 97% еврейского населения до революции? Им было запрещено заниматься сельским хозяйством и запрещено было заниматься фабричным трудом за исключением немногих небольших фабрик, находившихся в тех городах, где евреям можно было жить. В этих городах—в Минске, Витебске, Гомеле и т. п.,—были только небольшие табачные, кожевенные и т. п. фабрики. На государственную службу евреев также не принимали. При таких условиях главной массе еврейского населения оставалось

[1]) Подробности в брошюре т. Ю. Гольде «Землеустройство трудящихся евреев», М. 1925 г.

заниматься почти одной торговлей. И действительно, до революции из всего еврейского населения на нынешней территории СССР торговлей занималось 42%, т.-е. почти половина [1]). При чем из них 34% приходилось на хозяев, т.-е. преимущественно на мелких торговцев, которые торгуют за свой счет без приказчиков, и отчасти на средних торговцев, которые имеют приказчиков. Остальные 8% из живших торговлей приходились на торговых служащих, т.-е. на приказчиков, счетоводов и т. п.

Из торговцев - хозяев больше половины занималось **исключительно хлебной торговлей**, так что из всего еврейского населения СССР до революции целых 18%, почти пятая часть, приходилось на тех, кто занимался хлебной торговлей самостоятельно, как хозяин, и на членов их семей. Это обстоятельство создавало известное нерасположение к еврейскому населению со стороны крестьян, ибо евреи приходили к крестьянину прежде всего как скупщики его хлеба, т.-е. как те лица, которые стремятся всячески понизить цены на хлеб для того, чтобы потом продать его повыгоднее в свою пользу, или для того, чтобы доставить его заграничному покупателю по такой цене, какую заграничные покупатели диктуют. В этом обстоятельстве и нужно искать прежде всего об'яснения антисемитских настроений до революции в той части крестьянства Украины, Белоруссии и других мест, для которой представление о скупщике хлеба было однозначно с представлением о еврее.

Весьма заметная часть еврейского населения была занята, далее, до революции в ремесле—около 36% всех евреев страны (считая с семьями). Почти ровно половина (около 18%) приходилась в том числе на швейное и кожевенно-обувное производство. Почти пятую часть всего еврейского населения страны составляли, таким образом, семьи портных и сапожников. Из всех занятых в ремесле около двух третей, а именно несколько более 23% были самостоятельными ремесленниками, т.-е. такими, которые были или одиночками-кустарями, или имели одного—двух—трех вспомогательных наемных рабочих и учеников или подмастерьев. Остальные почти 13% составлял ремесленный пролетариат, т.-е. занятые в ремесле наемные рабочие (включая подмастерьев и учеников). Таких наемных **ремесленных** еврейских рабочих перед революцией на территории СССР было всего около 130 тысяч человек (не считая членов их семей).

Собственно **фабричного** еврейского пролетариата было небольшое количество. Это те евреи, которые были заняты на фабриках в Минске, Гомеле, Витебске и других местах западной полосы. Их было всего 23 тысячи (без членов семей), а вместе с членами своих семейств они составляли несколько более 2% тогдашнего еврейского населения. Таким образом, всех еврейских рабочих, как ремесленных, так и промышленных, было менее 160 тысяч человек, не считая членов их семей, а вместе с семьями они составляли 15% всего еврейского населения. Если прибавить еще торговых служащих, составлявших с семьями, как указано, 8% населения, и служащих неторговых, которых было с семьями 2%, то вся рабочая и служащая часть составляла до 25%, т.-е. четверть всего еврейского населения страны. Из этих слоев и рекрутировались еврейские члены различных революционных организаций, ведших в то время борьбу против царизма.

Далее, около 14% еврейского населения приходилось отчасти на так называемые свободные профессии (врачи, адвокаты, писатели и т. п. с их семьями), которые не состояли на службе, а работали самостоятельно, применяя знания, полученные в учебных заведениях. По своему классовому положению и взглядам они относились к мелкой и отчасти средней буржуазии. Преимущественно же эти 14% приходились на деклассированные бур-

[1]) По переписи 1897 г. В частности, на Украине даже 44%.

жуазные и мелкобуржуазные элементы: на нищих, приютских, проституток, арестантов и т. д. и на лиц без определенных профессий. Наконец, 1% всего еврейского населения приходился на солдат царской армии. Если бы евреев в царской армии было соответственно проценту их во всем населении, то число их должно было бы быть больше, чем было (в царской армии было около 1½ миллиона солдат). Но значительная часть укрывалась от военной службы, эмигрировала за границу и т. п. В ответ на преследования евреев царским правительством еврейская молодежь уклонялась от службы в царской армии.

Такова была социальная структура еврейского населения СССР до революции. Теперь, через 10 лет после революции, как оказывается, изменения произошли громадные. Эти изменения имеют интерес не только сами по себе, но и могут помочь уяснению обстановки роста антисемитизма за последнее время. Изменения произошли в трех основных направлениях. До революции на всех рабочих и служащих с их семьями приходилось 25% еврейского населения страны. В настоящее время на них приходится уже более 47% еврейского населения. Произошла громадная социальная передвижка части еврейского населения, которая раньше не была рабочими и служащими, а теперь вошла в этот слой. Во-вторых, до революции еврейское крестьянство составляло около 2,2% всего еврейского населения, а сейчас оно составляет уж более 8%. Увеличение еврейского крестьянства произошло, примерно, вчетверо. Обе эти основные трудовые группы населения до революции вместе составляли 27%, а теперь составляют 56% всего еврейского населения, т.-е. более половины его (вместо прежней четверти). В-третьих, доля самостоятельных торговцев (с фабрикантами и т. п.) понизилась с 35% до 12%, т.-е. почти втрое. Уменьшилась также группа свободных профессий и прочих (деклассированных и т. п.) с 14% до около 10%. Немного сократился и процент кустарей (с 23% до 20,8%). Что касается военных, то сейчас число красноармейцев-евреев значительно меньше, чем было солдат-евреев в царской армии. Это об'ясняется тем, что численность советской армии в настоящее время в 2½ раза меньше, чем была численность царской армии. Если же мы сравним, какой процент составляют евреи в армии и какой в населении всей страны, то окажется, что при царизме в армии евреев было меньше на 25%, чем следовало бы по численности еврейского населения. А если взять теперешнее положение, то в настоящее время в советской армии имеется на 10% больше евреев, чем следовало бы по численности еврейского населения в стране. Таким образом, в то время как при царизме евреи уклонялись от военной службы, в настоящее время не только полностью заполняется то количество, которое следует, но еще есть известное поступление добровольцев и сверхсрочных сверх полагающихся по призыву.

Что до служащих, то почти весь прирост их (сравнительно с дореволюционным временем) приходится на первые годы революции, потом наступила стабильность. В начале революции старая русская интеллигенция и чиновничество не хотели итти на службу к пролетариату, саботировали, стояли за буржуазию. Еврейская интеллигенция пошла в то время на службу к победившей революции охотно, целыми массами, обращая внимание не столько на грядущие судьбы буржуазии, сколько на то, что пока она сама выиграет от революции фактическое равноправие и доступ к закрытой прежде государственной службе. Советское государство, создавая свой аппарат в обстановке почти общеинтеллигентского бойкота и саботажа, охотно использовало новые предложенные ему культурные силы, и так произошло первоначальное быстрое увеличение числа евреев-служащих.

Пока по данным переписи 16 декабря 1926 г. опубликованы только сведения о самодеятельном еврейском населении по Белоруссии, Украине и Москве (в № 1 и № 2 Бюллетеня стат.-экон. ком. Орта за 1928 г.). В этих

районах находится как раз 80% (2.110 тыс. чел.) всего выявленного переписью еврейского населения СССР. Распространяя эти данные и на оставшуюся пятую часть, получаем для СССР в целом всего 1.040 тыс. самодеятельных евреев обоего пола и при них еще 1.640 тыс. иждивенцев. На каждую еврейскую семью в среднем приходится, таким образом, около двух самодеятельных и около трех иждивенцев.

Если взять все еврейское население (с иждивенцами), то по отношению ко всему населению данной республики евреи составляли 16 декабря 1926 г.:

	В %%
Белоруссия	8,2
Крым	6,4
Украина	5,4
Закавказье	1,2
Узбекия	0,7
РСФСР без Крыма	0,5
Туркмения	0,2

Можно считать, что за полтора года, протекшие после переписи, эти процентные соотношения в общем почти не изменились, кроме только Крыма. В Крыму, в связи с происходившим вселением туда в 1927 и 1928 гг. евреев-земледельцев, доля еврейского населения на 1 августа 1928 г. должна составлять уже около 7,7% всего населения Крыма. Согласно намечающемуся десятилетнему плану земледельческого переселения евреев в Крым и учитывая прирост остального населения—через 10 лет евреи должны составлять около 17% населения Крыма (около полтораста тысяч из девятисот тысяч).

Если взять отношение числа евреев ко всему населению отдельно по городам и по деревням, то по переписи декабря 1926 г. по всему СССР в деревнях евреи составляют только 0,3%, а в городах 8,3% всего населения. В городах Украины доля еврев подымается даже почти до 23%, а в городах Белоруссии до 40% всего городского населения [1]).

Если взять только самодеятельных (около 1.040 тыс. чел.), то они распадаются на следующие основные группы:

	До революции в %%	Декабрь 1926 г. в %%
1. Рабочие	15	19,4
2. Служащие	10	28,0
3. Крестьяне	2,2	8,6
4. Кустари	23	20,8
5. Военные	1,0	1,0
6. Торговцы и капиталисты	35,0	12,0
7. Прочие	14,0	10,2

Торговцы и «прочие» уменьшились в общем более чем вдвое, а утерянные ими почти 27% населения прибавились в первую очередь к служащим (18%), затем к крестьянам (около 6%) и лишь в небольшой части к рабочим. К рабочим, повидимому, перешли и те 2%, что потеряли кустари. Таким образом, рассасывание торгового слоя было очень значительным, но не путем превращения его в физических рабочих по найму.

Число рабочих вообще увеличилось не особенно значительно, всего на треть (со 153 тыс. до 203 тыс. человек). Это не может и в сравнение итти с происшедшим одновременно увеличением в несколько раз как служащих, так и крестьян. Но зато произошла большая перемена внутри самой группы

[1]) По городам Крыма 15%, Азербайджана 5%, Северного Кавказа 3,5%, остальной европейской части РСФСР 3,7%, Сибири 3%, Дальнего Востока 2,1% и Средней Азии 2,1%.

рабочих: в ней значительно возросла доля крупнопромышленного пролетариата.

Выше указывалось, что до революции из еврейских пролетариев около 130 тысяч приходилось на ремесленных (из них только три четверти взрослых, остальные—ученики и юные подмастерья) и лишь 23 тыс. на фабрично-заводских. В настоящее время фабричных уже втрое больше, около 70 тыс. чел., а ремесленных, примерно, прежнее количество. На одной Украине (по неполным данным) имеется 182 крупных промышленных предприятия, где работают 42 тысячи евреев, а в среднем по 245 евреев на одну фабрику [1]). На этих фабриках в среднем около тысячи рабочих на каждой, в том числе около четверти приходится на каждой в среднем на евреев.

Процесс формирования крупноиндустриального пролетариата среди трудовых слоев евреев шел до сих пор почти чисто стихийным путем. Отсутствовали почти совершенно попытки регулировать или содействовать ему со стороны государства. Этим и об'ясняются столь небольшие пока его результаты.

Совершенно несомненен ущерб для советской промышленности от невнимания к этому делу. Фабрики и заводы растут и нуждаются в искусных квалифицированных рабочих. Ремесло во всех странах служило и служит поставщиком обученного труда для индустрии. Бедность массы еврейских городских кустарей и ремесленных рабочих давала легкую возможность снабжать развивающуюся промышленность уже подготовленными силами. Но эти ресурсы остались почти неисчерпанными. Промышленность и транспорт пополняли свои кадры главным образом за счет необученных или малообученных выходцев из деревни, теряя большие средства и время на их постепенное обучение и получая меньшую производительность труда, чем какая получается при переводе на фабрики людей с ремесленными навыками. На заводы и фабрики попадала лишь часть тех еврейских кустарей и ремесленных рабочих, которые сами постепенно расселялись после революции по разным городам в поисках занятия. Организованной же вербовки из ремесла для индустрии, организованного воздействия на рынок труда в этом смысле пока вовсе не было. Эта часть возможных резервов квалифицированного труда для промышленности и транспорта оставалась почти неиспользованной, несмотря на нарастающую остроту потребности в обученном труде.

По данным ЦСУ только за два года (1925/26 и 1926/27 гг.) число постоянных несельскохозяйственных рабочих возросло на миллион человек (без членов семей и без служащих—см. Ю. Ларин «Социальная структура СССР», М. 1928 г., стр. 13). А число фабрично-заводских рабочих-евреев за целые десять лет возросло лишь на сорок тысяч с небольшим. Еще и сейчас имеется около 350 тыс. человек еврейских кустарей-ремесленников и ремесленных рабочих (не считая членов семей), которые в значительной мере могли бы быть использованы для пополнения и роста подготовленных и легко подготавливаемых квалифицированных кадров промышленности.

В 1928 г. союзным советским правительством утверждено новое положение о Комзете (Комитет земледельческого труда евреев при ЦИК СССР), в котором предусмотрены заботы по линии вовлечения еврейских рабочих в промышленность. Тем самым признана общегосударственная важность этого дела, а не только для самих евреев, занятых в ремесленной промышленности. Кое-что, конечно, сделано и до сих пор. Так, в № 9 за 1928 г. журнала Озета «Трибуна» сообщается, что из 35 еврейских профессионально-технических школ, обследованных Ортом в феврале 1928 г., только четыре существовали до революции, а остальные основаны при советской власти, начиная с 1920 г. Характерно, что в этих школах в феврале 1928 г. на долю металлистов (слесаря, кузнецы, литейщики и т. д.) приходилось около 70% всего количества учащихся, между тем как среди еврейских ремесленников и рабочих металлисты составляли весьма небольшой процент. Иначе сказать, создание этой сети школ является одним из путей индустриализации еврейского пролетариата, перевода его из ремесла в крупную промышленность. Впрочем, в каждой такой школе в среднем всего около 100 учащихся, так что достижение это невелико. Да и содержатся эти школы не самим государством, а при крупном участии иностранных еврейских организаций: Орт, ЕКО, и Джойнт [1]).

[1]) Мережин—«Вопросы земельного устройства евреев», М. 1927 г., стр. 15.

Последнее время, в 1928 г., начали появляться уже прямые постановления местных властей об использовании подходящих сил еврейских трудящихся для советской промышленности. Так, Белоруссия, начиная с 1928 г., отпускает средства на ежегодное «хозяйственное устройство» семи-восьми местечек, выражающееся, в частности, в устройстве переработочных предприятий и кооперативных мастерских. Совнарком Украины постановил с 1928/29 г. увеличить ассигновки на открытие новых профтехнических и кустарнопромышленных школ в еврейских местечках и городках и на устройство мастерских при них (№ 6 «Трибуны» за 1928 г.). Президиум брянского губисполкома 9 февраля 1928 г. постановил привлекать евреев на сезонные строительные работы, на курсы по квалификации и переквалификации строительных рабочих, в бригадное ученичество («с цыганами не менее 15%»), в качестве новых рабочих при переводе текстильных фабрик на семичасовой день и в расширяющиеся предприятия вообще. Впрочем, результаты всех этих мероприятий еще впереди, да и пока речь идет больше о принципиальной установке, чем о практике.

Постепенный сдвиг еврейского пролетариата в сторону крупной промышленности и медленность этого сдвига могут быть иллюстрированы данными по союзу металлистов. Из всех евреев, состоявших членами индустриальных профсоюзов, металлисты составляли на Украине на 1 мая 1924 г. лишь 7,9% и на 1 апреля 1926 г.—всего 14,5%. По Белоруссии они составляли 5,1% на 1 мая 1924 г. и немногим больше, а именно 6,5%, на 1 октября 1925 г. (№ 1 «Трибуны» за 1928 г.). Таким образом, удельный вес металлистов среди еврейских индустриальных рабочих хотя постепенно повышается, но все еще значительно отстает от удельного веса всех металлистов СССР среди всех индустриальных рабочих СССР (около 20%).

Рост числа еврейских рабочих и служащих вообще происходил последние годы до сих пор несколько медленнее роста общего числа рабочих и служащих в стране. Благодаря этому, несмотря на заметное абсолютное увеличение, процент суммы еврейских рабочих и служащих к количеству всех рабочих и служащих остается последние годы почти неизменным (стабильным). Происходит преимущественно только перераспределение этого процента между отдельными профсоюзами, но в сумме рост его приостановился после первого прыжка (в период до 1924 г.).

Еще и сейчас среди еврейских рабочих соотношение между занятыми в тяжелой и легкой индустрии почти обратное этому сотношению для всех рабочих страны. Тов. Кабаков в № 4 «Вестника Труда» за 1928 г. дает по данным профсоюзов на 1 апреля 1926 г. такой расчет для Украины и Бело-

[1]) Озет—советское общество содействия еврейскому земледелию, имеет около 100 тысяч членов; Орт—общество содействия ремесленному труду евреев, заграничное и советское; ЕКО—французско-бельгийское общество еврейской колонизации; Джойнт—американское еврейское филантропическое общество.

руссии, взятых вместе. Если всех членов профсоюзов промышленных рабочих разбить на две части—союзы легкой индустрии и союзы тяжелой индустрии—то вся профсоюзная масса распределится следующим образом:

	Евреи в %	Все члены профсоюзов в %
Тяжелая индустрия	38,4	69,8
Легкая индустрия	61,6	30,2
	100,0	100,0

Не удивительно, что по обеим республикам вместе доля евреев среди членов профсоюзов тяжелой индустрии составляет только 7,8%, тогда как по союзам легкой индустрии она равна 29,1%—почти вчетверо больше (там же, стр. 73). Еврейский пролетариат (не считая служащих) до революции был почти сплошь ремесленным (на 85%) и в подавляющей части занят был в легкой индустрии. Революционное десятилетие создало некоторый сдвиг в сторону более нормального распределения, но он еще не достаточен. Еврейский пролетариат остается еще на 65% ремесленным и более чем на 60% занят в легкой индустрии. Государственное регулирование и планирование трудовых сил страны сможет осуществить здесь постепенно сдвиг в сторону выравнивания с общим характером распределения промышленного пролетариата СССР. Такой сдвиг, *отвечая общим интересам развития промышленности*, уничтожит в то же время бесполезное переполнение еврейскими рабочими отраслей ремесла, не выдерживающих соперничества с фабрикой. К таким относится, например, швейное и кожевенно-обувное дело, а на союзы швейников и кожевников по Белоруссии и Украине вместе приходится около 23% всех евреев, членов индустриальных профсоюзов, при чем в подавляющей части — это рабочие *ремесленные* (до революции из всех евреев, занятых в ремесле, на швейное и кожевенно-обувное дело приходилась целая половина).

Сейчас еврейские ремесленные рабочие (и кустари) не в малом количестве стремятся превратиться в земледельцев, разочаровавшись в возможности держаться долее в ремесле и не будучи вовлекаемы в крупную промышленность. Но явно не целесообразно с точки зрения общих интересов государства превращать в начинающих земледельцев уже обученных мастеров и подмастерьев, когда в них нуждается развивающаяся фабрично-заводская, горная и лесная промышленность страны. В земледельцев надо обращать торговцев и другие непроизводительные элементы, а *лиц с ремесленными навыками* надо использовать для удовлетворения требований растущей промышленности. Географически места, где надо приложить новый труд в промышленности, не совпадают с местами, где имеется избыточное кустарное и ремесленное население. *Отсюда—нарастающая задача: на ряду с сельскохозяйственным переселением организовать промышленное переселение ремесленников и кустарей в места возможного индустриального приложения их труда.* Частным случаем этого должно быть и промышленное переселение еврейского ремесленного люда. Комзет в 1928/29 г. приступает к первому плановому опыту в этом направлении, предполагая по соглашению с Дальневосточным Краем направить на Амур осенью 1928 г. первую тысячу лесных рабочих из еврейских кустарей Белоруссии и Украины, а весною 1929 г. оттуда же также на Амур—еще от пятисот до тысячи кустарей с их семьями (по разным отраслям ремесла), которым может быть обеспечено там неземледельческое занятие. Расходы по промышленному переселению гораздо ниже расходов по переселению сельско-

хозяйственному (даже засчитывая стоимость постройки новых жилищ и определенного технического оборудования). Расчет показывает, что, например, построить в Крыму механическую швейную фабрику с полным оборудованием на две тысячи рабочих и работниц и квартиры для тысячи семей еврейских швейников по два работника на семью, с перевозкой их из Белоруссии или Украины в Крым—стоит не больше, чем требуется для организации сельского хозяйства такою же тысячью переселенческих семей. Планы ВСНХ по созданию новой промышленности должны были бы учитывать в большей мере, чем это имело место до сих пор, вопросы комплектования рабочей силы. Сочетание расходов переселенческих и промышленных в некоторых случаях могло бы обеспечить как экономию в обоих направлениях, так и более высокую производительность нового предприятия.

Если брать СССР в целом (или отдельно наиболее населенные евреями Украину и Белоруссию), то развитие антисемитских настроений среди части городских рабочих и служащих, ясно обозначившееся в 1928 г., *никак нельзя об'яснить чрезмерным переполнением евреями работы по найму и службе*, якобы далеко превышающим их удельный вес в городском населении. Наоборот, в общей массе городских рабочих и служащих евреи составляют *пока еще меньший процент, чем в населении* всех городских поселений СССР. Антисемитские настроения являются здесь ответом не на *чрезмерность* участия евреев в наемной работе и службе, а на *начало исправления* той неправильности, какая существовала при царизме до революции. В самом деле при царизме на территории СССР было лишь около 270 тыс. чел. еврейских рабочих и служащих, а теперь почти 500 тыс. чел. Этого прироста еще недостаточно, чтобы сравнять долю евреев в городской работе по найму с долей их в городском населении, но уже довольно, чтобы вызвать рост антисемитских настроений среди некоторых слоев в тех пунктах, где этот прирост особенно заметен в абсолютных величинах (как Москва).

Если взять отдельно рабочих и отдельно служащих, то получатся такие соотношения. Среди всех несельскохозяйственных служащих (3.600 тыс. чел.) евреи составляют около 8% (почти 300 тыс. чел.). Среди всех несельскохозяйственных рабочих (7.400 тыс. чел.) евреи составляют около 2,7% (около 200 тыс. чел.), а в том числе среди городских рабочих—4%.

Во все эти сведения включены по данным ЦСУ также безработные (и для евреев и для всех вообще). *Среди еврейских рабочих и служащих безработица оказалась гораздо более значительной, чем среди всех рабочих и служащих вообще.* На полмиллиона еврейских рабочих и служащих приходится почти сто тысяч безработных или до 20%. А для всех рабочих и служащих этот процент чуть не вдвое меньше. Впрочем, о таком соотношении было известно и раньше: уже более полугода назад опубликованы были сводные данные по биржам труда Украины, согласно которым число евреев на биржах труда составляло 24% к еврейским членам профсоюзов, а количество остальных рабочих и служащих на биржах труда Украины составляло только 12% к соответственной сумме членов украинских профсоюзов («Эмэс»). По Белоруссии опубликован по национальностям итог переписи безработных профсоюзами в ноябре 1927 г., при чем процент евреев среди безработных (35,7%) оказался значительно выше процента евреев среди членов союзов (при чем не вошел еще в перепись союз совторгслужащих—см. № 2 Бюллетеня Орта, стр. 19). По переписи ЦСУ 16 декабря 1926 г. в Белоруссии безработных среди еврейских рабочих и служащих 17%, а среди прочих рабочих и служащих только 8%. В Москве по переписи 16 декабря 1926 г. безработных среди еврейских рабочих и служащих около 20%, среди остальных—15% (там же).

Гораздо большее развитие безработицы среди еврейских рабочих и служащих, чем среди прочих, об'ясняется двумя причинами. Во-первых, еврейские **рабочие** в гораздо большей мере сосредоточены в отсталых ремеслах, где процент безработных особенно высок в силу конкуренции фабрики и унаследованной от царизма чрезмерной искусственной скученности трудящихся в ремесленно-торговых городках и местечках Белоруссии и Украины. Во-вторых, еврейские **служащие** на Украине, в Белоруссии и РСФСР при сокращении штатов и рационализации аппарата, как показывает результат, подвергались увольнениям и встречали затруднения в новом приискании работы значительно больше, чем служащие-украинцы, великороссы и т. д.

Гораздо большее развитие безработицы среди еврейских рабочих и служащих в сравнении с остальным пролетариатом страны; устойчиво-безнадежное состояние безработицы в силу самого состояния некоторых отраслей ремесла и курса на нерасширение служебного аппарата; отсутствие мер по вовлечению обученных технически или культурно рук в нуждающуюся в них промышленность географически других районов СССР; невозможность существовавшей до революции эмиграции за границу для получения там занятия в промышленности—эти четыре причины создали совершенно новое, экономически реакционное, но вполне понятное явление в советской хозяйственной действительности, именно: **в наш век индустриализации начался отлив индустриального еврейского населения СССР в сельское хозяйство**; началось «распромышливание», деиндустриализация части советского пролетариата и кустарей-ремесленников.

Дело перехода в значительной части городского еврейского населения СССР к занятию сельским хозяйством постепенно, вообще говоря, все более прочно становится на ноги. Многих с самого начала смущал вопрос: насколько такое явление, как переход **горожан** к занятию **земледелием** и животноводством, вообще лежит по линии исторического прогресса? До сих пор экономическое развитие сопровождалось обычно отливом населения из деревень в города, индустриализацией страны, а не аграризацией.

Как общее правило, это верно и для современного Союза ССР—его путь на ряд лет вперед есть именно путь роста индустриализации. Однако, в отдельных частях громадной страны и для отдельных групп населения может одновременно наблюдаться переход новых слоев к земледелию, не нарушающий общей картины. Лишь бы речь шла о таких группах, переход которых к земледелию означал бы **движение вперед от доиндустриальных форм экономики**, а не возврат назад от индустрии к сельскому хозяйству.

Когда в 1918—1920 гг.—вследствие разорения страны контрреволюционными мятежами и частичной потери в связи с этим сырьевых и топливных источников—фабрично-заводские рабочие Москвы и Ленинграда уходили в деревню, это было реакционным в хозяйственном отношении событием, проявлением развала. Когда же в 1928 г. к земледелию переходит кочевое население Казакстана (бывшей Киргизии)—никому не придет в голову видеть в этом политику, противоречащую линии на индустриализацию СССР.

Но одной рукой воспитывать **новые** индустриальные кадры (ценой немалых затрат), в то же время другой рукой окрестьянивая часть **уже наличных** индустриальных кадров (тоже не без заметных затрат на это странное занятие)—таково одно из противоречий и проявлений недостатка плановости советской действительности. Когда к земледелию переходит общественно-бесполезный мелкий торговец, вытесняемый кооперацией, и другие деклассирующиеся непроизводительные элементы—это хозяйственно-

прогрессивно. Но когда к земледелию стремится перейти, не видя другого выхода, обученный промышленному мастерству ремесленник или ремесленный рабочий, то для нашей страны с ее недостатком промышленной культуры—это—неразумная растрата накопленного у нас уже капитала промышленных навыков и опыта.

Между тем, социальный состав записывающихся для переселения на землю (и затем переселяющихся фактически) грешит в этом отношении довольно значительно. Первая регистрация желающих переселиться на землю была произведена Комзетом в 1924/25 г. (Комзет начал действовать с сентября 1924 г.). Тогда (все сведения из брошюры т. Гольде «Землеустройство трудящихся евреев», М. 1925 г., стр. 25) записалось почти 32 тысячи семей (из которых затем 20 тысяч семей, т.-е. около 100 тысяч человек, успели быть переселенными на землю в четырехлетие 1925—28 гг.). Социальный состав этих 32 тысяч семей в сравнении с социальным составом всего самодеятельного еврейского населения СССР (по переписи 16 декабря 1926 г.) таков (в процентах):

	Кандидаты в переселенцы в %%	Все еврейское население в %%
Сельское хозяйство	13,5	8,6
Рабочие	17,0	19,4
Служащие	8,9	28,0
Кустари	30,3	20,8
Торговцы	22,4	12,0
Прочие и деклассированные	7,9	11,2
	100,0	100,0

Наличие «земледельцев» среди желающих переселиться на землю об'ясняется тем, что в 1921—1924 гг. много еврейских семей в местечках и сельских местностях Украины и Белоруссии уже сами превратились в земледельцев, не покидая своего прежнего местожительства. Для этого местные советы выделили им небольшие наделы, обычно в среднем от 2 до 3 десятин на семью, при чем они не получали почти никакого государственного или общественного кредита на организацию хозяйства. Когда началась государственная организация переселения с отводом полного надела на свободных землях и кредитом из госбюджета по 500 руб. на семью—тогда многие из этих распыленных индивидуальных мелких земледельцев (свыше 40% общего их числа) пожелали попасть в число плановых переселенцев с полным наделом и государственным (или общественным) кредитом.

Рабочих и кустарей среди записывающихся в переселенцы почти половина—значительно больше доли их в населении. Вина тут, конечно, не этих кустарей и рабочих, а создавшихся условий—выше уже сказано о необходимости вместо этого усилить вовлечение их в промышленность.

Последнюю группу составляют торговцы и также непроизводительные «прочие». Они дают вместе около 30% переселенческого контингента — несколько больше доли их в населении, **но далеко недостаточно в сравнении с задачами организации еврейского земледелия в СССР**. Основной мыслью ее было перевести на производственные рельсы как раз общественно-излишние непроизводительные элементы еврейского населения—ту его четверть, какая состоит из торговцев и «прочих». Эти прочие во многих случаях не кто иной, как те же разорившиеся и деклассировавшиеся из торговцев и т. п., потерявшие свое положение и живущие преимущественно на присылки от родных из Америки и подобные случайные поступления (в еврейской беллетристике есть для их обозначения своеобразное выражение: «люди воздуха»).

Прошло время, когда торговцы-хозяева были самой крупной группой еврейского населения (до революции 34%, а с 1% капиталистов и с. «прочими» даже 49%). Теперь они уступили первое место группе служащих (28%). Но и подавляющая часть оставшихся еще мелких торговцев и «прочих» жаждет перемены занятия, какого-либо более прочного и обеспечивающего лучшую жизнь дела. Еврейские мелкие торговцы большей частью скучены в сравнительно небольшом количестве городов и местечек западной полосы европейской части СССР. Там нехватает другого населения, которое они могли бы обслуживать, и потому большая часть их ведет самую бедную жизнь. Еще царская комиссия бывшего министерства внутренних дел перед войной установила, что средний месячный доход семьи еврейского торговца в нынешней Белоруссии менее двадцати рублей. В русской литературе царского времени сохранилось много описаний таких еврейских торговцев или торговок «Западного края», весь оборотный капитал которых составляет три-четыре рубля. Торговка, скажем, покупает несколько селедок, рубит каждую селедку на части и торгует отдельно головной частью селедки или хвостом, серединой, ибо население этих местечек такое бедное, что не может позволить себе роскошь купить целую селедку, а покупает по частям.

Понятно, при таких условиях мелкие еврейские торговцы западной полосы СССР всегда готовы бросить свое занятие и родину и переселиться, чтобы стать крестьянами, когда им дают землю и кредит на покупку лошади и плуга. Если бы государство могло дать на это больше средств, можно было бы почти всех их хоть сразу обратить в земледельцев. Тем более, что в советское время прежнее полуголодное их существование усугублено еще нашей общей противобуржуазной линией и развитием советской кооперации. В маленьком местечке за недостатком явно выраженных крупных эксплоататоров и селедочная торговка для фининспектора сходит за подлинную гидру буржуазии. Развитие кооперации поглощает, конечно, часть бывших торговцев превращением их в служащих потребительских лавок. Но, поскольку кооперативная организация торговли является шагом вперед в уменьшении непроизводительных накладных расходов общества на дело распределения,—она требует значительно меньшего количества занятых рук, чем бывшая до нее частная мелкая торговля.

Для размывания земледельческим переселением остатков социальной структуры еврейского населения, унаследованной от царизма, весьма характерен состав всего переселенческого контингента. Как приведено выше, более чем на 60% (а среди фактически допущенных к переселению—еще более) он состоит из местечковых кустарей и мелких торговцев. Но местечковые кустари и мелкие торговцы являются сейчас в значительной мере вымирающими осколками старого уклада не только досоветского, но также и докапиталистического. Заполнение ими городов было созвучно эпохе до развития того буржуазного хозяйства, какое знает современная Европа и знала царская Россия. Это остатки средневековых по типу отношений, когда феодальное хозяйство в деревне дополнялось строем мелкого «простого товаропроизводства» (еще не капиталистического) в городе со связанною с ним такою же торговлей.

Уже при развитии буржуазных капиталистических отношений в царской России (последние несколько десятилетий перед революцией) подавляющая масса всех этих мелких торговцев и ремесленников городов и местечек западной полосы страны оказывалась по существу излишней, общественно и хозяйственно «ненужной». Из такой «ненужности» и вытекала крайняя нищета этого еврейского населения уже в дореволюционное время. Выходом из положения, практиковавшимся все шире, была эмиграция в Америку—путь к рассасыванию избыточного населения внутри страны был закрыт царским правительством.

Теперь закрыт как раз путь в Америку (правительством Соединенных Штатов ограничен в'езд), зато открылись возможности для превращения местечкового населения в общественно-полезное в нашей стране. Во-первых, вовлечением в фабрично-заводскую работу и государственно-общественную службу с соответствующим расселением из бывшей черты оседлости по всей стране. Во-вторых, переходом к возделыванию свободно-лежащих, пустующих земель. Оставляем в стороне при этом третий путь—пополнение провинциальной еврейской буржуазией рядов столичных рыцарей нэпа (валютчиков, подрядчиков, частных торговцев и прочих предпринимателей), ибо этот путь открыт только небольшому сравнительно зажиточному слою.

Вовлечению в фабрично-заводскую работу и в государственно-общественную службу поставлены довольно узкие границы самым темпом развития индустрии и государственно-общественной деятельности в СССР, не дающим возможности вводить в эти отрасли в любое время произвольно большие массы. Здесь можно нормально рассчитывать лишь на долю прироста, приблизительно соответствующую пропорции еврейского населения в общей массе жителей страны (отчасти всех, отчасти—только городских).

Поскольку дальнейшее насыщение евреями индустрии и службы ограничено этим условием,—для «лишних» сотен тысяч людей, живущих еще в «доиндустриальном периоде», остается одно из двух: или постепенно вымирать, или перейти к обработке пустующих земель и стать таким путем нужными, производительными и обеспечивающими себе возможность существования гражданами.

Постепенное вырождение местечкового еврейского населения действительно имеет место уже ряд лет. Показателен, например, факт, указанный известным статистиком В. Михайловским (руководитель в течение ряда лет отдела демографии ЦСУ)—значительное уменьшение рождаемости среди евреев сравнительно с дореволюционным временем. Причиной служит, конечно, не какое-либо желание уменьшением семьи устранить чрезмерное дробление наследств (ибо у полунищей массы и наследовать нечего), а физическая невозможность хоть кое-как прокормить детей.

В настоящее время, когда уже десятки тысяч еврейских семей личным трудом обрабатывают землю, не приходится сомневаться в осуществимости такого перехода в смысле возможности приспособления к нему наличного людского материала. Можно отметить даже ряд еврейских крестьянских артелей и поселков, которые, просуществовав едва три-четыре года, уже получают премии на местных сел.-хоз. выставках и получают от земотделов официальные удостоверения в их «образцово-показательном» значении для всего местного окрестного населения.

Опыт показал также, что дело это не потерпит крушения из-за отсутствия средств. Оно оказалось способным привлекать кредиты и из-за границы (особенно из Америки) и внутренние, которыми в общем обеспечивается возможность ежегодного дополнительного поселения еще по нескольку десятков тысяч человек переходящих к сельскому хозяйству евреев. Судя по тому, как из года в год неуклонно растет приток этих средств, можно ожидать дальнейшего расширения работы, но не ее приостановки или сокращения.

Общее количество лиц, подлежащих устройству в других областях занятий, мы определяем для ближайшего десятилетия около 600 тысяч человек (наличных «лишних» 400 тысяч и прирост за 10 лет еще 200 тыс.). Другие наблюдатели считают эту величину ориентировочно пра-

вильной уже для настоящего времени. Руководитель еврейской работы на Украине тов. Кипер на заседании Комзета в июле 1928 г. определял эту величину для Украины на настоящий момент около 450 тыс. чел. Тогда же на том же заседании один из руководителей еврейского землеустройства в Белоруссии, тов. Ошерович, определял эту величину для Белоруссии около 100 тыс. чел. Если принять во внимание еще другие республики, то в общем получится величина не менее 600 тыс. чел. уже в настоящее время.

Выведенная нами на основании статистических коэффициентов величина (около 400 тыс. чел. «лишних» в настоящее время) должна считаться более правильной. Ибо например, если все кустари какого-либо района живут плохо, т. к. на всех работы нехватает, то из этого не следует, что все они лишние. Надо переселить или дать иное занятие только такой их части, чтобы для нормального существования остающихся в кустарном производстве данной местности достаточно было имеющейся там работы.

Мы останавливаемся на этом пункте—ориентировочный подсчет нуждающихся в особых мерах по хозяйственному устроению еврейских масс в СССР—ибо от ответа на него зависит решение многих практических вопросов. В наш подсчет требующих особых мер со стороны государства мы включили только население местностей западной полосы СССР, искусственно переуплотненных царизмом путем принудительного сосредоточения там еврейского несельскохозяйственного населения. Поскольку где-либо в других местах РСФСР, например, в Москве или Ленинграде, существуют еврейские бедняки или безработные—нет оснований для особых мер государства специально для помощи именно им. Здесь, в Москве или Ленинграде, забота о них покрывается общей заботой о бедняках и безработных, растворяется в ней. Поскольку государство может вообще что-нибудь сделать для московских бедняков—это распространяется и на соответственную часть еврейских бедняков в Москве. Ибо здесь нет особых условий, которые особо выделяли бы заботу именно о них.

Но в западной полосе СССР эти особые условия есть—и отсюда особые меры, особая забота государства (Комзет) и особый подсчет. Особые условия западной полосы СССР заключаются для государства, как такового, не в том, что там много бедняков именно еврейской национальности. Бедняков, к сожалению, у нас покуда еще везде много. Если бы подходить только с так называемой гуманитарной, филантропической точки зрения «помощи бедняку», то надо было бы попросту делить поровну между всеми бедняками всех наций по всему СССР все, что можно для этого выделить, а не создавать специальный «Комзет» и т. п.

Государство подходит к вопросу сейчас преимущественно в общих народнохозяйственных и политических целях. С этой точки зрения особенность западной полосы СССР не в том, что именно там много бедных евреев, несправедливо преследовавшихся царизмом, а в следующих трех пунктах:

1) сосредоточение там чрезмерных масс несельскохозяйственного населения, не требующихся экономикой этого района, и вытекающее отсюда сплошное обнищание, загнивание и разложение городских центров этих местностей;

2) пограничный характер этой полосы (по ту сторону границы—Польша, Румыния и Латвия), делающий особо нетерпимым и опасным длительное пребывание масс несельскохозяйственного населения района в состоянии упадка и разложения;

3) желательность (и выгодность) использовать для какой-либо полезной работы немалые технические, культурные и организаторские навыки этого населения для нашей страны в целом, бедной такими навыками.

Наличие таких особых условий в западной полосе европейской части СССР побудили бы советское государство принимать и особые меры, какой бы национальности ни было скопившееся здесь излишнее несельскохозяйственное население. Делом исторического прошлого является, что этим населением оказываются здесь именно евреи и что вмешательство государства здесь одним из последствий имеет и влияние на общее изменение социальной структуры еврейского населения СССР.

Конечно, советское государство в перспективе не отказывается и от специальных мер по изменению социальной структуры населения СССР безотносительно к наличию каких-либо особых условий, требующих ускорения такого вмешательства на данном участке. Впоследствии перед нами станет, например, задача превращения всей великорусской буржуазии (и всех деревенских кулаков) в производительное трудовое население, организованное в общественное хозяйство. Вся наша индустриализация, между прочим, есть также и метод изменения социальной структуры страны. Но сейчас в области специальных мер содействия социальной перегруппировке еврейского населения СССР государство исходит не из общего влечения к изменению классового строения в определенную сторону, а прежде всего из тех трех народнохозяйственных и политических задач, какие выше указаны. Эти задачи имеют не специально еврейское, а общегосударственное значение. Особые интересы еврейской бедноты полностью совпадают тут с общими интересами государства, обобщающего и вносящего плановость в тот процесс, который, как мы видели, уже пробил себе стихийно заметное русло в жизни.

Остается еще остановиться на вопросе об удельном весе еврейских классовых групп в соответственных классовых группировках страны в целом.

Относительно рабочих и служащих относящиеся сюда данные уже приведены. Составляя во всем населении страны менее 2% и в городском населении 8,3%—евреи среди несельскохозяйственных рабочих составляют менее 3% (точнее 2,7%) и среди служащих почти ровно 8%.

Доля евреев в сельскохозяйственном населении совершенно ничтожна и не достигает сейчас даже полных 0,2%.

Кустарей и ремесленников всех национальностей во всех поселениях городского типа СССР, как не имеющих рабочих, так и нанимающих рабочих, по данным ЦСУ в 1926/27 г. имелось всего менее 560 тыс. челов. [1]). А евреев-кустарей и ремесленников имеется (по данным переписи 16 декабря 1926 г.) около 216 тыс. чел. Значит, на евреев, составляющих лишь около 8% городского населения СССР, приходится около сорока процентов всех городских кустарей и ремесленников. При этом, по данным ЦСУ, целых 93% кустарей и ремесленников вовсе не имеют наемных рабочих.

Что касается частных торговцев (включая выбирающих патенты промышленных предпринимателей), то по всему СССР, в городах и деревнях вместе, в 1926/27 г., по тем же данным ЦСУ, их имелось 634 тыс. чел. А среди евреев (по данным переписи 16 декабря 1926 г.), торговцев оказывается 125 тыс. чел. Торговцы, как все вообще, так и еврейские в частности, размещаются в городах и деревнях, при чем и у тех и у других на города приходится значительно более половины. На долю евреев, составляющих 2% населения страны, приходится таким образом почти 20 проц. всех торговцев страны (в частности, по переписи 16 декабря 1926 г.: по Белоруссии—90%, по Украине—66%, по Москве—15%). Это сопоставление особенно

[1]) Данные о числе кустарей и ремесленников, торговцев и «прочих» по СССР беру по расчетам ЦСУ, приведенным на стр. 46 моей брошюры «Социальная структура СССР».

ярко показывает далеко еще не изжитую ненормальность нынешней социальной структуры еврейского населения СССР.

Наконец, что касается «прочих» (кроме военных), то из таблиц ЦСУ сюда попадают из несельскохозяйственного населения, во-первых, 170 тыс. чел. «трудящихся не по найму» не из числа кустарей, а, во-вторых, 1.200 тыс. чел. разных групп фактически буржуазного и мелкобуржуазного характера: живущие доходом от своих домовладений и аренды домов, комиссионеры и рантье, лица «свободных профессий» (преимущественно духовенство), лица «с неопределенным источником нетрудового дохода» и деклассированные. У евреев на все эти группы приходится около 106 тыс. чел., что по отношению к общей величине в 1.370 тыс. чел. дает почти 8%, т.-е. весьма близко к проценту евреев во всем населении поселений городского типа (по СССР в среднем 8,3%).

Каков процент евреев среди сравнительно крупных нэпманов? Трудно ответить на этот вопрос сколько-нибудь точно. По данным налоговой статистики вообще, по СССР в 1926/27 г. имелось только 25 тысяч частных лиц, выбиравших торговый патент четвертого и высших разрядов, либо соответственный промышленный патент. Конечно, есть такие капиталисты, даже из средней руки спекулянтов, ростовщиков и валютчиков, которым удается вовсе скрыться от обложения. Если даже предположить число их равным количеству выявленных—дальше никто не шел в своих расчетах, да и трудно при стремлении фиска к их уловлению ожидать большего,—то вся масса сравнительно крупных нэпманов составит в СССР около 50 тыс. чел. (а с членами семей около четверти миллиона населения). Сюда входят все оптовики и полуоптовики, фабриканты и т. п. всех национальностей. Это составит около 8% всех торговцев и капиталистов, установленных переписью 16 декабря 1926 г. в СССР (само собой, что у этих 8% сосредоточивается во много раз большая часть всего буржуазного имущества и всех буржуазных доходов—см. об этом подробнее в книжке моей «Частный Капитал»).

Какая часть этих сравнительно крупных нэпманов приходится на евреев,—об этом у нас есть пока хотя бы некоторые материалы только по Москве. Правда, в Москве живет только около 5% всего еврейского населения страны и только 2,8% всех еврейских частных торговцев СССР. В то же время в Москве живет около 8% всего городского населения СССР и почти 4% всех частных торговцев страны. Но если вспомнить, что на Москву приходится более четверти всего частного торгового оборота (не считая внутрикрестьянских сделок) и здесь сосредоточено больше нэпманов, чем где-либо в другом месте, то можно уделить некоторое внимание и только московским сведениям.

По переписи 16 декабря 1926 г. в Москве всего 24.126 частных торговцев (из них 3.437 евреев). У нас есть сведения о разделении по национальностям 2.469 из них, *являющихся более крупными частными торговцами Москвы*, т.-е. примерно 10% всех московских частных торговцев (что близко подходит к 8%, какие ориентировочно составляют сравнительно крупные нэпманы по отношению ко всем частным торговцам страны). Сведения эти не совпадают во времени с датой переписи (16 декабря 1926 г.), но все же могут быть сравниваемы.

Оказывается, что из этих 2.469 нэпманов Москвы на евреев приходится 810 человек, или *почти треть*. Если это соотношение принять для всей страны (что, вероятно, несколько преувеличено), то на евреев придется, примерно около 15 тысяч сравнительно крупных нэпманов. В частности, в Москве *из еврейских* торговцев на этот круг нэпманов приходится почти 25%, а из всех *остальных* торговцев только около 8%. Само собой ясно, как должно разжигать антисемитские настроения это обстоятельство среди русских торговцев Москвы и близких к ним в этом отношении по духу кру-

гов. Такой подбор еврейских торговцев Москвы об'ясняется прежде всего тем, что все они—приезжие. А переехать на свой счет в Москву из провинции, обосноваться здесь и открыть собственное нетрудовое предприятие могла лишь более имущая часть еврейских провинциальных торговцев. Наоборот, в небольших городах и местечках Украины и Белоруссии, где сосредоточена главная часть еврейских торговцев, количество сравнительно крупных представителей буржуазии (в связи с переездом их в главные центры) даже уменьшилось.

Выше мы видели, как значительно изменилась к лучшему социальная структура еврейского населения СССР со времени революции 1917 г. Нет основания думать, что не осуществится намечаемая на ближайшее десятилетие социальная передвижка еще 600 тыс. чел. еврейского населения (тем более, что, например, переход еще 300 тыс. чел. к земледелию в течение десяти лет обеспечен и землей и соглашениями и постановлениями о средствах). Это означает передвижку в другие группы (наполовину в крестьяне, наполовину в рабочие) около 240 тыс. чел. самодеятельных. Вместе с приростом за 10 лет количество самодеятельных среди еврейского населения достигнет тогда около 1.350 тыс. чел. А распределение их по социальным группам будет иметь такой вид (в %%):

	До революции.	Теперь.	В 1938 г.
1. Рабочие	15	19,4	28
2. Служащие	10	28,0	28
3. Крестьяне	2,2	8,6	20
4. Кустари	23	20,8	15
5. Торговцы и прочие	50	23,2	9

Эта таблица подводит итог как тем изменениям, какие революция внесла уже в социальную структуру еврейского населения СССР, так и изменениям, которые она в общем обеспечивает на ближайшее десятилетие.

К проекту союзного закона о землепользовании и землеустройстве.

Советский государственный земельный строй ставит своей задачей организацию социалистического земледелия, т.-е. такого порядка сельскохозяйственного производства, который исключает возможность кабальной эксплоатации трудящегося населения и в то же время обеспечивает хозяйствованию на земле наибольшие материальные достижения.

В целях последовательного перехода к социалистическим формам использования земли, советская власть в качестве основ для земельных распорядков установила следующие общие положения:

а) отмену навсегда права частной земельной собственности и предоставление земли в исключительную собственность государства (национализация земли);

б) укрепление земледельческого хозяйства на праве трудового землепользования;

в) организацию государственных советских хозяйств и

г) земельно-хозяйственный режим, сводящийся к последовательному развитию и осуществлению мероприятий по обобществлению отдельных элементов и процессов в мелких крестьянских земледельческих хозяйствах с предельным достижением наивысшей продукции этих хозяйств.

На перечисленных главных основаниях советского земельного строя построена разработка ныне действующего советского закона о земле, изданного в 1922 году в виде Земельного Кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, в состав которой в то время входила вся территория Союза.

Земельный Кодекс РСФСР был разработан и издан в условиях лишь зарождающегося мирного строительства социалистического народного хозяйства, и поэтому даже его основные положения не получили выражения в необходимой полноте.

Этот недостаток Кодекса усугубляется еще тем обстоятельством, что им в течение некоторого времени обслуживались нужды земельного дела и отдельных районов РСФСР, составляющих ныне автономные союзные республики и отличающихся друг от друга признаками чрезвычайного разнообразия в социально-экономическом состоянии и направлении земледельческих промыслов. В то время как в отдельных республиках встречается первобытно-скотоводческая система сельского хозяйства, в других—имеет место развитие высоко-интенсивного земледелия. Не менее значительным представляется и колебание, выражающееся в наличности товарно-капиталистических форм хозяйствования в одних районах и его социалистического устройства в других.

В настоящее время каждая автономная республика имеет свой Земельный Кодекс, разработанный на основе общих положений упомянутого Земельного Кодекса РСФСР.

В практике применения и развития земельного законодательства в отдельных союзных республиках, в связи с отсутствием достаточно разработанного общего земельного закона, зачастую замечаются неправильные уклоны от основного направления союзной земельной политики. Кроме того, действующие земельные кодексы за время, истекшее со дня их издания, в основных своих указаниях были подвергнуты не согласованным между собою изменениям и дополнениям, последовавшим в законодательном же порядке.

С другой стороны, Земельный Кодекс, в связи с огромным количественным ростом и углубленным развитием социалистического сектора в сельском хозяйстве, дает значительное отставание от результатов хозяйственно-экономических мероприятий государства и самого трудящегося населения в области последовательно обобществляющегося земледелия.

Согласно конституции СССР правительством Союза должен быть издан союзный земельный закон, устанавливающий «Основные начала землепользования и землеустройства» в качестве общих руководящих положений для всех союзных автономных республик. Это требование союзной конституции продиктовано логической необходимостью обеспечить организации и развитию сельскохозяйственной промышленности в стране одинаковый уклад и единое основное направление в сторону последовательного насаждения социалистического режима.

Издать общесоюзный закон о земле—это значит собрать и об'единить в единое целостное законодательство все законоположения, определяющие советский государственный земельный строй и являющиеся обязательными для всех союзных республик без исключения.

Проект такого союзного земельного закона под названием «Общие начала землепользования и землеустройства», после длительной его проработки в различных многочисленных правительственных, общественных и научных организациях и учреждениях, Советом Народных Комиссаров Союза был внесен на рассмотрение 3-й сессии Союзного ЦИК. Сессия постановила предварительно передать этот проект на широкое обсуждение крестьянского трудового населения. Проект должен получить широкую огласку и быть предметом самого внимательного и глубокого изучения и свободной, об'ективной критики. Он должен быть обсужден в различных группировках бедняцких и середняцких слоев крестьянского населения и получить в своей критике исчерпывающее освещение в крестьянской прессе.

Обсуждению проекта необходимо обеспечить во всей полноте культурную помощь и содействие со стороны партийных, советских и общественно-просветительных организаций и должностных лиц.

Проект в своем изложении и содержании не ограничен повторением общих разделов и правил, имеющихся в действующих земельных кодексах. Напротив того, в связи с указанными выше соображениями, он также ставит своей задачей переработку и дополнение ряда таких основных начал землепользования и землеустройства, которые не находятся в необходимом соответствии с постановлениями XV с'езда партии.

Для правильной и целесообразной установки мероприятий по социалистическому земледелию в области землепользования и землеустройства в новом законе с особой наглядностью и четкостью проведена идея об органическом переустройстве деревни на основе ускоренного развития численного роста крупных обобществленных крестьянских хозяйств.

Закон, кроме того, укреплен на том исходном положении, что поднятие экономического благосостояния бедняцких и середняцких слоев крестьянства должно в практике мыслиться не в форме перерастания отдельных крестьянских мелких хозяйств в следующие по мощности категории таких же обособленных хозяйствующих на земле единиц, а в виде сложившихся из указанных социальных слоев, экономически крепких сельскохозяй-

ственных кооперативных об'единений, образуемых в условиях усиленной организующей деятельности государственных, общественных и партийных организаций.

Новый закон имеет следующие главные разделы:

а) основные положения, б) право трудящихся на землю, в) землеустройство, г) переселение, д) меры поощрения коллективных и других товарищеских форм землепользования, е) советские хозяйства, ж) аренда земли трудового пользования, з) о наемном труде в сельском хозяйстве, и) земельное общество и сельский совет, к) земли специального назначения, л) городские земли и м) земли государственного запаса.

Действующий же Земельный Кодекс имеет лишь три следующих раздела:

а) основные положения, б) о городских землях и государственных земельных имуществах и в) о землеустройстве и переселении.

Таким образом, уже одно лишь, представленное в существенном виде, различие в построении «общих начал землепользования и землеустройства» и действующего Земельного Кодекса указывает на значительность тех изменений, которые проводятся новым законом в освещении вопросов землеустройства, переселения, организации коллективных форм землепользования, устройства советских хозяйств, вопросов по регулированию различных деревенских процессов в области землепользования и взаимной связи между сельскохозяйственными об'единениями и низовыми органами общего советского управления.

В «основных положениях» закона с особою решительностью укрепляется принцип государственной собственности на землю и значение этого принципа, как отправного начала для поднятия производительных сил сельского хозяйства в условиях перестройки последнего на социалистических основаниях. Закон, кроме того, об'являет Союз собственником всех земель, находящихся в пределах его составных республик, и впервые устанавливает меры уголовного преследования лиц, виновных в нарушении принципа национализации земли.

«Основные положения» впервые останавливают внимание на значении связи мероприятий по землеустройству и землепользованию с развитием производительных сил сельского хозяйства в условиях усиленного расширения социалистических форм землепользования. В этих же положениях, в виде нового указания, дается директива об органической связи между упомянутыми задачами землеустройства и его целями специального непосредственного обслуживания нужд широких бедняцких и середняцких масс крестьянства.

По новому закону в непосредственном заведывании Союза состоят те земли, которые обслуживают нужды союзных организаций и учреждений, а также и те, которые составляют переселенческий и концессионный фонды. Все остальные земельные фонды находятся в непосредственном распоряжении соответственных союзных автономных республик.

Перечень хозяйствующих единиц, имеющих право на пользование землей в сельскохозяйственных целях, также относится к одному из основных начал союзного закона, при чем в отношении физических лиц земля может быть предоставлена лишь их об'единениям, начиная с отдельного двора и кончая коллективными хозяйствами.

Наконец, в качестве общего правила, входящего в состав «основных положений» закона, для всех республик устанавливается обязательство вести государственные записи землепользований по однородной системе, определяемой общесоюзным законом. Целесообразность такого требования закона вытекает из того значения земельной регистрации, которое определяется нуждами социалистического государства в области земельной статистики, земельной инвентаризации и общего управления земельным фондом.

Особого внимания по разделу закона о праве трудящихся на землю заслуживает то положение, что им впервые декларируется, в качестве одного из основных начал, преимущественное право коллективных хозяйств и маломощных слоев крестьянского населения на получение земли в трудовое пользование.

В существующем Земельном Кодексе такого указания не было, и лишь в течение последнего времени, в порядке дополнительно установленных правил, была создана практика внеочередного наделения земельными угодьями колхозов и бедняцких хозяйств. Впервые же устанавливается в законодательном порядке классовый принцип и в отношении отводов земель для сельскохозяйственного пользования по качественному признаку.

Предоставление земли в последнюю очередь лицам, не имеющим избирательного права, и лишение бывших помещиков и других нетрудовых землевладельцев права на земельные отводы в губерниях. где находились их бывшие имения, также обусловлены союзным земельным законом. Вообще говоря, классовое направление мероприятий по вопросам землепользования получило в новом законе полное выражение, чего нет в действующем земельном законодательстве.

К «основным началам землепользования» закон относит и перечень главных случаев прекращения трудового пользования землей, при чем характерной особенностью закона служит то обстоятельство, что в состав этого перечня включены также и случаи нарушения принципиальных положений земельного строя (нарушение принципа национализации земли, незаконная сдача земли в аренду и проч.).

Союзным законом устанавливается для всех союзных республик обязательство в законодательном порядке проводить меры по обеспечению трудовым хозяйствам необходимой устойчивости, связанной с созданием условий для усиленного вложения в сельскохозяйственное производство труда и средств в целях поднятия его производительности. Закон дает перечень таких мер.

К «основным началам землепользования» проект закона относит установление случаев производства очередных и досрочных земельных переделов при различных порядках пользования землей. В противопоставление с указаниями действующего Земельного Кодекса новый закон конкретней разрешает вопрос о переделах земель в селениях, не имеющих общинного землепользования, а также и в хозяйствах, не входящих в состав отдельных земельных обществ, и предусматривает возможность досрочных переделов в целях борьбы с кулачеством.

Правила, регулирующие мероприятия по землеустройству, выделены в особый раздел союзного земельного закона. Отличительным признаком для этой части закона является то обстоятельство, что при сохранении права на свободный выбор форм землепользования в понятие о землеустройстве вкладывается определение его, как государственного начинания, которое должно способствовать общему под'ему сельского хозяйства, кооперированию и коллективизации его.

Затем землеустройству, производящемуся в обязательном порядке, по проекту закона открывается возможность более широкого развития, чем это было до настоящего времени. Оно может быть начато по почину не только земельных органов, но и учреждений местного общего управления, начиная с сельского совета. Возникновение работ по обязательному землеустройству регулируется законодательством союзных республик, при чем оно может быть вызвано, как указывает проект закона, целями «ограничения захватнических стремлений кулачества».

Впервые в законодательном порядке «общими началами землепользования и землеустройства», в качестве закона, выдвигается требование об установлении определенной очереди в проведении землеустроительных мероприятий для хозяйств различного социального и государственного значения.

По новому закону во всех республиках сельскохозяйственные коллективы и государственные учреждения получают землеустроительную помощь вне очереди. На первой очереди должны стоять землеустроительные работы по переходу к формам землепользования, наиболее способствующим кооперированию, коллективизации и поднятию производительности сельского хозяйства. Отрубные и хуторские хозяйства землеустраиваются в последнюю очередь.

Проект союзного закона предопределяет также случаи и порядок применения классового подхода в землеустройстве как в отношении льготной оплаты его, так и в смысле предоставления преимуществ на получение земли лучшего качества. Коллективные и маломощные крестьянские хозяйства имеют право на отводы земель в местах, наиболее приспособленных для облегченной организации полеводства и землеустраиваются за счет средств, отпускаемых по государственному бюджету. Этих указаний действующий Земельный Кодекс не содержит.

Дополнением к действующему Кодексу является одно из общих начал союзного закона, которое заключается в том, что землеустройство, сопровождающееся полной перестройкой землеустраиваемых хозяйств (переселение на новые места, коренная мелиорация отведенных по землеустройству земель), освобождает последние от сельскохозяйственного налога на сроки, предусмотренные Положением об этом налоге, и может, кроме того, послужить основанием для предоставления таким хозяйствам и других льгот, устанавливаемых законодательством союзных республик.

В качестве общего начала союзным законом устанавливается право сельских советов иметь наблюдение за выполнением землеустроительных работ и принимать в них участие, чего не давало действующее земельное законодательство.

Установление порядков производства землеустроительных работ и рассмотрения возникающих при землеустройстве споров, по проекту союзного закона, предоставляется правительствам союзных республик.

Все перечисленные в проекте постановления о землеустройстве не только проектируются в качестве общих начал, обязательных для всех союзных республик, но и являются дополнениями к действующему Земельному Кодексу, в существеннейшей степени изменяющими общее направление землеустроительного законодательства. В союзном законе землеустройство впервые с полной определенностью получает выражение общесоюзного государственного мероприятия, призванного к преимущественному обслуживанию нужд развития социалистического сектора сельскохозяйственной промышленности.

В отношении мер по поощрению коллективных форм землепользования проект союзного земельного закона дает совершенно новое выражение законодательству о колхозах. Прежде всего в этом разделе в качестве общеобязательного для всех союзных республик устанавливается обязательство оказывать «образованию и деятельности коллективных хозяйств особое содействие и поощрение».

Затем проект дает конкретный перечень весьма значительных льгот, предоставляемых колхозам в различных областях и направлениях, и, кроме того, обязывает союзные республики в свою очередь предоставлять обобществленным хозяйствам льготы по всем экономическим мероприятиям. Он также обязывает обеспечить сельскохозяйственным коллективам устойчивость землепользования при переделах и землеустройстве остальных земель в земельном обществе. Далее, проект понуждает союзные республики к принятию мер против нарушения севооборотов в коллективных хозяйствах при выходе из них отдельных членов. Наконец, «общие начала землепользования и землеустройства» предоставляют меньшинству членов земельного общества, в принудительном для последнего порядке, право выхода из общества с землей для организации колхоза.

Таким образом, раздел союзного закона, устанавливающий правила о коллективных хозяйствах, в приложении его к другим перечисленным выше дополнениям и изменениям действующего земельного кодекса, еще значительней выравнивает общее направление обязательных для союзных республик мероприятий по социалистическому построению сельского хозяйства. Он, кроме того, предупреждает возможность тех уклонов от основных положений земельного строя, которые имели место до настоящего времени.

Не менее значительное место, чем колхозам, в системе очередных мероприятий по земледельческой промышленности «общими началами о землепользовании и землеустройстве» отводится и государственным советским хозяйствам. Этим законом советские хозяйства ставятся в условия всемерного поощрения, оказываемого в обязательном для союзных республик порядке, как в отношении всевозможных льгот по земельно-хозяйственному их устройству, так и в смысле культурного, агрономического и материального их обслуживания. Совхозы по проекту нового закона должны мыслиться, как одна из главных разновидностей развития социалистического сектора в сельском хозяйстве и быть образцом для заимствования лучших форм хозяйствования на земле.

Существенное изменение «общие начала землепользования и землеустройства» вносят в законодательство об аренде трудовых земель. Здесь проект союзного земельного закона прежде всего весьма значительно ограничивает законодательную волю союзных республик и устанавливает для них основное направление в разрешении вопросов арендного права.

Затем в этой части законопроекта так же, как и во всех остальных его разделах, начало классовой линии получило выражение в более конкретной форме и в усиленной степени, чем то имеет место в действующем Земельном Кодексе. Земельная аренда в своем возможном развитии значительно сокращена. Она связана наличием социально-экономических предпосылок, которые определяются неотвратимыми обстоятельствами, затрудняющими хозяйственное положение трудовых и главным образом маломощных слоев деревни. Она ограничена в сроках и может быть прекращена досрочно при оказании материальной помощи сдатчику со стороны государства или кооперации.

Аренда считается незаконной, если она предоставляется кулацкому хозяйству, или если условия ее являются кабальными для маломощного хозяйства. Арендная сделка не может быть заключена, если на сдачу земли большинство полноправных членов двора не дает согласия. Запрещается суб-арендное пользование землей.

Регистрируют арендные сделки сельские советы, а наблюдение за исполнением правил об аренде принадлежит сельсоветам, волисполкомам и земельным органам.

Сдача в арендное пользование земель, принадлежащих земельным обществам, регулируется законодательствами союзных республик.

По вопросу о наемном труде в сельском хозяйстве новый союзный земельный закон в основных своих положениях повторяет относящиеся к этому вопросу правила действующего Земельного Кодекса и в общем никаких изменений против Кодекса не вносит.

Весьма существенное изменение новый закон дает в области связи и отношений между сельскими советами и земельными обществами, а также и по вопросу о составе и задачах этих последних.

Прежде всего, такого специального раздела действующий Земельный Кодекс не имеет. Затем в качестве общих обязательных для союзных республик начал земельного закона устанавливаются следующие новые положения:

а) в состав членов земельного общества включаются не только члены отдельных дворов, но и все имеющие избирательные права лица, живущие на территории данного селения не менее одного года и обслуживающие в нем нужды сельского хозяйства своим личным трудом (батраки, пастухи, кузнецы) и т. п.

б) земельному обществу должны принадлежать общий надзор и ответственность по правильному и целесообразному использованию его земель,

в) общество проводит организацию коллективных и кооперативных хозяйств,

г) проект закона исключает возможность зачисления в состав полноправных членов земельного общества тех домохозяев, хозяйства которых являются кулаческими,

д) сельские советы обязываются руководить работой земельных обществ в области землепользования и землеустройства и, в частности, рассматривают и утверждают вынесенное по этим вопросам постановление обществ,

е) сельские советы составляют списки хозяйств, имеющих право на установленные законом льготы по оплате землеустроительных работ,

ж) сельским советам предоставляется приостанавливать исполнение таких постановлений земельных обществ, которые противоречат не только закону, но и задачам кооперирования сельскохозяйственных мероприятий, а также и те, которые нарушают интересы бедноты; сельские советы в таких случаях предлагают обществам пересмотреть свои постановления,

з) проект союзного закона предопределяет возможность издания местного закона о предоставлении в непосредственное пользование сельсоветов отдельных земельных и другого вида угодий (лесных, водных и проч.).

Таким образом, проект «общих начал землепользования и землеустройства» коренным образом меняет природу связи и отношений между сельскими советами с одной стороны и земельными обществами—с другой. Сельские советы по мысли закона должны быть органически связаны с земельно-хозяйственным устройством местного крестьянского населения и обязываются стоять на страже правильного направления и осуществления мероприятий по сельскому хозяйству в соответствии с общими задачами переустройства деревни на социалистической основе.

В заключение нужно отметить, что проект нового союзного закона имеет совершенно законченные формы и полноту, обеспечивающую ему в его последующем развитии твердую и нерушимую социалистическую основу.

И. Дымшиц.

О сменных цех'ячейках[1]).

Своей статьей «Нужны ли сменные цеховые ячейки» («Большевик» № 12, дискуссионный отдел), направленной в основном против моей статьи «О сменных цеховых парт'ячейках» («Большевик» № 10), тов. Е. Колокольцева открывает дискуссию по этому вопросу.

Приходится отметить, что, хотя вопрос о переходе на систему сменных цехпарт'ячеек, к сожалению, далеко еще не достаточно полно освещался до сих пор в нашей периодической печати, однако, даже и те данные, которые опубликованы за последнее время, неизменно и достаточно ясно и вразумительно говорят за то, что каждый раз, когда партийная мысль упирается в вопрос о наилучшем обслуживании предприятий, работающих посменно, о более глубоком и полном охвате сменных рабочих партийным руководством и влиянием, она ухватывается за сменные цехпарт'ячейки, как за наилучшую для этого организационную форму. Вот, например, корреспонденция тов. Г. из Краснодара—«За сменные ячейки» («Правда» от 13/VII—28 г.), заметка тов. А. Д. «На семичасовых фабриках» из Владимирской губ. («Правда» от 3/VII—28 г.), заметка тов. Войтенко из Баку—«Пора сделать решительный перелом» («Правда» от 3/VII—28 г.). Вот, наконец, статья тов. П. Бродской «О сменных ячейках» («Спутник Коммуниста» № 12), описывающая прекрасный опыт работы сменных цехпарт'ячеек на фабрике «Красное Знамя» в Раменском. Все это—голоса товарищей местных работников, которые, исходя из определенного конкретного опыта своей фабрики или группы фабрик, пришли к определенному выводу, что прежние формы работы—в том числе и цеховые парт'ячейки (не сменные), уже не являются при настоящих условиях наиболее гибкой, удачной и приспособленной формой организационного охвата широких слоев рабочего класса партийным руководством и влиянием, не удовлетворяя более требованиям жизни; приводят целый ряд соответствующих доводов и доказательств из собственной практики, считая, что только с переходом на систему сменных цехпарт'ячеек партийная работа на сменных предприятиях может быть поставлена наиболее рационально и правильно. И, наоборот, характерно то обстоятельство, что в то время, когда мы имеем ряд свидетельств о положительном результате работы сменных цеховых парт'ячеек, мне лично пока неизвестно ни одной заметки или статьи, где бы, наоборот, на основании конкретного опыта работы в том или ином предприятии пришли к выводу, что сменные цехпарт'ячейки себя не оправдали, дают те или иные отрицательные результаты и что нужно, стало быть, возвращаться к старым формам работы. Так отвечает жизнь и проверка практикой на чрезмерно преувеличенные опасения некоторых товарищей, в том числе и т. Колокольцевой, которые не учитывают всей важности организационных форм работы, относятся к ним пренебрежительно, по-хвостистски, стараясь работать в рамках уже привычной, обжитой орга-

---

[1]) Статья дискуссионная.

низационной формы, вопреки тому и несмотря на то, что при новых условиях работы, при переходе предприятий на двух- трехсменную работу, старая форма—цеховые парт'ячейки (не сменные) — уже дает осечку и не дает возможности достаточно полного и всестороннего охвата партийным влиянием и руководством широких слоев работающих сменно рабочих; не понимая, что новые условия работы требуют непременно и соответствующих новых форм и методов работы и что цехпарт'ячейки даже при проведении внутри их известной реорганизации (по рецепту т. Колокольцевой) не могут и не смогут так правильно, широко и глубоко охватить всю работу, хотя бы по вопросу о росте партии, о рационализации, о выдвиженчестве, о борьбе с непорядками в производстве и т. д. и т. п., как это может сделать более близко соприкасающаяся со сменным рабочим сменная цехпарт'ячейка. Проверка жизни—наилучшая проверка, это, однако, не избавляет меня от необходимости подробнейшего анализа как всей аргументации т. Колокольцевой против перехода на систему сменных цехпарт'ячеек, так и тех мероприятий, которые ею выдвигаются взамен перехода на эту систему.

Мне придется коснуться и тех возражений против перехода на сменные цехпарт'ячейки, которые мимоходом выставлены в статье т. Б. Энтиной—«Очередные вопросы работы в цеху» («Спутник Коммуниста» № 8).

Сущность возражений тов. Колокольцевой против перехода на систему сменных цеховых парт'ячеек можно свести к следующим трем основным положениям:

1) Необходимость замены цех'ячеек сменными ячейками фигурирующими пока доводами не доказана.

2) Переход на систему сменных ячеек означает дробление партийного руководства в цеху. И, наконец, третье ее положение — обслуживание сменных предприятий легче разрешается не путем организации сменных цеховых парт'ячеек, а путем соответствующей реорганизации работы уже существующих цех'ячеек (не сменных), путем устройства ими собраний по сменам, путем соответствующей расстаиовки цехового партийного актива.

Возражения же т. Энтиной сформулированы ею в следующих строках: «Организация сменных цех'ячеек приведет к параллелизму в работе, распылению сил, а главное, создаст большую трудность в руководстве хозяйственной жизнью цеха. Три бюро партийных цех'ячеек, три цехпрофбюро, три производственных комиссии будут руководить одним и тем же мастером. Кроме заседательской суетни, ничего не выйдет». (Цитирую из статьи т. Энтиной—«Очередные вопросы работы в цеху», «Спутник Коммуниста» № 8, *И. Д.*). Перехожу к анализу всех этих возражений.

Почему старые цех'ячейки сейчас нас уже не удовлетворяют? Потому, что с переходом предприятия на работу двумя или тремя сменами, работающими в разное время, цех'ячейка (не сменная), поскольку она об'единяет несколько смен, не обеспечивает и не может обеспечить достаточно полного, близкого и гибкого партруководства сменными рабочими. Цех'ячейки, которые были организованы для того, чтобы **непосредственно** соприкасаться с самой гущей широких рабочих масс, при переходе на сменную работу, об'единяя в одной ячейке 2 или 3 смены, в силу разновременности работы разных смен этот непосредственный контакт теряют; бюро цеховой ячейки и ее секретарь уже непосредственно каждую отдельную смену обслужить не могут; контакт со сменой устанавливается уже **посредственный** — через институт группоргов, через **отдельных** членов бюро.

Не ясно ли, что при таких условиях партийцы смены с цеховым бюро в целом не соприкасаются, своего цехового бюро, как такового, не знают, не чувствуют, своего цехового секретаря зачастую не видят.

Не получается ли при таких условиях известный отрыв цехового бюро от партийцев смены?

Не отражается ли это на работе?

Обеспечивается ли при таких условиях достаточно полное и правильное партийное руководство и влияние в смене? Стоит только поставить эти вопросы, чтобы ответить на них определенно отрицательно. Охват и партийной и беспартийной части рабочих смены получается неполный.

Цеховая парт'ячейка в условиях сменной работы уже не является достаточно гибким инстументом в руках партии для наиболее полного охвата масс.

«Охват партийцев и партработы в смене часто неполный, сплошь и рядом группорги смен не могут найти секретаря цех'ячейки, так как работают они в **разных** сменах: получается некоторый отрыв цехового секретаря, цехового бюро ячейки от рядовых партийцев смены, и это отражается на всей работе. **От ориентации на цех нужно переходить к ориентации на смену, от цех'ячеек—к созданию сменных цех'ячеек.** Таково настоятельное требование жизни». Так писал я в своей статье.

Что может мне возразить т. Колокольцева?

Ничего, кроме голого утверждения, что моя аргументация голословна, и совершенно уже курьезного желания приписать мне противопоставление между работой в цеху и работой в смене. Но, ведь, именно наиболее полный охват во всех областях работы партийной и беспартийной части смены сменной цеховой парт'ячейкой тем самым подымет на должную высоту и работу в цеху и на всем предприятии. Это же само собой разумеется, поскольку смена является частью цеха и всего предприятия в целом. Верно ли, однако, что моя аргументация голословна? Приведем некоторые данные из уже опубликованных и названных мною выше материалов. Вот, к примеру, цех'ячейка Гидрозавода в Краснодаре, об'единяющая работу нескольких смен. «**Она не имеет возможности собрать даже всех членов бюро ячейки, так как они работают по разным сменам.** Секретарь ячейки связан только с рабочими и партийными массами той смены, в которой он работает, а с остальными только в выходные дни» («Правда» от 13/VII—28 г., курсив мой. *И. Д.*). И в Баку на фабрике им. Ленина «**ячейки в основном охватывали партийцев только дневной смены.** И только в апреле громоздкие цеховые ячейки были разбиты на сменный ячейки». Там же в Баку «партколлектив 2-й группы нефтеперегонных заводов, в состав которой входит 6 нефтеперегонных заводов с рядом подсобных предприятий, также обслуживал одну только дневную смену.

Отчеты и выводы партколлектива и цеховых ячеек производились только на дневных собраниях, на которых присутствовали партийцы дневной смены, частично вечерней и совсем не было партийцев ночной смены». Подобное же явление наблюдалось там же на стекольном заводе, где «отчеты и перевыборы бюро были проведены на об'единенном собрании двух смен, **третья же смена осталась совершенно не обслуженной**». (Заметка т. Войтенко «Правда» от 3/VII—28 г., курсив мой. *И. Д.*). Полагаю, что указанных примеров вполне достаточно, чтобы отмести всякую возможность обвинять меня в голословности моих утверждений. Цех'ячейки имели свои большие заслуги в деле создания новых кадров партактива и как политический центр в цеху; цех'ячейки и в настоящее время могут с полным успехом работать в несменных предприятиях, но на сменных предприятиях цех'ячейки должны быть реорганизованы по сменному принципу, должны быть преобразованы в сменные цехпарт'ячейки.

При переходе на систему сменных цехпарт'ячеек снова устанавливается **непосредственный** контакт между рядовиком-партийцем

и бюро сменной цехпарт'ячейки, между рядовиком-партийцем смен и сменным цехсекретарем.

Само собой понятно, что эта непосредственная близость сменного бюро и сменного цехсекретаря как к партийной, так и к беспартийной части смены делает партийное руководство более гибким, охват партийным влиянием более полным и плодотворным, и несомненно, что это должно получить свое отражение во всех областях работы, и в первую голову именно в тех, где непосредственная близость к рабочему особенно важна—в деле партийного воспитания, в деле вовлечения в партию новых слоев рабочего актива, в деле создания новых кадров партактива.

Чтобы т. Колокольцева не могла и здесь обвинять меня в голословности, укажу лишь на некоторые результаты работы сменных цеховых парт'ячеек на ф-ке «Красное Знамя» в Раменском.

«Сменные цеховые ячейки способствуют росту ячейки. Когда все смены об'единены в одной цеховой ячейке, самую большую трудность составляет созыв партийного собрания, так как собрания приходится созывать вне помещения фабрики, что связано с правом проникновения на фабрику в нерабочее время. Посещение беспартийными открытых партийных собраний затруднялось. Опыт созыва собраний при красных уголках в казармах также себя не оправдал, так как по корпусам распределение жильцов происходит, ведь, не по цеховому принципу.

Совершенно иное при сменных ячейках. Они имеют возможность собираться тут же после работы в помещении фабрики. Посещаемость партийцев в третьей смене ткацкой фабрики—100%. Беспартийный актив участвует в прениях, вносит деловые предложения и в один голос заявляет—«вот теперь мы чувствуем цеховую ячейку»... «цеховая сменная ячейка стала ближе к беспартийной массе, вовлекая лучших из них в практическую работу. Сейчас еще трудно подсчитать результаты роста партии, но в каждой цеховой ячейке за месяц уже имеется не менее пяти заявлений о вступлении в партию»... (Цитирую по статье тов. П. Бродской в № 12 «Спутника Коммуниста». Курсив мой. *И. Д.*). Таким образом, живая действительность целиком и полностью оправдала и оправдывает мою аргументацию за сменные цех'ячейки—на конкретном опыте работы сменных цех'ячеек мы имеем и общее оживление работы, и рост посещаемости собраний, рост партийного влияния в смене, большую близость ячейки к беспартийной массе и рост партии за счет беспартийного актива. Говоря об оживлении всей внутрипартийной работы в связи с переходом на систему сменных цеховых парт'ячеек, я, между прочим, писал: «Работая по индивидуальной обработке беспартийного актива и вообще беспартийных рабочих, рядовики-партийцы смены будут сталкиваться с целым рядом вопросов и сомнений, на которые они зачастую самостоятельно не в состоянии дать нужного ответа; это заставит их и самих думать и обращаться за помощью к книге, членам сменного цехбюро, секретарю сменной цехячейки, отдельным более развитым товарищам. Все это создаст большие предпосылки к оживлению всей внутрипартийной работы, повышению темпа и углубленности проработки во всей системе партпросвещения и созданию новых кадров партактива».

Эта вполне верная мысль дает повод т. Колокольцевой к следующему ироническому замечанию:

«Конечно. И все это так и есть: недоуменные вопросы, и самостоятельное мышление, и обращение к книге и к более подготовленным товарищам, в том числе и членам бюро (хотя и несменного), только при чем тут организация сменных цеховых ячеек?»

Тов. Колокольцевой это понять мудрено — она не видит большей близости сменных цехпарт'ячеек к массам, роста активности партийцев смены под непосредственным руководством и контролем сменного цехового бюро ячейки, для нее неясно, что индивидуальная обработка сменных рабочих на деле требует постоянного бдительного, неусыпного контроля за этим делом со стороны партийного бюро; такой контроль может обеспечить только сменное бюро, сменный цехсекретарь, работающие тут же в смене, известные и постоянно доступные всем рабочим смены.

Перехожу к разбору выставляемых против перехода на систему сменных цехпарт'ячеек возражений.

Так называемые «минусы» сменных цехпарт'ячеек:

Итак, доказано, что цеховые парт'ячейки (несменные) в условиях сменной работы являются уже недостаточно удовлетворяющей организационной формой низовой парт'ячейки.

Доказано, что сменная цеховая ячейка в условиях сменной работы является куда более гибкой формой, может значительно ближе продвинуться к сменному рабочему, глубже и полнее охватить его интересы. Но не таит ли, однако, в себе новая форма низовой партийной ячейки—сменные цех'ячейки—таких минусов, которые на много превышают все ее плюсы, все ее достоинства, все те достижения, которых при помощи этих сменных ячеек мы можем достигнуть? Может быть, вместе с кое-какими преимуществами в работе переход на систему сменных цехпарт'ячеек сулит нам и такие трудности, такие опасности, такой вред, который заставит нас отказаться от этого перехода, каким бы соблазнительным он нам на первых порах ни показался.

Тов. Колокольцева утверждает, что это именно так. «Ячейка, как таковая, как партийная организация, должна быть одна в цеху, а не две—три в одном цеху. Бюро ячейки должно быть одно».

И дальше—«какую бы отрасль цеховой работы мы ни взяли, будь то работа с активом, вовлечение в партию или из области производства, трудовой дисциплины и рационализации,—все эти задачи совершенно одинаковы для цеха.

Разбивать руководство между тремя ячейками безусловно означает внесение путаницы, бесполезную трату времени на бесконечные согласования между ячейками и перенесение споров в общефабричную ячейку. Последнее в конечном счете приведет к урезке самодеятельности цех'ячеек и к обратной передаче к общезаводскую ячейку части их работы. В этом я вижу вред организации сменных ячеек». Так пишет т. Колокольцева. По ее мнению, оказывается, что сменным цех'ячейкам и делать вовсе нечего, так как все вопросы стоят для всего цеха совершенно одинаково, что с организацией сменных цех'ячеек теряется единое партруководство, получается путаница и непроизводительная трата времени и узурпация общефабричной ячейкой части прав цеховых ячеек.

Обвинения серьезны, все дело в том только, насколько они справедливы и основательны.

Ведь вся аргументация за сменные цех'ячейки основывается отнюдь не на том, что виды работы у сменных цех'ячеек будто бы разные, хотя несомненно, что у отдельных смен могут быть и в вопросах, связанных с ростом партии (более отсталые, менее квалифицированные рабочие в той или иной смене), и в вопросах трудовой дисциплины, и даже иногда в вопросах рационализации(свой сменный мастер) и т. д., и т. п. некоторые свои особенности, которые у других смен могут отсутствовать.

Для подтверждения этой мысли — маленький пример из Баку: «Несколько иная картина в отделе бурения. Здесь работают в три смены понедельно и разбросаны по буровым партиям. Здесь есть своя налаженная система общих собраний, заседаний и т. д....

Но обычно на этих собраниях обсуждаются одни и те же вопросы. Это нужно изменить: у отдельных буровых партий есть свои практические вопросы». (Заметка т. Н. С. из Баку «Невыполненная задача» «Правда» от 13/VII—28 г.).

У отдельных смен могут быть и свои особые специфические вопросы и одни и те же вопросы могут стоять по разному у разных смен, но не это самое важное и не в этом гвоздь вопроса. Важно и другое, а именно то, что партийцы смены и сама смена представляют собой единый, об'единенный общностью интересов и одновременностью работы коллектив и требуют поэтому близкого и единого партруководства.

Некоторая текучесть смены, хотя и представляет известные трудности в работе, но отнюдь не лишает смены присущего ей характера единого и сплоченного коллектива. А поскольку каждая смена представляет собой особый, самостоятельный коллектив со своей особой физиономией и тем самым низовую производственную единицу, постольку наше партийное влияние и руководство должны быть перенесены именно сюда; сюда должны быть перенесена низовая партийная ячейка, и, стало быть, цехпарт'ячейка (несменная), об'единяющая несколько смен, должна быть реорганизована в более гибкие и поворотливые формы сменных цеховых ячеек.

Единство партруководства от этого ничуть не пострадает. В самом деле, единство партруководства могло бы пострадать лишь в том случае, если бы мы имели два или несколько руководящих органов в одном и том же коллективе, но в том-то и дело, что мы в цеху, поскольку он работает сменно, имеем не один коллектив, а несколько отдельных (по числу смен) коллективов, хотя и связанных работой в одном цеху, но разделенных разновременностью работы. При таких условиях раздробление цехпарт'ячейки на 2 или 3 сменных ячейки представляет собой не нарушение единства партруководства, а его приближение, его внедрение в самую гущу рабочей массы. Реорганизация цех'ячеек в сменные ячейки так же не нарушает единства партруководства, как в свое время и создание самих цех'ячеек внутри единой общефабричной ячейки этого единства не нарушало.

Ведь, в конце концов, и сам цех, представляя собой определенный коллектив, имеющий свои специфические интересы, является вместе с тем и частью общефабричного коллектива. Постольку и прежние цехпарт'ячейки (несменные), кроме специфических вопросов своего цеха, должны были ставить, обсуждать и разрешать на своих цеховых партсобраниях и ряд таких вопросов, которые были общи всем цехам.

Нарушалось ли этим хоть сколько-нибудь единство партруководства? Ничуть.

Получался лишь более полный охват массы, большая ее активность. Хотя вместе с тем теоретически нисколько нельзя отрицать возможности и такого случая, что при обсуждении и разрешении таких вопросов отдельные цех'ячейки могли бы вынести и противоречивые решения. Единство партруководства получалось при этом и вследствие об'единения, руководства и направления работы цеховых ячеек со стороны общезаводской ячейки, и вследствие единства общепартийной линии, одинаково обязательного для всех ячеек руководства со стороны вышестоящих парторганов; единство партруководства обеспечивалось и всей системой построения нашего партийного аппарата.

Ничуть не иначе стоит вопрос и со сменными цеховыми парт'ячейками.

Может ли случиться, чтобы 2 или 3 сменных ячейки одного и того же цеха вынесли противоречивые решения по вопросам, касающимся всего цеха в целом?

Поскольку интересы данных смен одинаковы, поскольку сменные цехпарт'ячейки обеспечены одним и тем же руководством со стороны общезаводской ячейки и поскольку общепартийные директивы одинаково обязательны для всех ячеек, такая возможность на практике чрезвычайно ничтожна.

С другой стороны, опасность таких расхождений отдельных сменных ячеек весьма мала, поскольку все наиболее важные принципиальные решения цеховых ячеек должны утверждаться общезаводской ячейкой.

В третьих, иногда такое разноречие между двумя сменными цех'ячейками свидетельствовало бы лишь о том, что вопрос спорный, трудный, недостаточно подготовленный и что разногласия показывают необходимость лишь лучшей проработки данного вопроса. По-моему, такое разногласие иногда бывает полезнее, чем формальное решение большинством голосов, если вопрос смазан и значительное меньшинство—до половины (смена)— остается недовольно решением.

В практике работы сменных цехпарт'ячеек особых нареканий на разногласие между сменными цех'ячейками слышать не приходилось, и опасения здесь явно преувеличены.

Тов. Колокольцева пишет: «известен случай вынесения двумя пробными ячейками одного цеха противоположных решений по докладу той же самой комсомольской ячейки» (курсив мой. *И. Д.*). И на основании этого единственного случая, неизвестно где и при каких условиях происшедшего, она аргументирует против перехода на систему сменных ячеек...

Тяжелая, с позволения сказать, артиллерия!

Нельзя не отметить у тов. Колокольцевой и известного желания смазать роль общезаводской (общефабричной) ячейки,—несомненно, общее руководство, направление, инструктаж и контроль за сменными цех'ячейками должны оставаться полностью за общефабричной ячейкой. Непосредственная партийная работа передвинута в смену; втянуть в работу новый слой партийного актива, доселе к руководящей партработе еще не привлекавшийся (члены сменных бюро ячеек, сменные цехсекретари), тем важнее обеспечить правильное инструктирование, руководство и систематическую проверку работы молодых сменных цеховых парт'ячеек.

В первую голову, это—задача общезаводской ячейки.

Ответственность общефабричной ячейки, как таковой, настолько усиливается, что можно нисколько не опасаться, что она в чем-либо узурпирует права сменных цеховых ячеек. Нет никаких оснований опасаться этого. Перехожу к другим возражениям против сменных ячеек: тов. Энтина боится заседательской суетни и параллелизма в работе. Вещи это, безусловно, вредные, однакож как в том, так и в другом смертном грехе сменные ячейки абсолютно не повинны.

Что такое заседательская суетня? Под заседательской суетней принято понимать, когда одни и те же люди участвуют в десятках разных заседаний, комиссий, подкомиссий, вертятся, как белка в колесе, не имея возможности тем самым ни на одном заседании принести ощутительную пользу. Ясно, что, кроме вреда, такие заседания ничего не приносят.

Другое дело—реорганизация цеховых ячеек, когда вместо одной цеховой, об'единяющей 2—3 смены, ячейки создаются 2—3 сменных ячейки.

Здесь мы имеем выращивание нового партийного актива, привлечение новых слоев партийцев к руководящей партийной работе, более глубокое проникновение партийного влияния в массы. Это ли не наша задача? Нет здесь и никакого параллелизма, так как сменные цех'ячейки обсуждают и разрешают лишь те вопросы, которые волнуют и интересуют партийную и беспартийную часть смены, вопросы, которые при обсуждении их в сменной ячейке дают возможность рабочим более детально и глубоко охватить вопрос, лучше выявить свои мнения и настороения, чем если бы они разбирались на более широком собрании. Параллелизм же в работе получается, когда вопросы, подлежащие компетенции одной определенной организации, подвергаются обсуждению и разрешению в организациях, в чьи задачи по существу это и не выходит. В том, что 2 или 3 сменных цехпарт'ячейки обсуждают и разрешают один и тот же вопрос, например, о поднятии производительности труда в цеху, так же нет никакого параллелизма, как и в том факте примерно, что все партийные ячейки одинаково и дружно прорабатывают решения июльского пленума ЦК о хлебозаготовках.

При этом не следует ни в коем случае забывать и того, что у сменной цех'ячейки, кроме общецеховых вопросов, имеется и целый ряд совершенно особых задач, как-то: руководство массовой работой в смене, постановка в смене индивидуальной обработки беспартийного актива, работа с отсталыми рабочими, руководство группоргами и товарищами, работающими по индивидуальной обработке в смене, задача роста партии за счет беспартийного актива смены, руководство сменной комсомольской ячейкой, сменным цехпрофбюро, сменным производственным совещанием, вопрос о поднятии производственной дисциплины в смене, заслушивание отчетов соответствующих звеньев общефабричной администрации (например, сменных мастеров) и т. д., и т. п.

Что же нам предлагают взамен сменных ячеек?

Может быть, тех же и еще лучших результатов можно достигнуть без такой радикальной ломки существующих форм партийной низовки (цехпарт'ячейки несменной) путем лишь известной небольшой реорганизации внутри нее?

Может быть, не стоит огород городить и насаждать сменные цехпарт'ячейки, и те же результаты можно получить куда более легким и простым путем?

Так именно и рассуждает автор статьи «Нужны ли сменные цеховые ячейки».

«Основное же условие для улучшения воспитательной и индивидуальной работы цех'ячейки среди беспартийных заключается,—пишет тов. Колокольцева,—не в том, чтобы создать 2—3 ячейки в одном цеху, а в том, чтобы цеховая ячейка правильно расставила свой актив, и, вообще, своих членов в отделах, этажах и сменах цеха и чтобы руководила их работой и проверяла их». (Разр. моя. *И. Д.*). И дальше, «по сменам надо организовать те формы партийной и массовой работы, через которые обслуживаются широкие слои или все поголовно коммунисты и рабочие на предприятии. Нужно обязательно проводить по сменам все собрания рабочих, производственные совещания в цехах и в масштабе всего завода или фабрики, делегатские собрания по профлинии и по женотделу, широкие совещания актива, комсомольские собрания, курсы и кружки и партийные собрания как цеховые, так и общефабричные, общезаводские. Но ячейка, как таковая, должна быть одна в цеху». (Цитирую из статьи Колокольцевой. Разрядка моя. *И. Д.*). Таким образом, и тов. Колокольцева понимает всю необходимость сменных цеховых собраний—партийных, комсомольских, по профлинии и по линии женотдела, — понимает и необходимость сменных производственных совещаний, но считает, что все это сможет обслужить все та же цеховая парт'ячейка (несменная) при соответствующей расстановке ее сил—по отделам, этажам и сменам. Но ведь при таких условиях при существовании одной только цеховой парт'ячейки (несменной) собрание третьей смены будет абсолютно бесцельным, так как вопросы будут уже заранее предрешены состоявшимися прежде собраниями двух остальных смен, как это вполне правильно и отмечает тов. А. Д. в заметке «На семичасовых фабриках»: «создалось положение, когда партсобрание 3-ей смены вынуждено обсуждать уже решенный 2-мя сменами вопрос. Так как решение большинства ячейки (2-х смен) для 3-ей смены обязательно, то это, конечно, не способствует активности 3-ей смены. Выход — в организации сменных ячеек». (Цитирую по заметке т. А. Д. Разр. моя. *И. Д.*).

Совершенно ясно и то, что, если на одну и ту же цехпарт'ячейку возложить руководство тремя сменными производственными совещаниями, происходящими в разное время, руководство и систематическую проверку группоргов и товарищей, работающих по индивидуальной обработке в трех разных сменах, проведение собраний по сменам и в разное время и целый ряд других задач и вопросов, которые ставятся иначе в каждой смене, то получится такая загрузка, с которой бюро цеховой парт'ячейки справиться не может, а если и попытается это делать, то лишь за счет ослабления партруководства, неполного охвата работы, за счет качества работы, за счет отдаления партруководства от обслуживаемых им масс. К таким цехпарт'ячейкам вполне уместен был бы упрек в громоздкости, который им делает тов. Войтенко в уже цитированной мною заметке «Пора сделать решительный перелом».

Цехпарт'ячейки (несменные) систематического руководства и наблюдения над всей партийной и массовой работой в трех сменах поставить не могут.

Дело ведь не в одном только проведении время от времени разовых собраний, а в повседневном и в повсечасном наблюдении и руководстве над всей вообще работой в смене.

Передоверие этого руководства отдельному члену бюро не заменяет, ведь, собой руководство самого бюро, которое отсутствует; связь партийцев смены с цеховой ячейкой чрезвычайно ослабляется, а сменные рабочие при таких порядках свою цеховую парт'ячейку (как таковую) почти не чувствуют, или чувствуют слабо. И только реорганизация цеховых парт'ячеек в сменные действительно переносит партруководство в смену, делая его близким, систематическим и действенным; лишь при такой реорганизации сменные рабочие вполне справедливо могут заявить—«вот теперь мы чувствуем цеховую ячейку!» Ошибка тов. Колокольцевой заключается в том, что она не понимает тесной, органической связи между содержанием и формой, в которую это содержание выливается, полагая, что коренным образом изменившемуся содержанию может соответствовать старая организационная форма. Меж тем организационная форма не есть нечто случайное, что может соответствовать любому содержанию, а органически с этим содержанием должна срастись. Каждым условиям работы, каждому содержанию соответствует только одна определенная, к нему приноровленная организационная форма. При изменившихся условиях работы меняется и старая форма, рамки которой становятся уже стеснительными для нового содержания работы. Попытки новые условия работы, создавшиеся с переходом на сменную работу, втиснуть в старые организационные формы цех'ячеек заранее обречены на неудачу, ибо как бы мы правильно ни расставили в ней парт-

актив, мы никуда не уйдем от основного дефекта, что одна ячейка об'единяет три разновременно работающие смены.

Наоборот, в условиях работы сменной цехпарт'ячейки эта правильная расстановка партактива и ряд других хороших мер, предложенных тов. Колокольцевой, как, например, увеличение количества группоргов и группагитаторов в смене, усиление руководства сменными цехпарт'ячейками со стороны общефабричной ячейки, со стороны райкомов и укомов даст требуемый положительный эффект.

Сменные цехпарт'ячейки не являются вовсе панацеей, каковое утверждение приписывает мне напрасно тов. Колокольцева: при плохой постановке работы, при неправильном руководстве результаты и их работы могут быть и будут отрицательными,— это несомненно. Несомненно, однако, и то, что при правильно поставленном руководстве со стороны общефабричной ячейки и вышестоящих парторганов сменные цехпарт'ячейки являются именно той организационной формой, которая может удачно и с большими результатами справиться с той большой усложненностью в работе, которая создается условиями сменной работы; является той формой, которая сулит нам в будущем огромные достижения.

Вопрос о сменных цеховых парт'ячейках еще не раз будет обсуждаться в нашей периодической печати,—это ясно, но уже не в плоскости обсуждения — нужны ли или нет сменные ячейки, — этот вопрос уже решен жизнью и решен положительно,—а в плоскости того, каким образом наилучшим путем наладить в них работу, чтобы получить наибольший эффект, как устранить возникающие в их работе трудности, каковы предварительные итоги их работы и т. п.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

„ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК" VI и VII. Под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, И. И. Скворцова-Степанова. Изд. Института Ленина при ЦК ВКП(б). Стр. 360; 397.

«Гвоздем» рецензируемых томов «Ленинского Сборника» является большая серия документов «Из эпохи раскола РСДРП» (1903—04 гг.).

В шестом сборнике помещены две первые главы из намеченного Институтом плана: «Второй с'езд РСДРП» (июль—август 1903 г.) и «Первые итоги второго с'езда и переговоры новой редакции «Искры» с мартовцами» (конец августа и начало октября 1903 г.).

В седьмом помещены следующие две главы из эпохи развития раскола: борьба между большинством и меньшинством за обладание заграничной лигой (октябрь 1903 г.) и поворот Плеханова к меньшевикам.

Освещению следующих стадий раскола и борьбы за укрепление и развитие большевизма (с декабря 1903 г. по декабрь 1904 г.) будут посвящены новые четыре главы в очередных томах «Ленинского Сборника».

Этот основной материал в сборниках для разнообразия втиснут в оправу самых различных документов; в шестом сборнике помещены статья Ленина (ноябрь 1915 г.) «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение» и замечания Ленина на брошюру Л. Троцкого «Роль и задачи профессиональных союзов», в седьмом: три статьи Ленина 1899 г.; статьи и письма 1917 г. (апрель—октябрь), а также замечания Ленина на книгу Варги.

Едва ли можно считать такой способ расположения материала очень удобным для научной работы тт. над идейным наследством Ленина. Пожалуй, было бы более целесообразно продолжить очень хороший опыт Института с V томом, где были тщательно и полно подобраны материалы, относящиеся к одному периоду (революция 1905 г.). Все же, что требует немедленного опубликования, могло бы печататься в «Записках Института», поскольку таковые еще до сих пор не стали исследовательским журналом по вопросам ленинизма.

Документы, связанные с эпохой раскола РСДРП, представляют весьма значительную ценность.

Идейно-политическое содержание и смысл раскола достаточно выяснены. Двадцать пять лет истории потрудились над уяснением смысла раскола и его значения не только в истории русского, но и в истории международного революционного рабочего движения.

Смешными кажутся сейчас об'яснения, которые давались по горячим следам раскола многими его современниками, что раскол лишь «случайный» эпизод и носит «личный» характер.

Но тем больший интерес в свете событий последующего развития российской с.-д. представляет подробный анализ истории и внутренней механики раскола, подробное ознакомление с позицией Ленина, вставшего на защиту молодой еще партийности и подлинного марксизма против организационного оппортунизма, привыкшего к «свободному халату и туфлям семейно-кружковой обломовщины», оппортунизма, руководимого тогдашними «звездами» русского и международного рабочего движения.

Ленин в своих «Шагах» отмечает ту характерную черту эпохи раскола, когда благодаря слабости оппортунизма, тенденции к нарушению дис-

циплины породили мало идей и много патетических деклараций, склоки, дрязг, придирок и специфически оппортунистического иезуитства, неуловимости, зигзагообразности, бегущей от определенной и бесповоротной постановки вопроса.

В шестом сборнике приведен характернейший образчик «зигзагообразности» Мартова. Это небольшие тезисы Ленина, написанные сразу после с'езда и представляющие как бы резюме политической линии Мартова на II с'езде РСДРП.

«1. Разбивал организационный комитет за его шатания и скачки, за quasi-искровство (якобы-искровство. *В. К.*), а потом вводил шатающихся и quasi-искровцев в ЦК.

2. Защищал всегда организационные идеи «Искры» («Что делать») и провел жоресистский пункт устава.

3. Соглашался на обновление редакции путем тройки, а потом боролся на с'езде за шестерку quand-même (во что бы то ни стало. *В. К*).

4. Боролся против так называемого «демократизма» — и отстаивал «свободу» при кооптации в центры».

«С одной стороны, нельзя не сознаться, с другой—нельзя не признаться» Нужен был гений Ленина, чтобы в туманной обстановке разногласий 1903 г., в пыли свалки за «кооптацию» увидеть будущие контуры борьбы двух партий. Материалы «Ленинских Сборников» в соединении со всем тем, что уже опубликовано, дают большое полотно, в которой уже ставшая популярной схема раскола приобретает вид живой, захватывающей, драматической картины борьбы за партию. Встает во весь рост фигура вождя этой борьбы, неуклонно противопоставляющего ясность, принципиальность и выдержанность ортодоксальной позиции оппортунистической дрязге и неопределенности, дисциплину и деловитость—барскому анархизму и «глубокомыслию», возводящему в принцип кружковое самодурство, кружковые капризы и кружковые приемы свалки.

Ленин отлично понимал в отличие от меньшевиков, что не резкости и не остроты создали конфликт на с'езде и после него, но что сами эти резкости и остроты явились показателем зревших внутри политической группировки крупных разногласий. Ленин всемерно старался очистить борьбу от элементов личных дрязг, нареканий, перевести ее в русло принципиальной борьбы оттенков.

В письме Калмыковой от 30/IX—1903 г. Ленин пишет: «Вы знаете, до чего доводила впечатлительность и «личное» (вместо политического) отношение к делу Мартова—Старовера—Засулич, когда они, например, совсем было засудили человека политически за историю чисто личного свойства... Вот и теперь—корень тот же, то же смешение личного и политического, то же заподазривание нас в желании запятнать лично, хотя мы только отодвигаем (и передвигаем) политически. И когда вы мне напоминаете, вина должна быть и у вас,—я отвечаю: личной не думаю и отрицать, но корректива политического требовать за сие не доводится. Именно в том и безвыходность, полная безвыходность положения, что за сумму личных обид, личных недовольств составом центров они требуют корректива политического! А если причиной считать (как иные хотят) политическое расхождение, то не смешно ли тогда требовать для «мира» кооптации большего числа или хотя равного числа политических противников».

«Теперь дилемма стоит неумолимо, либо расхождение в вопросе о лицах—тогда смешно из-за этого политический скандал делать и работу бросать, либо расхождение политическое—тогда еще более смешно «поправлять» его навязыванием определенных лиц иного, скажем, нюанса».

Ленин все более склонялся к тому, что здесь—коренное политическое расхождение. Дальнейшая борьба вскрыла это полностью и целиком.

Документы «Ленинских Сборников» шаг за шагом освещают эту борьбу, которая, как впоследствии писал Ленин, прошла три различных периода, каждый из которых характеризуется своеобразной кон'юнктурой борьбы и различной целью атаки. «Исходный пункт идейной борьбы из-за параграфа I устава,—писал Ленин, убеждая маловеров, что не только овес растет по Гегелю, но социал-демократы воюют между собой по Гегелю,—«отрицается», уступая место все заполняющей дрязге, но затем начинается отрицание отрицания, и, «ужившись» кое-как, с грехом пополам в различных центрах, мы возвращаемся к исходному пункту чисто идейной борьбы, но уже этот тезис обогащен всеми результатами антитезиса и превратился в высший синтез, когда изолированная, случайная ошибка по § 1 выросла в систему оппортунистических взглядов по организационному вопросу».

* * *

Из других работ Ленина, помещенных в рецензируемых томах, нужно выделить статью Ленина «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение» (№ 6), написанную в конце 1915 г. для швейцарской с.-д. газеты и направленную против статьи Парабеллума (К. Радека), а также в № 7 замечания на книгу тов. Варги «Проблемы экономической политики при диктатуре пролетариата», вышедшую на немецком языке в конце 1920 г. и переведенную Госиздатом в 1922 г. Эти работы, пожалуй, наиболее интересны, и на них мы более всего остановимся. Статья против К. Радека—образец диалектического подхода к вопросу. К. Радек об'являл «иллюзорной» борьбу за несуществующее право на самоопределение и противопоставлял ей «революционную массовую борьбу пролетариата против капитализма».

Радек мотивировал свою постановку тем, что теперь все национальные вопросы суть вопросы империализма, что капитал перерос рамки национальных государств. Он утверждал, что «нельзя повернуть колесо истории назад» и т. д.

Собственно эту же ошибку К. Радек повторил и впоследствии в вопросе о китайской революции. Рассуждения Радека на эту тему не выходили за примитивный уровень общей оппозиционной трактовки вопроса, возвращавшейся, по сути дела, к разбитому марксистской критикой тезису Р. Люксембург о том, что не может быть национально-освободительного движения, как революционно-прогрессивного в эпоху империализма.

Аргументация Ленина в этой статье дана во всей ее силе и убедительности. Ленин прежде всего доказывает, что Радек «смотрит назад, а не вперед, когда, идя в поход против принятия рабочим классом «идеала национального государства», обращает свои взоры на Англию, Францию, Италию, Германию, т.-е. страны, где национально-освободительное движение лежит в прошлом, а не на Восток, Азию, Африку, колонии, где это движение лежит в настоящем и будущем. Достаточно назвать Индию, Персию, Египет».

Затем Ленин поднимает конкретный вопрос о значении национального вопроса для общего вопроса о диалектическом соотношении борьбы за социализм с борьбой за все демократические требования. Ленин подчеркивает, что «социальная революция не одна битва, а эпоха целого ряда битв по всем и всяческим вопросам экономических и демократических преобразований, завершаемых лишь экспроприацией буржуазии» (разрядка моя. *В. К.*).

«Нелепо противопоставлять,—пишет Ленин,— социалистическую революцию и революционную борьбу против капитализма одному из вопросов демократии, в данном случае национальному. Мы должны соединить

революционную борьбу против капитализма с революционной программой и тактикой по отношению ко всем демократическим требованиям: и республики, и милиции, и выбора чиновников народом, и равноправия (наций) женщин, и самоопределения наций... Вполне мыслимо, что рабочие какой-либо определенной страны свергнут буржуазию до осуществления хотя бы одного коренного демократического требования полностью. Но совершенно немыслимо, чтобы пролетариат, как исторический класс, мог (свергнуть) победить буржуазию, если он не будет подготовлен к этому воспитанием в духе самого последовательного и революционно-решительного демократизма».

Возвращаясь снова к конкретному вопросу о лозунге самоопределения, Ленин подчеркивает, что «в программе с.-д. центральным местом должно быть именно разделение наций на угнетающие и угнетенные, которое составляет суть империализма, и которое лживо обходят социал-шовинисты и Каутский». Ленин утверждал, что если это разделение не имеет значения с точки зрения буржуазного пацифизма или мещанской утопии мирной конкуренции независимых наций при капитализме, то оно имеет глубочайший смысл для революционной борьбы против империализма, и из этого разделения должна вытекать наша последовательная борьба за свободу отделения наций угнетенных.

«Мы требуем свободы самоопределения, т. е. независимости, т. е. свободы отделения угнетенных наций не потому, чтобы мы мечтали о хозяйственном дроблении или об идеале мелких государств, а, наоборот, потому, что мы хотим крупных государств, сближения, даже слияния наций, но на истинно демократической, истинно интернационалистской базе, немыслимой без свободы отделения».

Ленин ставит вопрос со всей решительностью и категоричностью: «тот социалист угнетающей нации, который не ведет и во время мира и во время войны пропаганды свободы отделения угнетенных наций, не социалист и не интернационалист, а шовинист». Это—деловой большевистский лозунг для каждого коммуниста.

* * *

В книге тов. Варги из 45 имеющихся глав внимание Ленина привлекли три: «Проблема чиновничества», «Аграрная политика пролетарского государства» и «Продовольственный вопрос». В этих главах только и имеются его подчеркивания и замечания. В главе о чиновничестве Ленин обращает особое внимание на следующее место, характеризующее одну из основных ошибок венгерской революции: «В Венгрии... диктатура пролетариата явилась не в результате классовой революции, а мирным путем...

... Неудивительно, что при таких обстоятельствах разрушение старого аппарата принуждения было произведено только поверхностно». ... «Тому обстоятельству, что старый бюрократический аппарат не был разрушен нужно приписать то, что реакционному режиму в Венгрии в сравнительно короткий срок удалось восстановить старую систему». Ильич особенно подчеркивает слова «не был разрушен» и ставит свой характерный значок NB.

Опыт неудачной революции целиком подтвердил положение Ленина: «Разбить эту машину, сломать ее—таков действительный интерес «народа», большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование» («Гос. и рев.»).

Весьма интересны замечания Ильича в связи с другой основной крупнейшей ошибкой, обусловившей неудачу венгерской революции,—неверной аграрной политикой венгерского правительства. Пролетарская диктатура и экономически и политически не может считаться упроченной без установления союза с крестьянством. Это—«высший принцип диктатуры», как писал Ленин.

Между тем, именно эта проблема оказалась неразрешимой для многих руководителей венгерской революции.

В решении аграрной проблемы они исходили из того абстрактного положения, что пролетариат несет за собой принцип крупного производства, а не мелкого; из тезиса о вреде укрепления собственности вообще, чисто по-меньшевистски сваливающего в общую кучу собственность феодала, и собственность мелкого и среднего крестьянина, крупнокапиталистическую и собственность мелкого буржуа. Все «просто» и «ясно».

Отсюда они делали такой же «простой» и «ясный» вывод против раздела помещичьих земель в пользование крестьянства. Это-де—укрепление, и потому «увековечивание» мелкой собственности, а мы за крупное социалистическое производство. Из такого подхода к делу, подхода, который, руководил Варгой, когда он писал в своей брошюре, «что в большинстве стран крестьяне будут враждебно настроены к пролетарскому государству» (стр. 371), напрашивается сам собой вывод против раздела помещичьих земель и с точки зрения продовольственной, с точки зрения снабжения пролетариата городов продовольствием. Так как крестьяне настроены враждебно, как мелкие собственники, к тому принципу крупного производства, который написан на знамени революции, то естественно нужно не надеяться на снабжение города хлебом со стороны крестьянства, но, экспроприировав все помещичьи именья, выстроить себе в отдалении от «враждебного» крестьянства «келью под елью» собственного государственного земледелия.

«В Венгрии,—пишет тов. Варга,—половина всей земельной площади, как крупное землевладение, было экспроприировано, и так как, казалось, таким образом обеспечивалось по крайней мере скудное питание городского пролетариата, то в крестьянском вопросе мы могли занять выжидательную позицию».

Ленин подчеркивает слово «выжидательную» волнистой чертой и ставит восклицательный знак.

Тут лежала главная ошибка. Жизнь пошла мимо тщательно разлинованной схемы из тетрадки по геометрии. Венгерские крестьяне—мелкие собственники, не получив земли, видя над собой дамоклов меч ликвидации их владений, соединялись с враждебными пролетариату силами контрреволюции. Из возможной опоры революции они стали ее врагами. Призыв советского правительства к крестьянам дать хлеб остался гласом вопиющего в пустыне. Венгрия—крестьянская страна—осталась без хлеба.

Руководители венгерской революции не поняли, что поддержка мелкого производства, раздел главной части помещичьих земель в пользование мелким и средним крестьянам, при сохранении в руках государства лишь небольшого числа ведущих культурно-экономических с.-х. центров, как это было сделано в русской революции, обеспечило бы поддержку революции со стороны широких крестьянских масс. Опираясь на блок рабочих и крестьян, они могли бы строить не царство крестьянской ограниченности, но все в возрастающей мере крупное социалистическое производство не только в городе, но и в деревне. «Дальновидность» венгерских

политиков, принципиально не выносивших ничего, кроме крупного социалистического хозяйства в деревне, обратилась в худший вид близорукости, не замечающей конкретных путей борьбы за социализм, и наивно путающей результат с самим процессом. Вот почему Ленин в одном из своих замечаний смеется над политической целомудренностью этих планов. «Слишком много цитат из книг, слишком мало внимания к практике» (стр. 365).

Тов. Варга с пафосом говорит об антагонизме между венгерским крепким мужиком и малоземельными. Ленин нетерпеливо прерывает его рассуждения, и так ясные и бесспорные для всех, практическим замечанием: «Что сделали немедленно для них». Это не в бровь, а прямо в глаз!

Автор брошюры, не учитывающий, что коллективизация может быть проведена не против, не в стороне от крестьянства, но лишь на основе прочного союза трудящихся крестьян с рабочим классом, пишет: «Мелким трудовым товариществам должны были бы быть переданы экспроприированные крестьянские имения для коллективной обработки, за натуральную арендную плату».

Ленин подчеркивает это сбоку и пишет: «на ³/₄ вздор». Для тов. Варги времен венгерской революции было бесспорным то положение, что коллективизацию нужно проводить против крестьянства· «нечего и думать о добровольном отказе нынешнего поколения от частной собственности» (361 стр.). Ленин тремя чертами подчеркивает это удивительное место, свидетельствующее о нежелании подумать над тем, каким образом доказать крестьянам выгоды крупного хозяйства перед мелким, какими путями обеспечить наиболее быстрый темп социалистической переделки деревни на основе укрепления союза рабочих и крестьян и на основе роста производительных сил крестьянского хозяйства. Тов. Варга обосновывает свою точку зрения неверной ссылкой на опыт России. Он пишет: «После тяжелых опытов с крестьянами в первые два года существования диктатуры, в России тоже пришли к мысли перенести центр тяжести в вопросе о снабжении городов продуктами продовольствия на вновь образованные крупные имения государственных, кооперативных и сельских коммун». Ильич подчеркивает слова «перенести центр тяжести», чертит квадрат и в нем пишет лапидарную оценку этому абзацу: «вздор!».

Резкость этого замечания тов. Ленина, написанного им в 1920 г., тем более нам понятна, что даже сейчас, после семи лет нэпа, когда мы имеем большие достижения в социалистическом строительстве, мы еще не можем перенести центр тяжести в вопросе о снабжении городов продовольствием на колхозы, совхозы и коммуны, и сейчас еще базой зернового хозяйства остается индивидуальное мелкое и среднее крестьянское хозяйство, которое будет играть еще эту роль значительное время и впредь, хотя мы неуклонно и решительными шагами идем навстречу тому времени, когда это «перенесение центра тяжести» перестанет быть вздором. Это отлично понимал Ленин. «Что это значит, руководить крестьянством,—говорил Ленин, —это значит, во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не мелкого производителя... Если бы мы с этой линии коренной и основной сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами». (Заключительное слово по докладу о продналоге. Разрядка наша. *В. К.*).

Сурово оценивая иллюзии венгерских коммунистов, Ленин тем самым направлял острие своей критики и против аналогичных левых предрассудков в среде русских товарищей, которые (предрассудки) были в ходу на пороге нэпа и к которым в 1928 г. предложил вернуться оппозиционный «экономист» Колесников, предлагавший в своей статье, адресованной в «Большевик», ликвидировать по сути дела нэп, встать в отношении административного нажима к массе крестьянства и все средства бросить на организацию совхозов. В то время как позиция левой фразы вела к разрушению рабоче-крестьянского блока, вела, как об этом свидетельствует опыт венгерской революции, к краху, позиция Ленина вела и ведет к действительной социалистической переделке крестьянского хозяйства. Ведь именно сохранение правильных отношений ведущей социалистической промышленности с мелким и средним крестьянским хозяйством, сохранение, достигнутое на экономической основе доведенной до конца аграрной революции и роста производительных сил крестьянского хозяйства при постоянной помощи в деле его массового кооперирования и все возрастающем ограничении частнокапиталистических, кулацких элементов—дало необходимые ресурсы для предпринятых партией решительных шагов в деле развертывания, расширения, энергичного поощрения колхозного и совхозного строительства и будет давать эти необходимые ресурсы для систематического обеспечивания четкой перспективы полной реконструкции технической базы сельского хозяйства и его коллективизации.

* * *

Отметим в заключение остальные работы Ленина, помещенные в рецензируемых томах. В 6 томе помещены замечания В. И. Ленина на брошюру Л. Троцкого «Роль и задачи профессиональных союзов» (29 декабря 1920 г. и 25 января 1921 г.).. К подчеркиваниям и замечаниям Ильича может служить подробным комментарием его речь на дискуссионном собрании фракции РКП VIII С'езда Советов в 1920 г. и брошюры «Еще раз о профсоюзах».

В VII томе интересна статья по поводу «Profession de foi» (изложение своих взглядов) Киевского комитета РСДРП. Документ относится к концу 90-х годов.

«Взгляды Киевского комитета,—пишет Ленин по поводу этого документа,—несомненно, отражают значительное влияние того нового направления молодых русских социал-демократов», которое в крайнем своем развитии слилось с бернштейнианством и дало такие продукты, как знаменитое отдельное приложение к «Рабочей Мысли» (сентябрь 1899 г.) и не менее знаменитое «Кредо».

Помещенный документ, как и возражение на него Ленина, очень важны для изучения первых шагов самоопределения революционного марксизма в борьбе с оппортунизмом внутри рабочего движения.

Затем в VII томе помещены две рецензии Ленина на книгу Каутского «Анти-Бернштейн» и С. Н. Прокоповича «Рабочее движение на Западе».

В рецензии на книгу Каутского Ленин в особенности подчеркивает правильность его критики тезиса Бернштейна о том, что будто бы Маркс необходимо связывал гибель капитализма с громадным мировым хозяйственным кризисом.

Ленин пишет:

«Каутский говорит и показывает, что никогда Маркс и Энгельс не выставляли особой Zusammenbruchstheorie (теория катастроф), не связывали Zusammenbruch'a непременно с хозяйственным кризисом... На самом деле Маркс и Энгельс ставили преобразование западно-европейских экономических отношений в зависимость от зрелости и силы выдвинутых новейшей историей Европы классов» (стр. 13).

В числе статей и писем Ленина за 1917 г. (апрель—октябрь), помещенных в VII томе, особого внимания заслуживает критика малоизвестного

до сих пор решения апрельской конференции РСДРП (24—29 апреля 1917 г.), высказавшейся за участие в 3-й Циммервальдской конференции. В резолюции тов. Зиновьева, предложенной им по своему докладу и принятой конференцией, указывалось на оппортунизм большинства Циммервальда, но вместе с тем предлагалось оставаться в циммервальдском блоке, отстаивая внутри его тактику левой и предпринимая шаги к основанию III Интернационала.

Предложение Ленина остаться в Циммервальде только с информационной целью было отклонено.

Циммервальдская конференция должна была, в частности, обсудить вопрос об участии в организуемой социал-шовинистами в Стокгольме «мирной» конференции социалистических партий.

Ленин пишет в своем письме по вопросу о Циммервальде в конце августа 1917 г.:

«Теперь особенно ясна ошибка, что мы не вышли из него. Всех надувают надеждой на Стокгольм. А стокгольмская конференция «откладывается» с месяца на месяц.

А Циммервальд «ждет» Стокгольма! Каутскианцы+итальянцы, т.-е. большинство Циммервальда «ждет» Стокгольма. И мы участвуем в комедии, отвечая за нее перед рабочими.

Это позор.

Надо уйти из Циммервальда тотчас.

Оставаясь там только для информации, мы ничего не теряем, но не отвечаем за комедию «ожидания» Стокгольма.

Выходя из гнилого Циммервальда, мы должны решить тотчас же, на заседании пленума 3/IX 1917 г.—созываем конференцию левых, поручаем это стокгольмским представителям»...

В статье «Задачи нашей партии в Интернационале» (октябрь 1917 г.) Ленин со всей решительностью критикует состав и позицию совещаний делегатов 3-й циммервальдской конференции.

Бесповоротно решительная линия на раскол с шовинистами всех оттенков и мастей, на немедленное создание III Интернационала,—такова была позиция Ленина.

В заключение, нельзя не отметить тщательность и добросовестность работы сотрудников Института в подготовке «Ленинских Сборников» в составлении примечаний, раз'яснений, раскрытии псевдонимов, дат и т. д. Благодаря этому чтение «Ленинских Сборников» делается весьма доступным не только для научных работников, но для широких кругов, интересующихся вопросами ленинизма.

Вл. Кузьмин

О полезной книге и сомнительном предисловии.

(Ч. К. ГОБСОН—«Экспорт капитала». Редакция, предисловие и дополнения Н. Спектатора).

Появление в русском переводе книги Ч К. Гобсона «Экспорт капитала» значительно обогащает нашу научную литературу по вопросам мирового хозяйства и монополистического капитализма.

До сих пор серьезнейшая проблема империализма и мирового хозяйства—экспорт капитала—слабо разработана в нашей марксистской литературе. В общей теории империализма, в произведениях Ленина и Бухарина соответствующее место на ряду с другими проблемами уделено экспорту капитала, оценке его роли и значения в современном капитализме.

Но специального труда, анализирующего всю тонкую механику экспорта капитала и его взаимоотношение со всеми остальными винтиками сложной машины монополистического капитализма в марксистской литературе нет.

Появление книги Гобсона на русском языке следует приветствовать еще и потому, что будучи изданной на английском языке накануне империалистической войны, эта книга стала библиграфической редкостью не только в СССР, но и в самой Англии.

Книга Гобсона, построенная главным образом на опыте экспорта капитала из Англии, является весьма серьезным и нужным трудом, несмотря на то, что теоретические обобщения и отдельные положения автора — типичного буржуазного пацифиста—весьма далеки от марксизма.

Материал, приводимый в этой книге, требует критического подхода не столько со стороны фактической, сколько обобщающе-теоретической. Эта работа критики и подлинно марксистского раз'яснения отдельных вопросов экспорта капитала вообще и положений Гобсона в частности должна была быть проделана в соответствующем предисловии. К сожалению, предисловие т. Спектатора само содержит ряд весьма спорных положений.

Книга состоит из перевода книги Гобсона, предисловия и дополнения т. Спектатора, таблиц эмиссий С.-А. С. Ш., Англии, Голландии и Швейцарии и небольшого списка литературы по экспорту капитала.

Мы остановимся сначала на основных положениях самого Гобсона, а затем на некоторых положениях т. Спектатора.

„Диалектика“ исторических экскурсов.

Книга Гобсона посвящена экономическому анализу вопроса о заграничных вложениях, главным образом в связи с положением Англии. Гобсон пытается решить вопрос, «есть ли заграничное инвестирование положительное или отрицательное явление и следует ли поддерживать его или бороться с ним». Для этого важно установить, увеличивает ли это инвестирование «экономическое благосостояние вывозящей капитал страны и остальных стран».

Попутно пацифист Гобсон «морализует» по поводу «случаев дурного применения капитала» (стр. 38), уверяет, что капиталисты «с филантропическими наклонностями» снабжают пригородные поселки-сады ссудами по процентам ниже нормальной ставки, а предприятие, «оскорбляющее нравственные чувства широкого круга «капиталистов», может оказаться вынужденным платить за капитал дороже среднего процента» (стр. 58).

В своей наивности, чтобы не сказать больше, Гобсон подчас изрекает «истины», заставляющие улыбнуться не одного зубра английского империализма. Так, например, Гобсон полагает, что «компания, эксплоатировавшая труд туземцев в Бельгийском Конго, едва ли нашла бы капитал в Англии, где многие капиталисты избегают в принципе даже вложения в пивоваренные заводы». Повидимому, английский капитал вступил, по Гобсону, в какую-то новегетарианскую и трезвенническую фазу своего развития, и что самое интересное, все эти благоглупости почтенного пацифиста писались буквально за несколько месяцев до начала империалистической войны.

Таким же глубокомыслием отличаются откровения Гобсона о том, что «политические симпатии тоже, вероятно, играют некоторую роль» в экспорте капитала. Это «вероятно» неподражаемо!

Первые главы книги Гобсона посвящены анализу способов и причин экспорта капитала вообще и английского в частности. Специальная глава

посвящена результатам заграничного инвестирования как в стране экспортирующей, так и импортирующей. Ряд глав посвящен историческому развитию миграции капитала и отдельным вопросам: влиянию экспорта капитала на торговый баланс, промышленность и эмиграцию.

Гобсон подробно останавливается на генезисе современного экспорта капитала. «Начало нынешнего громадного вывоза капитала,—пишет Гобсон во введении,—следует искать в далеком прошлом». Родословную современного экспорта капитала Гобсон ищет в движении торгового капитала XVII и XVIII столетий. Первоначальным источником заграничного инвестирования Гобсон считает торговлю. «Первыми заграничными вкладчиками,—пишет он,—были купцы». Современный экспорт капитала является, по Гобсону, количественным развитием того движения капитала, которое наблюдалось еще во времена Генриха V (XV век) и затем особенно в период Ост-Индской компании (XVII в.). Все своеобразие экспорта капитала в эпоху монополистического капитализма и его качественное отличие от всех предыдущих форм миграции капитала этим самым у Гобсона стирается.

Характерно, что этот же недиалектический подход к проблеме экспорта капитала имеется и у марксиста Спектатора, который в своем предисловии к книге Гобсона в основном методологическом вопросе—специфичности современного экспорта капитала,—тянется в хвосте у Гобсона. Тов. Спектатор возводит генеалогическое древо движения капитала к временам Ганзы и дома Якова Фуггера, сиречь к XII веку, ограничиваясь при этом лишь указанием, что в этот период вывозили ссудный капитал, в XVIII в. промышленный и что «наиболее сильно экспорт капитала стал развиваться со второй половины XIX века».

Принципиальное же отличие, и экономическое и социальное, вывоза капитала во времена Ганзы от экспорта капитала в период империализма, повидимому, скрыто и от т. Спектатора. Это, в известной степени, вытекает из его концепции финансового капитала, на которой мы остановимся ниже.

Первое, на чем следует остановиться при анализе экспорта капитала,—этого характерного явления эпохи империализма,—это на точной его дефиниции и этим самым отличии от всяких формально аналогичных видов движения капитала во все предыдущие фазы развития капитализма.

Так же, как колониальная политика эпохи торгового капитала качественно отличается от колониальной политики империализма, так и движения капитала на различных ступенях развития капитализма отличаются друг от друга.

И то, чего не заметил т. Спектатор, видит даже буржуазный экономист Гармс, указывающий в своей книге о мировом хозяйстве по поводу экспорта капитала, что «историк, быть может, возразит на эти рассуждения, что «по существу» они не заключают в себе ничего нового, так как помещение капитала за границей играет большую роль уже на протяжении столетий. С последним надо считаться, первое—отвергнуть».

Даже меньшевик Бинншток, выпустивший недавно в Германии свою книгу «Введение в мировое хозяйство», указывает, на «существенно различный характер экспорта капитала в XVI и XVIII вв. от того экспорта капитала, который является собственным отличием мирохозяйственного развития XIX столетия».

С начала колониальной политики XVI столетия увеличивается приток европейских капиталов в заокеанские владения. Рожденная торговым капиталом прибыль уходила за границу снова, в виде торгового и торгово-ссудного капитала. Метрополия использовывала экспортируемый капитал для приобретения «колониальных товаров»: кофе, сахара, чая, перца, корицы и т. д., а иногда благородных металлов и руды. В колониях основывались фактории и плантации, эксплоатировались туземные колониальные богатства для вывоза их в метрополию. Характернейшим примером может служить деятельность Ост-Индской компании. Импортированные Ост-Индской компанией капиталы не предоставлялись колониям, а использовывались самой «компанией» в интересах отечественного торгового капитала.

Интересам торгового капитала по сути подчинены и заграничные инвестиции этого периода и позднейших в железнодорожное строительство. Каждая новая линия колониальной железной дороги означала еще более глубокое проникновение капитала метрополии в сырьевые запасы колонии (гинтерланда), еще большее увеличение сбыта отечественных товаров. Постройка железных дорог в Британской Индии и Ост-Индии вызывала соответственно-усиленный спрос на английские товары.

«Железные дороги, — пишет Гильфердинг, — были прежде всего важнейшим средством для открытия иностранных рынков сбыта».

Экспорт капитала в период торгового и отчасти промышленного капитала является одной из подсобных функций внешней торговли. «Избыточный» капитал охотно идет в колонии бок о бок с чистой внешней торговлей, ибо как сама внешняя торговля, так и вложения в колонии дают ему более высокую норму прибыли. Об этом достаточно обстоятельно рассказывается в III т. «Капитала».

Другим видом миграции капитала в эпоху торгового и промышленного капитализма является ссудный капитал, направляющийся из-за границы в виде займов отдельным князьям, государству, отдельным государственным предприятиям и т. д., на предмет получения соответствующих процентов. Характернейшим примером в этой области является Голландия XVIII столетия. Здесь тогда находился центр, снабжавший капиталом английское и французское правительство, английских, французских и датских колониальных предпринимателей. Голландия снабжает капиталами английское судоходство, английскую колониальную политику (Ост-Индская компания начала работать на голландские деньги).

Ссудный капитал, направляясь во внешнюю торговлю и отрасли с нею связанные: морской транспорт, заграничные банки, страхование морских перевозок—интересуется преимущественно лишь процентами. Здесь в интернациональном масштабе воспроизводятся функции банков старой формации в пределах одной страны. В обоих случаях банк не заинтересован тем, куда идут деньги и как они используются. Его лишь интересует процент и степень риска.

Совсем иные цели преследует экспорт капитала эпохи монополистического капитализма. Здесь мы уже имеем дело с «вывозом стоимости, предназначенной производить за границей прибавочную стоимость» (Гильфердинг). Это обстоятельство определяет и всю социально-экономическую сущность этой новейшей формы капиталистической экспансии. Здесь уже речь идет не о проценте, а о норме прибыли.

Коллективный или единичный капиталист живейшим образом заинтересован теперь в том, где и как будут применены экспортированные им капиталы. Это соответствующим образом рефлектируется и в экономической политике монополистического капитала.

Это отличие экспорта капитала монополистического капитализма от всех предыдущих форм движения капитала следует подчеркнуть.

И, наконец, важную роль играет современный экспорт капитала в создании мирового хозяйства, как «системы производственных и соответствующих ей отношений обмена в мировом масштабе» (Бухарин). Эта система начинает складываться в период промышленного капитализма. В эту эпоху создается остов, скелет системы, а мясом и нервами она обрастает в эпоху монополистического капитала. Экспорт капитала — могучая сила, разносящая «кровь» по всем венам мирохозяйственной системы,—превращает его в некий громадный общемировой производственный организм. Таким образом, развитый экспорт капитала на ряду с рядом других элементов монополистического капитализма создает современную систему мирового хозяйства.

Все эти обстоятельства необходимо учесть, когда приступаешь к анализу современного экспорта капитала.

С этой, так сказать, исторической установкой тесно связана и дефиниция экспорта капитала. Гобсон называет экспорт капитала: экспорт с целью получения добавочных доходов из-за границы. Тов. Спектатор считает это определение правильным, хотя дальше сам дает определение экспорта капитала, существенно отличающееся от гобсоновского.

Сказать, что экспорт капитала имеет целью получение «добавочного дохода»—это, по сути, ничего не сказать, ибо добавочным доходом можно назвать и торговую прибыль и ссудный процент и прибыль от перевозок и т. д. Характерным же для экспорта капитала, как правильно ниже указывает т. Спектатор, являются «такие общественные отношения между различными странами, при которых экспортирующая капитал страна имеет возможность получать часть созданной в ввозящей капитал стране прибавочной стоимости».

А из неопределенности гобсоновской дефиниции экспорта капитала вытекает и другая ошибка—путаница в дифференциации понятий экспорта капитала и экспорта товаров.

Экспорт капитала и экспорт товаров.

Непонимание Гобсоном всего своеобразия современного экспорта капитала толкает его на путь отождествления экспорта капитала «в финансовом смысле» с неким неопределенным понятием экспорта капитала, включающим, по сути, и самые обычные операции внешней торговли.

Между тем, следует различать между экономической сущностью экспорта капитала и экспорта товаров не только по вертикали (в историческом аспекте), но и по горизонтали (взаимодействие обоих видов в капиталистической экспансии).

Поскольку для Гобсона определяющим критерием является «получение добавочного дохода» у него эти грани стираются и по вертикали и по горизонтали.

Гобсон называет капиталом ту «часть имущества, которая предназначается владельцем для приобретения дохода». А отсюда и вывод, что «заграничные инвестиции состоят из той части имущества данной системы и ее жителей, какая помещена за границей и с которой ее владельцы рассчитывают получить доход».

По этому определению, вывезенные из Англии, скажем в СССР, товары и сданные у нас в портовый склад на консигнацию, означают экспорт капитала. Между тем, совершенно очевидно, что консигнационная сделка является обычной формой товарного экспорта, а не экспорта капитала.

Для Гобсона заграничное инвестирование определяется «спросом на определенные категории товаров», но спрос на товар ведь непосредственно удовлетворяется внешней торговлей, импортом товаров, а не капиталов.

В этом вопросе Гобсон повторяет ошибку, которую делал Адам Смит в своем «Исследовании о природе и причинах богатства народов». Для Адама Смита единственной формой движения капитала за границу являлась внешняя торговля, хотя причина, влекущая капитал за границу, Смиту представлялась яснее, чем Гобсону. Адам Смит говорил о более высокой норме прибыли, получаемой в новых странах вследствие их неудовлетворенной потребности в капитале.

Ошибка Гобсона проистекает из двух причин: во-первых, от него ускользает, как мы указывали выше, основная черта экспорта капитала: вывоз стоимости, для создания прибавочной стоимости; а, во-вторых, его вводит в заблуждение тот факт, что экспорт капитала очень часто происходит в товарной форме. На этом следует остановиться несколько подробнее.

Экспорт товаров отличается от экспорта капиталов в первую очередь тем, что в первом случае идет речь о реализации стоимости, в том числе и прибавочной стоимости, уже созданной в экспортирующей стране. Конкуренция с товарами, которые производятся другими странами при менее благоприятных условиях производства, позволяет технически более передовой стране продавать часть товаров выше их стоимости. Таким образом, капитал, вложенный во внешнюю торговлю, дает более высокую норму прибыли.

«Совершенно так же, как фабрикант, утилизирующий новое изобретение, прежде чем оно вошло во всеобщее употребление, продает дешевле своих конкурентов и, несмотря на то, выше индивидуальной стоимости своих товаров, т. е. сравнительно более высокую производительную силу применяемого труда он использует, как прибавочный труд» (Маркс, «Капитал», т III).

Во внешней торговле мы имеем реализацию некоторой добавочной прибыли при внешнеторговых операциях двух стран, где одна отдает «овеществленного труда in natura более, чем получает, и все-таки получает при этом товары дешевле, чем могла бы сама их производить»[1]) (Маркс).

Совсем иная картина представляется при экспорте капитала. Здесь мы имеем дело с миграцией стоимости, перекочевывающей в другую страну для участия в производстве и создании там на месте новой прибавочной стоимости.

Эта стоимость не всегда экспортируется в денежной или вексельной форме. Вкладывая капитал в какое-нибудь предприятие в колониальной или полуколониальной стране, финансовому капиталу метрополии вовсе не обязательно посылать туда непременно деньги, он может послать туда те орудия производства или сырье, которое нужно предприятию. И в этом случае эти «товары» являются, по сути, стоимостью, предназначенной для производства прибавочной стоимости.

Однако, не всякий вывоз средств производства является экспортом капитала. Можно себе представить такой случай, когда страна А импорти-

---

[1]) Несколько непонятно, почему здесь т. Спектатор считает, что продажу экспортируемого товара выше его стоимости следует считать ненормальным явлением, в то время как в I томе своей книги «Мировое хозяйство до и после войны» —стр. 143 он пишет: «Промышленные товары сбываются в аграрных странах по цене выше их ценности», характеризуя это как «обычное» явление.

рует в страну Б капитал, а последняя использует часть этих капиталов для закупки машин в стране В. В этом случае экспорт машин из страны В в страну Б будет обычным случаем товарного экспорта.

Гобсон не понял разницы между этими принципиально различными видами экспорта в виде капитала и в виде товаров, отсюда и путаница в этой части его концепции.

Проводя принципиальное отличие между экспортом капитала и экспортом товаров, было бы, однако, совершенно неправильно замолчать то огромное влияние, которое экспорт капитала оказывает на интенсификацию внешней торговли вообще и товарного экспорта в частности.

Чисто метафизической является постановка вопроса entweder oder: или экспорт капитала или экспорт товаров. Доминирующее значение в эпоху монополистического капитализма имеет экспорт капитала, но абсолютно растет и значение внешней торговли. Экспорт капитала создает ряд предпосылок для расширения внешнеторговых отношений между страной, экспортирующей капитал, и страной, его импортирующей. И это вполне естественно: сращенный банковско-промышленный капитал метрополии думает не только о более высокой норме прибыли на экспортируемый капитал, но и о сбыте внутренней продукции. Экспорт капитала, создание за границей предприятий, расширяет туземный рынок, образуя сначала собственный дополнительный спрос, а затем расширяя спрос рынка, находящегося в сфере влияния новых предприятий.

«Вывоз капитала за границу становится средством поощрять вывоз товаров за границу» (Ленин).

В большинстве случаев при заключении той или иной сделки в области экспорта капитала, будь то государственный заем или финансирование отдельного предприятия, руководящие капиталистические группы экспортирующей страны предусматривают вопрос интенсификации товарного экспорта. Если просмотреть условия государственных займов, заключавшихся в последние годы накануне мировой войны, то там не трудно будет найти ряд пунктов, предусматривающих интересы промышленности кредитующей страны.

Шильдер в своей книге «Тенденции развития мирового хозяйства», приводит факт, как в январе 1909 г. французское правительство отказало в праве на котировку довольно значительного аргентинского займа, который предполагалось реализовать в Париже через посредство английского банкирского дома Беринг. Приблизительно в то же время французский министр финансов Кайо отказался дать свое согласие на официальную регистрацию на парижской бирже аргентинского 5% внутреннего займа 1895 г.

Вся эта неожиданная антипатия к аргентинским займам об'яснялась тем, что в 1908 г. аргентинское правительство на конкурсе орудий, имевшем место между германской фирмой Крупп и Шнейдеровскими заводами в Крезо, оказало предпочтение германской фирме.

Таких примеров можно привести не мало. Важно отметить, что экспорт товаров, связанный с экспортом капитала, вернее, проводимый как одно из условий получения займа, является особо выгодным для экспортера. Благодаря условиям займа экспортер не испытывает остроты конкуренции на мировом рынке. Вместо международной конкуренции, происходит лишь конкуренция отдельных фабричных предприятий или трестов страны-кредитора.

Экспорт капитала обычно связан не только с тем или иным отдельным заказом, но иногда и с целой системой, покровительствующей товарному экспорту страны-кредитора. Блестящим примером может служить

франко-русский торговый договор сентября 1905 г. Пользуясь финансовой зависимостью России от Франции, французская промышленность добивается льготного тарифа на ряд сельскохозяйственных и промышленных изделий, играющих большую роль во французском экспорте в Россию.

Было бы, однако, ошибкой постулировать голый закон, что экспорт капитала механически влечет за собой увеличение товарного экспорта непосредственно из страны, вывозящей капитал, или из ряда других стран, вошедших в кругооборот данной операции на денежном рынке. На известной ступени своего развития экспорт капитала становится тормозом для «нормального» развития товарного экспорта в импортирующую страну благодаря индустриализации капиталообразующих стран.

В статье «Экспорт капитала и безработица», появившейся уже в 1925 г. в сборнике «Is unemployement inevitable», Гобсон пишет:

«Если бы не развитие Северной и Южной Америки, Австралии, Индии и др. стран, Великобритания могла бы обеспечить удовлетворительное существование только части своего нынешнего населения, и ее промышленность никогда бы не достигла своих настоящих размеров. Экспорт капитала дал ей возможность производить быстро возраставшие количества фабричных изделий и в то же время непрерывно расширять базу своего продовольственного и сырьевого снабжения, а также и транспортные средства, потребные для его привоза.

Однако, за этой стадией развития в некоторых странах последовала другая, на которой выгоды, извлекаемые соединенным королевством из своих заграничных инвестиций становятся более проблематичными. В самом деле, некоторые страны, поднятые с помощью английского капитала не только очень быстро выросли по своему народонаселению и богатству, но и стали стремиться к созданию своей собственной фабричной промышленности, обыкновенно отгораживаясь таможенными барьерами от ввоза наших товаров. Наиболее разительный пример такой перемены являют С. Штаты».

Импорт капитала в аграрную или полуаграрную страну проходит две фазы развития. Первая — характеризуется переворотом в социально-экономических отношениях отсталой страны и вовлечением ее в сферу капитализма.

«Экспорт капитала, в особенности с той поры, когда он вывозится в форме промышленного и финансового капитала, колоссально ускоряет переворот во всех старых общественных отношениях и столь же ускоряет вовлечение всего земного шара в сферу капитализма» (Гильфердинг).

Но затем количество переходит в качество, и то, что вчера являлось стимулом для развития внешнеторговых отношений между аграрным «гинтерландом» и высокопромышленной метрополией, превращается сегодня в тормоз их дальнейшего развития.

Гобсон обращает в цитированной выше статье свое внимание главным образом на рост фабричной промышленности в отдельных странах, который «ставит Великобританию в менее благоприятное положение, чем то, в каком она находилась бы, если бы эти страны продолжали довольствоваться ролью поставщиц сырья для английской промышленности».

Гобсон акцентирует в своей работе главным образом на росте туземной национальной промышленности, происходящем частично за счет национализации импортированных капиталов, а частью на базе внутренней аккумуляции капиталов туземной буржуазии. Гобсон обращает здесь внимание на сужение внутреннего рынка для импортированных извне товаров благодаря росту туземной промышленности, но он упускает из виду один результат экспорта капитала, имеющий в наше время огромное значение для мирового хозяйства—это вопрос о сужении сырьевых ресурсов.

Вывоз торгового и торгово-ссудного капитала, постройка железных дорог играли огромную роль в деле эксплоатации сырьевых источников аграрных стран и вывоза добытого сырья в метрополию, и сейчас еще эта форма вывоза капитала, предназначаемого исключительно для эксплоатации сырья, имеет огромное значение в области каучука, хлопка и т. д.

Но в основном—экспорт капитала, оплодотворяющий рождение туземной промышленности, создает этим самым чрезвычайно сложное затруднение для старых промышленных стран.

Характерным для современного мирового хозяйства является процесс децентрализации промышленности, происходящий на базе неравномерного развития капитализма. Происходит своеобразное перемещение промышленности к сырьевым ресурсам.

Старая европейская промышленность питалась главным образом привозным сырьем. Индустриализация колоний означала увеличение потребления добываемого сырья у себя на месте и уменьшение его экспорта за границу. Старая промышленность оказывается в невыгодном положении относительно новой промышленности, находящейся у непосредственных источников сырья. Эта борьба за сырье на ряду с обычными экономическими и политическими коллизиями отдельных держав вызывает необходимость в создании синтетического сырья. И не случайно сейчас в европейских странах, главным образом в Германии, лишенной благодаря договору всех своих сырьевых колоний, идет усиленная работа над созданием искусственного шелка, искусственной нефти, искусственного каучука и т. д.

Детальный разбор остальных глав книги Гобсона потребовал бы слишком много места для журнальной статьи. Мы опускаем поэтому разбор описательно-исторических глав, равно как и анализ Гобсона причин заграничного инвестирования и результаты его. Мы ограничимся лишь написанным выше и переходим к разбору предисловия тов. Спектатора.

Аграрная карусель тов. Спектатора.

Особое место в книге занимает предисловие тов. Спектатора. В нем имеется ряд весьма интересных и новых положений по теории экспорта капитала, но в то же время и весьма спорные гипотезы и утверждения.

Эти спорные гипотезы в большинстве своем являются выводом из весьма «оригинальной» «теории» монополистического капитализма тов. Спектатора, изложенной им в статье «Понятие мирового хозяйства» («Мировое Хозяйство и Мировая Политика» № 8, 1927 г.).

В этой статье, являющейся частью большого труда по «теории» мирового хозяйства, тов. Спектатор, не удовлетворенный, повидимому, той трактовкой монополистического капитализма, которая существовала в марксистской литературе до него, делает попытку новаторства. Тов. Спектатор пишет: «Таким образом, к основному источнику прибавочной стоимости, эксплоатации труда рабочего, прибавляется еще один—эксплоатация крестьянского населения, в особенности в колониальных странах. Этим и отличается новая ступень развития, характеризуемая как период монополистического капитализма».

Постараемся объективно изложить, как дошел тов. Спектатор до мысли такой.

В эпоху промышленного капитализма, прибавочный продукт сосредоточивается «в руках промышленного класса, включая сюда *(?! Дм. Б.)* и фермеров-арендаторов». Промышленный капитал определяет всю надстройку общества, поэтому эта ступень развития характеризуется как эпоха промышленного капитализма. Ее сменяет монополистический капитализм.

«Характерная особенность промышленного капитала,—пишет тов. Спектатор,—это то, что основным источником прибавочной стоимости является эксплоатация труда в новейшей форме—в форме труда свободного рабочего. И промышленный капитализм не отказывается от эксплоатации самостоятельных производителей специально в деревне».

Совершенно другой политики держится монополистический капитализм, который «эксплоатирует не только рабочих, но и сельских хозяев, как, впрочем, отнимает часть прибыли также и у некартелированной обрабатывающей промышленности». Этому же процессу содействует и экспорт капитала, «который приковывает к колеснице капитализма и отдаленнейшие аграрные страны и превращает на деле все мировое хозяйство в единое целое не только по меновым, но и по другим социальным отношениям». Таким образом, эксплоатация крестьянства при монополистическом капитализме становится «новой экономической категорией, рождающей новое социальное явление», отличающее монополистический капитализм от предыдущих фаз развития хозяйственных форм.

Это теоретическое положение, к которому приходит тов. Спектатор, совершенно не научно, и сам автор его слабо защищает.

Тов. Спектатор вынужден сам указать, что эксплоатация крестьянства происходила и при промышленном капитализме, но, правда, раствор ножниц между ценами на с.-х. и промышленные товары при монополистическом капитализме больше бьет по деревне, равно как и по некартелированной промышленности, чем при промышленном капитализме. Но эти количественные изменения ни в коем случае нельзя превращать в какую-то новую качественную категорию.

Неверно это положение и в отношении колоний. Финансовый капитал экспроприирует крестьянство в колониях, превращая его в пролетариев, работающих на колониальных фабриках капитала метрополии. Но процесс экспроприации колониального крестьянства начался еще при торговом капитализме. Тогда уже подготавливались условия для того, чтобы приковать пауперизованного туземца к капиталистической машине. Колониальная сверхприбыль—эта одна из субстанций монополистического капитализма—получается, опять-таки, не столько от крестьянства, сколько от повышенной эксплоатации колониальных пролетариев.

Неверно также, что агрессивные действия монополистического капитала, в форме ли экспорта капитала, или какой-нибудь другой, направлены только в аграрные страны. Такое утверждение означало бы фактическую солидаризацию с каутскианской теорией империализма. Как раз послевоенные годы показали, что экспансия монополистического капитализма с большим успехом направлена в промышленные страны, где источником эксплоатации, опять-таки, является рабочий класс.

Ленин считал характерными особенностями монополистического капитализма известные всем пять основных признаков. Ни в одном из этих признаков-особенностей мы не найдем ни единой точки соприкосновения с теорией тов. Спектатора. Ленин тоже находил, что при империализме имеются некоторые новые характерные методы эксплоатации труда. В своей критике проекта партийной программы тов. Сокольникова Ленин писал:

«Как раз для империализма такая эксплоатация труда хуже оплачиваемых рабочих отсталых стран особенно характерна. Как раз на

ней основан в известной степени паразитизм империалистических богатых стран, подкупающих и часть своих рабочих более высокой платой при безмерной и бесстыдной эксплоатации труда «дешевых» иностранных рабочих» (Ленин. «К пересмотру партийной программы, т. XIV, ч. 2, стр. 164).

Свою теорию монополистического капитализма в несколько модифицированном виде развивает тов. Спектатор и в предисловии к книге Гобсона. Достаточно остановиться на нескольких положениях предисловия, чтобы убедиться в этом.

Тов. Спектатор рассматривает вопрос о том, из каких источников оплачивает страна ввозимый иностранный капитал. «Такими источниками могут, как известно, быть,—рассуждает тов. Спектатор,—только или заработная плата, или прибавочная стоимость, при чем прибавочная стоимость в свою очередь делится на три основных источника: проценты, предпринимательский доход и рента».

Здесь уже неправильно само противопоставление заработной платы прибавочной стоимости. Вполне естественно, что источником платежей по иностранному капиталу может быть только прибавочная стоимость вне зависимости от того, понижается или повышается зарплата.

Однако, дело не в этом. Более важно то, что Спектатор полагает, что «как нормальное явление должно считать, что ввезенный иностранный капитал питается преимущественно диференциальной земельной или горной рентой». Таким образом, вот откуда черпаются средства для оплаты импортированного капитал в сельском хозяйстве. Это в корне противоречит вышеприведенной установке Ленина о том, что паразитизм империалистических стран основан на труде «хуже оплачиваемых рабочих отсталых стран».

Можно не сомневаться, что в этом, как и в других вопросах, Ленин более прав, чем тов. Спектатор.

«Нормальным же явлением,—пишет тов. Спектатор,—можно считать ввоз иностранного капитала для разработки естественных богатств еще аграрных стран. Так как нормально разработка естественных богатств совершается в этих странах с меньшими производственными расходами, чем в капиталистических странах (вследствие ли большего богатства рудников, или большей близости их к поверхности земли, или вследствие большей возможности экстенсивности земледелия с относительно незначительным капиталом и т. д.), а продукты, вывозимые из этих стран, продаются по общим мировым ценам, определяемым общими производственными расходами, то эти страны выигрывают на разнице в цене, т.-е. получают диференциальную ренту, благодаря которой они в состоянии оплачивать несколько более высоко ввезенный иностранный капитал».

В этой фразе тов. Спектатор делает ряд ошибок: во-первых, сомнительно, что следует считать «нормальным» явлением ввоз иностранного капитала лишь в аграрные страны. Сейчас и даже до войны мы имели значительную иммиграцию капитала в промышленные страны, да и сам тов. Спектатор об этом упоминает в своем предисловии. Во-вторых, нельзя сводить «меньшие производственные расходы» в отсталых странах исключительно к естественным условиям и возможностям экстенсивного земледелия, не говоря ни слова об основном,—повышенной эксплоатации рабочих.

Основная ошибка тов. Спектатора заключается в том, что он не понимает, что определяющим в эксплоатации иностранным капиталом тех или иных отраслей туземной добывающей промышленности является не земельная рента, а норма эксплоатации рабочего. Решающим здесь является степень присвоения иностранным капиталистом прибыли, создаваемой туземным пролетариатом. «Поскольку труд более передовой страны оценивается как труд более высокого удельного веса, норма прибыли повышается, потому что труд не оплачиваемый, как труд более высокого качества, продается как таковой» (Маркс).

Тов. Спектатор обращает мало внимания на миграцию рабочей силы, столь характерную для эпохи монополистического капитализма. А как раз миграция рабочей силы из высокоразвитых в промышленном отношении стран в отсталые страны и из одних отсталых стран в другие показывает, что колониальные прибыли строятся не столько на эксплоатации местного крестьянства, сколько туземных и пришлых рабочих. «Тропические культуры, пишет Гармс, в своей книге «Национале Виртшафт унд Вельтвиртшафт»,—постоянно вынуждены пользоваться пришлыми рабочими».

Эксплоатация крестьянства иностранным капиталом—явление, имеющее место во все фазы развития капитализма, и нам представляется, что как раз наиболее характерным это является не столько для эпохи монополистического капитализма, сколько для торгового и торгово-ссудного.

Роза Люксембург в «Накоплении капитала» пишет о ростовщических процентах, которые получал европейский капитал на своих займах Египту. Она задает там вопрос, откуда брались средства для оплаты этих процентов, и отвечает, что «этим источником был египетский феллах, т.-е. крестьянское хозяйство». Феллах доставал землю, которая создала основу для всевозможных ирригационных, хлопчатобумажных и сахарных плантаций и т. д. Но и здесь речь идет не столько о диференциальной ренте, сколько о простом захвате земли хедивом. Самое же важное—это то, что крестьянское хозяйство доставляло рабочие силы, и этот крепостной труд и являлся источником оплаты процентов по европейскому займу.

Было бы, конечно, нелепо отрицать, что предпринимательская прибыль в отсталых странах выше еще и потому, что земельная рента здесь низка или номинальна, и издежки производства удешевляются низкой ценой на землю. Но на ряду с этим для эпохи монополистического капитала, характерно и то обстоятельство, что прибыль в колониях повышается еще благодаря различным привилегиям и монополиям капитала метрополии.

Грубой ошибкой является попытка тов. Спектатора свести все сложные вопросы колониальной эксплоатации исключительно к вопросам ренты.

Этот, так сказать, «аграро-центризм» проявляет тов. Спектатор и в другом вопросе—о том, откуда мобилизуются средства в метрополии для экспорта капитала. И тут тов. Спектатор считает, что «экспорт капитала, если отвлечься от случайных (!? *Дм. Б.*) неравномерностей в развитии народного хозяйства, связан с более медленным расширением основного капитала в с. х., чем рост продукции его».

В сельском хозяйстве получается известный избыток продукции, который реализуется предоставлением промышленности кредита. Промышленность же дает кредит другим странам, «не имеющим достаточно средств, чтобы сразу платить за всю машину».

Мы не имеем возможности остановиться здесь на всей схеме расширенного воспроизводства, которую строит в предисловии к книге Гобсона тов. Спектатор. Здесь имеется ряд неясностей и неправильностей особенно в области размежевания «предложения» и «спроса» основного капитала в промышленности и сельском хозяйстве. Мы отвлекаемся от всего этого. Нас интересует лишь то обстоятельство, что, во-первых, у тов. Спектатора исчезает финансовый капитал, как суб'ект экспорта капитала, вместо него фигурирует промышленный капитал, предоставляющий кре-

диты аграрным странам. Затем по тов. Спектатору выходит, что основным источником экспорта капитала являются мобилизованные в сельском хозяйстве средства. Между тем, общеизвестно, что основные массы капитала, экспортируемого за границу, мобилизуются акционерными обществами (банками) в виде ли учредительской прибыли или в результате аккумуляции самой промышленности. А по тов. Спектатору получается какая-то сельскохозяйственная карусель, в которой сельское хозяйство империалистической страны эксплоатирует сельское хозяйство колониальной страны, а промышленность выступает посредником.

В предисловии тов. Спектатора имеется ряд теоретических наметок, которые, развернуты в более или менее стройную систему в вышедшей недавно его книге о мировом хозяйстве.

К разбору этой книги, основных ее положений, в том числе и по экспорту капитала, мы намерены вернуться в специальной статье. Ибо, по существу, чрезвычайно трудно полемизировать лишь по вопросу об экспорте капитала, не затрагивая ряда смежных проблем мирового хозяйства.

Дм. Бухарцев.

Книги, поступившие в редакцию для отзыва:

ГИЗ, 1928 г.

Революция 1905 г. и самодержавие. Центрархив. Стр. 284. Ц. 2 р. 40 к.

Лейтейзен, М. Г.—Ницше и финансовый капитал. Стр. 144. Ц. 1 р. 20 к.

Шпиро, Д.—Кустарная промышленность и народное хозяйство СССР. Стр. 180. Ц. 60 коп.

Новая тактика английской компартии. Сборник. Стр. 168. Ц. 1 руб.

Хозяйство, политика, рабочее движение в капиталистических странах за 1924—1927 г. Коминтерн. Стр. 1133. Ц. 8 руб.

Ангаров, Галаиза, Колоколкин, Петерсон.—Хрестоматия по государственному устройству СССР. Стр. 383. Ц. 3 руб.

Коммунистический Интернационал перед шестым всемирным конгрессом. Стр. 442. Ц. 4 руб.

Промышленный экспорт.—ИНО ВСНХ. Стр. 230. Ц. 1 руб.

Степанов, И.—Диалектический материализм и деборинская школа. Стр. 160. Ц. 1 руб.

Плеханов Г. В.—Воинствующий материализм. Стр. 129. Ц. 50 коп.

Леонтьев, А. — Социалистическое строительство и его критики. Стр. 234. Ц. 90 коп.

Ришар, В.—Сырье в народном хозяйстве СССР. Стр. 170. Ц. 1 р. 10 к.

Рудой, Я.—Как возник и развивался монополистический капитализм. Стр. 100. Ц. 50 коп.

Цена 1 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“

МОСКВА, 9, Тверская, 48.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

на ежемесячный философский и общественно-эконом. журнал

„Под Знаменем Марксизма“

7-й год издания.

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“ ставит перед собою задачу защиты ортодоксального диалектического материализма Маркса и Ленина от извращений идеализма и оппортунизма, откуда бы они ни исходили.

В своей статье, ставшей для журнала программной, В. И. Ленин подчеркивал боевое для дела революции значение поставленных перед журналом задач и его величайшую важность, как идейного проводника воинствующего материализма.

В наши дни, когда к этим, намеченным В. И. Лениным, задачам журнала прибавилась, как важнейшая задача — борьба с ревизией теоретических основ марксизма и ленинизма, значение журнала выросло еще более.

В журнале принимают участие видные марксисты, коммунисты и беспартийные ученые материалисты.

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“ имеет постоянные отделы: Ленин и ленинизм, актуальные проблемы философии диалектического материализма, история материализма, современные течения философской мысли, исторический материализм, статьи по вопросам теоретической экономии, статьи по теории советского хозяйства, история социализма, вопросы литературы, искусства в материалистическом освещении, психология и марксизм, диалектика и естествознание, дискуссионный отдел, критика и библиография, отдел переписки с читателями, сообщения и заметки.

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“ рассчитан на активных работников партии, преподавателей и слушателей комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 1 мес. — 1 р. 50 к., 3 мес. — 4 р. 25 к., 6 мес. — 8 р., 12 мес. — 15 р.

Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

Подписную плату надлежит переводить по адресу:
Главная контора „ПРАВДЫ“ и „БЕДНОТЫ“. Москва, 9, Тверская, 48,
а также во все отделения издательства.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ
НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

„КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“

ОРГАН ИККИ — **10-й год издания**

„КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“ — еженедельный боевой орган Исполкома Коммунистического Интернационала, отражающий идеологическую и тактическую линию Исполкома и весь опыт международного коммунизма.

„КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“ ведет в первую очередь непримиримую борьбу с оппортунизмом и соглашательством в рядах рабочего класса.

„КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“ является мощным орудием большевизации Коминтерна, орудием борьбы против всякого рода шатаний, скептицизма и пессимизма в большевистских рядах.

„КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“ уделяет особое внимание национально - освободительной борьбе угнетенных народов.

„КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“ беспощадно разоблачает империализм и его социал-демократических агентов.

„КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“ собирает весь опыт мирового пролетарского движения и пятидесяти секций Коминтерна, привлекая к активному участию в журнале все лучшие силы международного коммунизма.

С 1 января 1928 г. подписная цена на „КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“

СНИЖЕНА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 мес.—**1** р., 3 мес.—**2** р. **85** к., 6 мес.—**5** р. **50** к., 12 мес.—**11** руб.

Цена отдельного номера—25 коп.

ЗАКАЗЫ и ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯЙТЕ: Москва, 9, Тверская, 48, Изд-ву „Правда“ и „Беднота“, в отделения „Правды“, в почтово-телеграфные конторы и письмоносцам.